

ЮЛІЙ ГЕССЕНЪ.

ЗАКОНЪ И ЖИЗНЬ

Какъ созидались ограничительные законы
о жительствѣ евреевъ въ Россіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

Типографія А. Г. Розена — Спб. Театральная пл., 2-

Отъ автора.

„Законъ и слезы“—такъ слѣдовало бы озаглавить книгу, посвященную исторіи ограничительныхъ законовъ о правѣ жительства—вѣрнѣе, о правѣ на жизнь—евреевъ въ Россіи. Эти законы обильно орошены кровавыми слезами ряда поколѣній русскихъ евреевъ. Но при составленіи настоящей книги, въ поискахъ за одной холодной правдой, были заглушены чувства братскаго состраданія. Здѣсь передано лишь то, что повѣдали подлинныя документы, эти глухіе рассказы, не прислушивающіеся къ измѣнчивымъ лозунгамъ дня. Изъ-за груды бумагъ не доносились извнѣ стоны еврейской жизни, не было видно живое многомиліонное лицо русскаго еврейства, искаженное страданіемъ.

Но и въ шелестѣ самихъ бумагъ слышались вздохи смертельной тоски, объявшей измученный народъ. Русскіе люди, какъ тѣ, которые питаютъ къ евреямъ добрыя чувства, такъ и тѣ, въ чьемъ сердцѣ таится ненависть къ нимъ, единодушно на протяженіи свыше ста лѣтъ свидѣтельствуютъ объ ужасающей бѣдности еврейскаго населенія, понижающей его нравственный уровень, о тяжелыхъ противоестественныхъ условіяхъ его правовой жизни, влекущихъ его на путь преступленія.

Но пусть это будетъ забыто. Пусть молотъ ограничительнаго законодательства крошитъ еврейскій народъ, не вызывая ни въ комъ жалости. Пусть голосъ корысти отдѣльныхъ общественныхъ группъ заглушаетъ стонъ мученика-народа.

И при всемъ этомъ всякій, кому дорого благо страны, долженъ заглянуть въ мрачную глубину еврейскаго гетто, ибо эта разверстая пасть поглощаетъ не однѣ лишь еврейскія жертвы.

Русскіе люди не только прогрессивнаго образа мыслей, но и консервативно настроенные, вдумчиво относящіеся къ государственнo-общественнымъ явленіямъ, настойчиво указываютъ на то, что разложеніе экономической жизни евреевъ, вызываемое ненормальными условіями ихъ правового быта, губительно вліяетъ на государственное хозяйство страны, что отчаяніе, не сдерживаемое надеждами на лучшее будущее, различно проявляясь въ разнообразныхъ общественныхъ группахъ еврейства, приводитъ къ одному результату — понижая дѣеспособность миллионнаго народа и ослабляя его творческую силу, оно создаетъ кадры нищихъ и вноситъ смятеніе въ общественную атмосферу.

Не жалость къ страдальцу-народу должна эта книга вызвать въ русскомъ обществѣ—нашему вѣку чужды великія печали. Эти скорбныя страницы да не обратятъ онѣ взора читателя на изможденный ликъ еврейскаго народа. Пусть онѣ лишній разъ остановятъ русскую общественную мысль на судьбѣ самой родины. Задумавшись, по прочтеніи повѣсти еврейской жизни, надъ будущемъ страны, лучшіе русскіе общественные элементы, до сихъ поръ столь малодушно сторонившіеся этого будто бы страшнаго „еврейскаго вопроса“, поймутъ, что эмансипація евреевъ — это одно изъ тѣхъ дѣлъ - подвиговъ, выпадающихъ на ихъ долю, выполнение котораго требуется насущными нуждами страны.

Еврейское безправіе питается общественной корыстью и предразсудками—съ ними надо бороться.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Характеръ русскаго ограничительнаго законодательства о евреяхъ.—Отсутствіе планомѣрности и опредѣленности въ цѣляхъ.—Безсиліе законодательства въ борьбѣ съ требованіями жизни.—Роль правительства и общества въ созиданіи ограниченій.

Когда окидываешь взоромъ хаотическую громаду—русское ограничительное законодательство о евреяхъ, возникаетъ скорбный вопросъ: для какой реальной надобности, по какимъ побудительнымъ причинамъ, по какому плану люди трудились въ теченіе болѣе вѣка надъ созиданіемъ его? Но отвѣта нѣтъ.

Оставаясь неизмѣннымъ въ своихъ основныхъ моментахъ, это ограничительное законодательство существовало при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ русской политической и общественной жизни, далеко не всегда находясь въ непосредственной связи съ ней. Если въ періоды либеральныхъ вѣяній положеніе еврейскаго народа нѣсколько облегчалось, то все же эволюція государственной и общественной жизни Россіи весьма слабо отражалась на его судьбѣ.

Стѣснительные законы устанавливались по самымъ разнообразнымъ поводамъ, порою до смѣшного прихотливымъ. Но мотивы, которыми оффиціально объяснялось появленіе того или иного законодательнаго акта, вращались главнымъ образомъ въ сферахъ экономической, религіозной и гражданской, т. е. относились къ наименѣе измѣнчивымъ моментамъ въ жизни страны, благодаря чему законодательство, направленное къ ограниченію евреевъ въ правахъ, получало съ внѣшней стороны какъ бы болѣе устойчивый и послѣдовательный характеръ. Противъ евреевъ выдвигались обвиненія въ эксплуатаціи экономически слабаго населенія, въ стремленіи произвести религіозное давленіе на сосѣдей, во

враждебныхъ отношеніяхъ къ иновѣрцу, въ игнорированіи интересовъ государства или общества, въ неисполненіи гражданскихъ обязанностей и проч.

Подобныя „преступленія“—независимо отъ того, какъ они оцѣниваются, съ точки-ли зрѣнія человѣческой справедливости, или исторической необходимости и т. д.,—по своему существу вытекающія изъ сложнаго соотношенія моральныхъ и матеріальныхъ силъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ, носятъ, конечно, универсальный характеръ; эти явленія встрѣчаются въ жизни и дѣятельности любого народа и, до известной степени, объясняются общечеловѣческими слабостями и пороками.

Указанныя явленія не чужды, разумѣется, и евреямъ. Но законодатель, создавая для евреевъ ограничительныя правила, придавалъ—въ рѣзкихъ и авторитетныхъ выраженіяхъ—тому или другому изъ указанныхъ явленій специфически-еврейскій характеръ; оголяя это явленіе отъ окружающихъ условій экономической, гражданской или культурной жизни страны, не останавливаясь даже на вопросѣ объ его неизбѣжности или необходимости, законодатель изображалъ его исключительно, какъ продуктъ злой воли и притомъ злой воли не отдѣльныхъ евреевъ, а всего народа.

Самымъ губительнымъ изъ ограничительныхъ законовъ является, безспорно, лишеніе свободы въ жительство и передвиженіи, болѣзненно поражающее почти всѣ стороны еврейскаго существованія. Суровый запретъ пользоваться естественнымъ правомъ жить и передвигаться по всей территоріи страны, лежащей въ основѣ многограннаго репрессивнаго законодательства, сковывая дѣятельную волю еврея въ области физическаго и умственнаго труда, налагаетъ свою тяжелую мертвящую печать на его духовный и экономическій бытъ.

Зарожденіе ограничительнаго законодательства въ отношеніи передвиженія и жительства евреевъ относится къ тому времени, когда прикрѣпленіе обывателя къ данному мѣсту лежало въ основѣ русской государственно-общественной жизни,—этимъ-то обстоятельствомъ во многомъ и уясняются условія, при которыхъ былъ положенъ первый камень этого законодательства, — но среди позднѣйшихъ

явленій русской жизни и въ кругу современныхъ условій рѣшительно нельзя отыскать какихъ-либо живыхъ силъ, которыми это кандалное законодательство поддерживалось бы столь долгое время.

Приводя внѣшне къ одному общему результату, т. е. къ удержанію евреевъ въ тѣхъ или другихъ территоріальныхъ границахъ, ограничительные законы въ отношеніи жительства и передвиженія не являются, по своей внутренней цѣли, идентичными; противорѣчивымъ разнообразіемъ въ мотивахъ и поводахъ, вызвавшихъ тотъ или другой законъ, опредѣляется разнообразіе самихъ законовъ по ихъ существу; лишь формально эти законы могутъ быть объединены въ нѣчто единое и цѣльное.

И охватывая взоромъ совокупность обстоятельствъ, которыми сопровождалось возникновеніе многостороннихъ ограниченій въ правѣ передвиженія и жительства, нельзя не убѣдиться, что ни одинъ изъ факторовъ, содѣйствовавшихъ установленію отдѣльныхъ ограничительныхъ законовъ, не является господствующимъ, не играетъ первенствующей роли; ни одинъ изъ этихъ факторовъ не далъ строго-опредѣленныхъ очертаній законодательной работѣ о евреяхъ.

Боялся ли законодатель, вообще, сосѣдства еврейскаго населенія съ христіанскимъ? Принципіально, расселеніе еврейскаго народа по Россіи его вовсе не смущало. Съ переходомъ бывшихъ польскихъ евреевъ подъ русскую власть прежняя территорія еврейской осѣдлости въ Польшѣ была уже вскорѣ расширена; а затѣмъ еврейскому купечеству и мѣщанству былъ предоставленъ пріѣздъ во внутреннія губерніи на довольно продолжительное время; позже—цѣлый рядъ категорій еврейскаго населенія получилъ право свободно селиться почти по всему государству. Однако, наряду съ этимъ, остальному еврейскому населенію не только строжайше воспрещалось переступить черту осѣдлости, но въ самихъ предѣлахъ черты, въ отдѣльныхъ случаяхъ, стали создаваться мелкія, сравнительно, по своей цѣли, но, быть можетъ, тѣмъ болѣе оскорбительныя ограниченія, доходящія до запрета жить въ опредѣленномъ городѣ, даже въ опредѣленныхъ городскихъ участкахъ. И эти мелочныя ограниченія проводились и проводятся понынѣ со строгостью, которая

совершенно не соотвѣтствуетъ существу запрета и которая не всегда примѣнялась даже при осуществленіи болѣе важныхъ, на взглядъ законодателя, репрессивныхъ правилъ.

Страшился ли законодатель экономическаго порабощенія евреями христіанскаго населенія вообще? Нѣтъ, не страшился. Отступленія, которыя столь часто допускались отъ общихъ ограниченій въ сферѣ жительства и передвиженія, преимущественно вызывались реально ощущавшейся необходимостью устранить препятствія, парализовавшія развитіе экономической дѣятельности еврейскаго населенія. Именно торгово-промышленная дѣятельность евреевъ побуждала законодателя устанавливать для нихъ соотвѣствующія, такъ сказать, льготы. Однако, на отдѣльныя стороны гражданской жизни евреевъ, тѣсно сплетающейся съ ихъ торгово-промышленною дѣятельностью, продолжали сыпаться ограниченія, не вызываемыя видимой необходимостью. вмѣстѣ съ тѣмъ евреямъ нерѣдко ставились въ вину такіе виды дѣятельности, которыми торговля всюду обыкновенно сопровождается, и въ связи съ этимъ вводились предупредительныя мѣры, нерѣдко переходившія далеко за предѣлы той цѣли, которая имѣлась въ виду.

Тревожился ли законодатель за судьбу менѣе развитаго русскаго населенія—крестьянскаго? Этого опасенія не было. Еще въ первую четверть 19-го вѣка, послѣ долгаго и всесторонняго разсмотрѣнія вопроса, мысль о пресѣченіи сношеній между крестьянами и евреями была оставлена, а позже, въ тѣхъ случаяхъ, когда почему-либо признавалось крайне необходимымъ, въ интересахъ крестьянства, отдалить отъ него евреевъ, соображеніе о казенной выгодѣ побуждало законодателя допускать ихъ къ соприкосновенію съ крестьянской жизнью.

Пугало ли законодателя культурное воздѣйствіе евреевъ на христіанъ? Отнюдь нѣтъ. Именно высшее образованіе надѣляло евреевъ правомъ повсемѣстнаго жительства.

Безпокоила ли законодателя мысль, что евреи будутъ совращать христіанъ въ лоно еврейской вѣры? Исторія евреевъ въ Россіи не давала рѣшительно никакого повода для подобныхъ опасеній: тамъ, гдѣ евреи жили массами, не возникало религіозныхъ броженій, связанныхъ съ еврейской вѣрой. Іудействующія секты распространялись въ губерніяхъ,

въ которыхъ евреи проживали въ самомъ незначительномъ числѣ. Несмотря на это, тревога за неприкосновенность религиозныхъ убѣжденій христіанскаго населенія оставила въ законодательныхъ матеріалахъ извѣстные слѣды, но все же сколько-нибудь замѣтной окраски это опасеніе не наложило на нынѣ дѣйствующее законодательство.

Выводъ одинъ. Русскіе ограничительные законы о евреяхъ въ своей совокупности не преслѣдовали одной какой-либо цѣли, ясно намѣченной и устойчивой. Законодательство видоизмѣнялось, развивалось, но жизнедѣятельность законодателя не вызывалась какой-либо широкой задачей, которая остро и опредѣленно ставилась бы жизнью; задачей, которая, вытекая изъ условій дѣйствительности, руководила бы имъ.

Законодательный аппаратъ работалъ, но не созидалъ; онъ билъ постоянную тревогу и, самъ не зная покоя, никому не давалъ его. Законодатель стремился къ цѣли, которой никогда не могъ добиться и это потому, что онъ направлялся къ цѣли, которую не ставилъ себѣ конкретно, которую не выразилъ въ открытомъ словѣ, въ явномъ непреклонномъ намѣреніи.

Но была же какая-то сила, которая нервно толкала законодателя то въ одну, то въ другую, нерѣдко противоположную сторону.

Было же нѣчто такое, что безпрестанно тревожило законодателя, вызывало его къ дѣятельности, но что вмѣстѣ съ тѣмъ не ставило его въ непосредственную связь съ жизнью, благодаря чему то, что дѣлалось сегодня—противорѣчило сдѣланному вчера, или сдѣланное сегодня—отмѣнялось завтра.

Источникъ силы, возбуждавшей законодателя къ лихорадочной работѣ, лежалъ внѣ сферы фактовъ жизни, за предѣлами требованій дѣйствительности. И, быть можетъ, именно поэтому сила эта не владела законодателемъ въ такой мѣрѣ, чтобы имъ властно распоряжаться; она, однако, не была на столь слабой, чтобы не отражаться на отдѣльныхъ его дѣйствіяхъ.

Предубѣжденіе противъ евреевъ, и не столько, какъ нехристіанъ, сколько именно, какъ евреевъ, съ предками которыхъ связанъ трагическій конецъ земной жизни Христа; ненависть къ конкуренту-врагу, котораго никакъ, будто,

нельзя побѣдить; суевѣрный страхъ передъ народомъ, духовная жизнь котораго такъ непонятна, такъ таинственна, что представляется чудовищно-страшной,—всѣ эти чувства, обильно разсыпанныя въ душѣ отдѣльныхъ людей, но не объединяющіяся при свѣтѣ дня въ совѣсти цѣлаго народа, всѣ эти чувства и составили ту скрытую силу, которая исказила въ глазахъ законодателя дѣйствительный обликъ жизни еврея, вѣрнѣе сказать—силу, которая заставила правительство исказить живую дѣйствительность; силу, которая, держа законодателя въ безпричинномъ страхѣ, въ стихійномъ смятеніи и въ безвольномъ состояніи, не допускала его до созидательной работы, а понуждала его лишь уничтожать то, что творила жизнь, и творить то, что жизнь неминуемо должна была уничтожить.

Поэтому-то въ основу ограничительнаго законодательства положена отвѣтственность всего еврейскаго населенія за каждаго члена въ отдѣльности. Ограничительное законодательство затягиваетъ петлей не только тѣхъ, кто, съ точки зрѣнія данной законодательной мѣры, признается виновникомъ того или другого вреднаго явленія, но душитъ и прочее еврейское населеніе: одинъ за всѣхъ, всѣ за одного.

Въ связи съ этимъ, подъ вліяніемъ религіознаго предубѣжденія, съ одной стороны, и подъ давленіемъ торгашеской зависти обывателя—съ другой, администрація усугубляла на практикѣ суровость репрессивныхъ мѣръ: создавая всяческія сомнѣнія въ примѣненіи законовъ, возбуждая многообразные вопросы, она ихъ разрѣшала въ смыслѣ расширения дѣйствія ограничительныхъ правилъ, и къ жертвамъ законодателя присоединялись жертвы исполнительной власти...

Такъ, въ многообразныхъ тискахъ бьется въ теченіе болѣе вѣка въ мучительныхъ корчахъ еврейское существованіе въ Россіи. Тайна великаго терпѣнія еврейскаго народа скрыта въ его религіозномъ сердцѣ, въ мысли, умудренной многовѣковымъ историческимъ прошлымъ. Эта сила духа спасла еврея отъ страха жизни; сохранивъ въ немъ вѣру въ будущее, она заставляла его переживать нынѣшній день въ надеждѣ на завтрашній. Нужно было жить, и еврей жилъ...

Но какъ же могъ онъ существовать въ безднѣ своего безправія? Пользуясь человѣческими слабостями, онъ прибѣ-

галъ къ тому средству, которое было наиболѣе дѣйстви-
тельно по условіямъ времени и мѣста: онъ *покупалъ*, въ пря-
момъ и полномъ смыслѣ этого слова, право на жизнь.

И къ числу обвиненій, щедро предъявляемыхъ евреямъ,
присоединилось новое — они, молъ, развращаютъ админи-
страцію, толкаютъ низшихъ представителей власти на путь
забвенія своего долга...

Когда эти выводы, какъ результатъ историческаго обзора
важнѣйшихъ ограничительныхъ законовъ о евреяхъ въ
Россіи, были сдѣланы мною для представленія членамъ
первой Государственной Думы ¹⁾, торжественно-повышенное
настроеніе, которое переживали тогда прогрессивные эле-
менты русскаго общества, воспалило фантазію еврейскаго
народа, и большинству его чудилось, что однимъ напряжен-
нымъ душевнымъ движеніемъ, вызваннымъ глубоко-проникно-
веннымъ сознаніемъ всей важности наступившаго историче-
ческаго момента, народные представители разрушатъ стѣны
еврейскаго безправія, раскуютъ цѣпь униженія, остро, до
крови впившюся въ еврейскую жизнь. И тогда вчерашній
день станетъ отдаленнымъ, полузабытымъ прошлымъ.

Но не всѣ вѣрили въ эту сказку, рожденную печалью
еврейской души.

Знали мы, что грохотъ повседневной суетливой жизни
жестоко и цинично выветъ этотъ старый, закаленный
страданіями народъ изъ-подъ ласковой власти сновидѣнія.

Обширный суровый законодательный матеріалъ, регули-
рующій еврейскую жизнь на протяженіи шести-семи по-
колѣній, и громоздкіе труды правительственныхъ канцелярій,
подготовлявшихъ эти законы, отпугивали фантазію. Старая
тряпичная бумага не скоро истлѣваетъ: вынесенные наружу,
старые законодательные акты своей свѣжестью не отлича-
лись отъ новѣйшихъ твореній въ этой области.

Если бы повседневную судьбу евреевъ въ Россіи творила

1) См. отдѣлъ „Примѣчанія“ въ концѣ книги.

одна лишь бюрократическая власть, можно было бы повѣрить, что обновленіе страны немедленно дастъ гражданскую свободу еврейскому населенію. Но безпристрастное изученіе фактовъ прошлаго раскрываетъ предъ нами правду, которой мы должны безстрашно взглянуть въ глаза.

Не одни только представители власти творили ограничительные законы. Они ихъ писали, они ихъ истолковывали, они приписывали себѣ авторскую честь, но созидательная сила неоднократно исходила изъ разнообразныхъ круговъ общества.

И, именно, эта правда не позволяла возмечтать, что достаточно духовнаго общественнаго подъема, чтобы ограничительное законодательство сразу превратилось въ тотъ *историческій* матеріалъ, который, утративъ непосредственную связь съ настоящимъ, говоритъ лишь о прошломъ.

Ограничительное законодательство явилось результатомъ сложныхъ взаимоотношеній между различными общественными группами, съ одной стороны, и между ихъ совокупностью и правительствомъ — съ другой. Въ средѣ многообразныхъ общественныхъ группъ происходила то явная, то скрытая борьба за сохраненіе или за ограниченіе правъ евреевъ; боролись, конечно, не во имя принципа справедливости или естественныхъ правъ евреевъ; различіе интересовъ превращало однихъ — въ защитниковъ евреевъ, другихъ — въ противниковъ послѣднихъ. Эти конкурирующія между собою группы апеллировали къ правительству, которое, съ своей стороны, въ зависимости отъ разнообразныхъ обстоятельствъ дня или личныхъ вліяній, становилось то въ ряды защитниковъ евреевъ, то въ ряды противниковъ.

Есть порочныя дѣянія, которыя рождаются во мракѣ и тайнѣ, дѣянія, отъ которыхъ людей удерживаетъ только свѣтъ дня. Чтобы разрушить ограничительное законодательство, надо отдернуть завѣсу, скрывающую правду его созиданія, и обнажить позоръ его существованія. Необходимо открыто засвидѣтельствовать, что творцомъ ограничительнаго законодательства о евреяхъ является не только правительство, но и общество.

Надо показать, что евреи приносились въ жертву не высокимъ государственнымъ интересамъ, а личной мелкой ко-

рысти, злобнымъ вождельніямъ, невѣжественному фанатизму, суетнымъ домогательствамъ.

Исторія возникновенія стѣснительныхъ законовъ о жительствѣ евреевъ можетъ дать въ этомъ отношеніи много яркихъ картинъ.

Ростъ ограничительнаго законодательства.

Періодъ до перехода въ русское подданство.

Давность еврейскаго поселенія въ Россіи.—Стремленіе Верховной власти въ 18 в. удалить евреевъ изъ страны.—Вынужденное повтореніе соотвѣтствующихъ повелѣній.—Ходатайство малороссійскихъ и рижскихъ властей объ отмѣнѣ выселенія.—Тайное содѣйствіе имп. Екатерины II водворенію евреевъ въ Россіи.—Просьба рижскаго депутата о допущеніи ихъ въ городъ.

Исторія своевольна. Шествуя по пути, ей одной вѣдомому, она часто поражаетъ челоуѣчество своими причудливыми движеніями. Въ предвидѣніи же какого будущаго, скрытаго отъ насъ, она столь настойчиво добивалась того, чтобы большинство потомковъ древнѣйшаго народа, прошедшаго длинный культурный путь, сосредоточилось въ предѣлахъ государства, сравнительно молодаго, позже другихъ приобщавшагося къ современности?

Евреи издавна поселились на территоріи нынѣшней Россіи и съ тѣхъ поръ непрерывно проживаютъ здѣсь въ большемъ или меньшемъ числѣ. Въ Крыму молчаливые могильные памятники говорятъ о пребываніи ихъ еще до христіанскаго лѣтосчисленія. Кавказскія горы въ легендахъ, поэтическомъ эхо исторіи, хранятъ сѣдыя воспоминанія о предкахъ нынѣшнихъ евреевъ-горцевъ. Днѣпръ, пробѣгая мимо Кіева, уже за много столѣтій до насъ видѣлъ тамъ кипучую торговую дѣятельность евреевъ. А западныя губерніи каждымъ клочкомъ земли повѣствуютъ о вѣковой исторической жизни евреевъ на этихъ мѣстахъ. Давнимъ является пребываніе евреевъ и въ Царствѣ Польскомъ. Въ Курляндіи и Лифляндіи евреи также имѣютъ грустныя воспоминанія о длительной борьбѣ за право проживанія.

Созидавая себя, Русь смела съ лица земли многія народности, а позже, уже прочно существуя, она, оберегая свою вѣру и свою добычу, долго, съ тяжелымъ упорствомъ дремлющаго великана, отгоняла отъ себя тѣхъ, кто могъ нарушить ея покой.

Евреи, наряду съ иностранцами, подвергались порою притѣсненіямъ; они то изгонялись изъ страны, то предупредительно не впускались сюда. Но всѣ подобные удары, обрушивавшіеся на евреевъ, то лѣнливо, то свирѣпо, не могли запугать этихъ чужаковъ, жизненные потребности которыхъ были сильнѣе страха предъ кулакомъ.

Наступилъ 18-ый вѣкъ, ставшій въ Россіи въ отношеніи евреевъ ареной для борьбы между безсильными человѣческими велѣніями и властными требованіями исторіи. Это столѣтіе началось довольно печально для евреевъ. Могло даже казаться, что, наконецъ-то, религіозная вражда къ евреямъ одержитъ верхъ надъ экономическими факторами, которымъ въ то время, впрочемъ, старались придавать слишкомъ ничтожное значеніе въ государственной жизни, и Россія избавится отъ евреевъ. Начался періодъ настойчиваго стремленія освободить страну отъ нихъ. Бумаги писались и подписывались... А между тѣмъ отдаленныя событія, столь мало, казалось, имѣвшія отношеніе къ евреямъ, шли своимъ чередомъ, долженствуя въ одномъ изъ своихъ итоговъ ввести въ составъ русскаго государства миллионное еврейское населеніе.

Во второй четверти 18-го в. евреи встрѣчались въ Россіи преимущественно, да и то въ небольшомъ числѣ, въ Малороссіи, Смоленской губ. и Ригѣ. Въ 1727 г. имп. Екатерина I повелѣла нарушить контрактъ на откупъ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ въ Смоленскомъ уѣздѣ, заключенный съ двумя евреями, и выслать обоихъ съ ихъ товарищами изъ страны. А затѣмъ, въ томъ же году приказала удалить немедленно всѣхъ евреевъ, находящихся на Украинѣ и въ другихъ россійскихъ городахъ, и впредь ихъ въ Россію „ни подъ какими образы“ не впускать.

Эта мѣра не была еще, повидимому, осуществлена, какъ уже начались послабленія. Въ слѣдующемъ году, въ недолгое царствованіе Петра II, евреямъ было разрѣшено пріѣзжать въ Малороссію на ярмарки для оптовой, но отнюдь

не розничной торговли. При этомъ, правда, была подтверждена сила предыдущаго указа, запретившаго постоянное проживаніе евреевъ въ странѣ. Но можно было предвидѣть, что временные пріѣзды, съ согласія мѣстной власти, легко превратятся въ длительное пребываніе. Въ 1731 г., при Аннѣ Іоанновнѣ, право временнаго проживанія было распространено на Смоленскую губернію. Затѣмъ евреямъ разрѣшили торговать на ярмаркахъ не только оптомъ, но и въ розницу. Наконецъ, указомъ 6 февраля 1736 г. сенатъ разрѣшилъ сдавать евреямъ, пріѣзжающимъ изъ Польши въ Смоленскую губернію, поставку вина въ губерніи, если ихъ цѣна будетъ выгоднѣе прочихъ ²). Такимъ образомъ, интересы фиска заставили сенатъ согласиться на болѣе или менѣе долговременное пребываніе евреевъ въ странѣ: исполненіе подобныхъ договоровъ съ казною требовало, чтобы подрядчики пребывали въ краѣ на срокъ контракта. Нельзя сказать, чтобы сенатъ не сознавалъ, что онъ нарушаетъ законъ о евреяхъ; „а впредь—говорилось въ томъ же указѣ—о жидкахъ поступать по прежнимъ указамъ“,—но разъ нарушеніе закона обѣщаетъ прибыль казнѣ, можно сдѣлать исключеніе, несмотря на то, что за нѣсколько лѣтъ, по повелѣнію имп. Екатерины I, контракты съ евреями по откупамъ сборовъ были расторгнуты, а они сами подверглись высылкѣ изъ Россіи.

Вскорѣ, дѣйствительно, обнаружилось, что предоставленное евреямъ въ Малороссіи временное пребываніе послужило имъ основаніемъ для прочной осѣдлости. Для этого было, конечно, мало одной лишь доброй воли самихъ евреевъ, необходимо было также согласіе мѣстныхъ властей. Последняго евреямъ, въ сущности, не приходилось добиваться. Объ этомъ заботились тѣ, кому евреи нужны были въ качествѣ шинкарей. Доходы съ питейныхъ промысловъ составляли въ ту пору основу бюджета частныхъ лицъ, монастырей и самаго государства. Обще интересы требовали, чтобы питейные промыслы широко развивались и съ этой цѣлью евреевъ привлекали и монастыри, и сановныя лица. Такъ, за Кіево-Софійскимъ монастыремъ числилось три еврея, въ „отписныхъ маетностяхъ“—одиннадцать, за генераль-фельдмаршаломъ Минихомъ—пятнадцать; далѣе слѣдовали титу-

лованные тайные совѣтники, офицеры, священники а изъ срецы „малороссійцевъ“ —обозный генераль, генеральный войсковой судья, бунчуковые товарищи, сотники. Всѣ эти лица числили за собою по одному или нѣсколько евреевъ, каковыхъ всего, вмѣстѣ съ женщинами, было до 600 душъ. Не имѣя недвижимой собственности, евреи не вели самостоятельныхъ дѣлъ, а служили при шинкахъ, принадлежавшихъ монастырю, отписнымъ на имя Ея Величества маетностямъ и ряду вліятельныхъ лицъ.

Неизвѣстно, по чьей инициативѣ, но въ 1740 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе выслать всѣхъ евреевъ за предѣлы государства. Однако, это мѣропріятіе не было осуществлено. И вступившая на престолъ имп. Елизавета Петровна, ссылаясь на указъ своей матери, имп. Екатерины I, не замедлила потребовать (2 декабря 1742 г.), чтобы всѣ безъ исключенія евреи, какъ изъ малороссійскихъ, такъ и великороссійскихъ городовъ, сель и деревень, были немедленно высланы за границу,—начальству предписывалось за осуществленіемъ этой мѣры „смотрѣть на крѣпко, подъ опасеніемъ за неисполненіе по сему Высочайшаго Нашего гнѣва и тяжчайшаго истязанія“. Указъ былъ опубликованъ по всему государству, дабы повелѣніе стало извѣстнымъ всѣмъ подданнымъ. Несмотря, однако, на эту торжественность, долженствовавшую всѣхъ убѣдить въ рѣшительности государыни, были сдѣланы попытки склонить ее къ отмѣнѣ повелѣнія.

Со словъ малороссійской генеральной войсковой канцеляріи сенатъ донесъ государынѣ, что часть евреевъ уже выслана, но греки, откупщики сборовъ, указываютъ, что, если евреи, съ которыми они находятся въ торговыхъ связяхъ, не будутъ впредь допускаться на ярмарки, то въ казенныхъ сборахъ можетъ оказаться недохватка, а сами они, греки, потерпятъ разореніе. Одновременно, по докладу лифляндской губернской администраціи и рижскаго магистрата, сенатъ донесъ императрицѣ, что временное пребываніе евреевъ въ Ригѣ „безъ ущерба Вашего Имп. Величества интереса и разоренія торгующаго мѣщанства не весьма запрещено быть можетъ“. Сенатъ также призналъ, что запрещеніе евреямъ въѣзда въ страну повлечетъ за собою ущербъ интересамъ купечества и

казны; онъ осмѣлился заявить объ этомъ государынѣ, но въ отвѣтъ ему была сообщена слѣдующая высочайшая резолюція: „Отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли“³⁾.

Сенату послѣ этого пришлось повторить требованіе объ удаленіи изъ страны всѣхъ безъ исключенія евреевъ и предупредить, чтобы въ дальнѣйшемъ мѣстныя власти отнюдь не входили съ представленіями по этому поводу.

Оффициально, хотя, вѣроятно, и не фактически, Россія осталась безъ евреевъ. Но не надолго. Интересы не только отдѣльных лицъ, но и государства, требовали присутствія евреевъ, какъ торгово-промышленнаго элемента, и едва Екатерина II замѣстила Елизавету на престолѣ, послѣ насильственной смерти Петра III, вопросъ о евреяхъ былъ безъ всякаго промедленія вновь возбужденъ тѣмъ же сенатомъ, который двадцать лѣтъ назадъ вынужденъ былъ положить предѣлъ домогательствамъ о допущеніи евреевъ въ страну.

Объ этомъ сохранилось вполне достовѣрное извѣстіе—собственноручная автобіографическая замѣтка на французскомъ языкѣ самой имп. Екатерины II, составленная ею въ третьемъ лицѣ.

„На пятый или шестой день по вступленіи на престолъ Екатерины II, прибыла она въ Сенатъ... Такъ какъ всѣ дѣла въ Сенатѣ производятся по журналу, за исключеніемъ дѣлъ крайне спѣшныхъ, какъ нарочно оказалось, что въ это засѣданіе первымъ находился въ спискѣ проектъ разрѣшенія евреямъ пріѣзда въ Россію; покаместъ записывали рѣшеніе по предыдущему дѣлу, Екатерина, стѣсненная обстоятельствами, чтобы дать свое согласіе на это предположеніе, *признанное единогласно полезнымъ*, была выведена изъ этого положенія сенаторомъ кн. Одоевскимъ, который всталъ и сказалъ ей: „Не угодно ли Вашему Величеству, прежде, чѣмъ рѣшиться, посмотрѣть то, что Императрица Елизавета собственноручно начертала на поляхъ подобнаго предположенія?“; Екатерина приказала принести доклады и нашла, что Елизавета, по набожности, написала на полѣ: „Я не желаю выгоды отъ враговъ Іисуса Христа“. Не прошло еще недѣли, какъ Екатерина вступила на престолъ; она возведена была на него, чтобы защищать православную вѣру; она имѣла дѣло съ набожнымъ народомъ, съ духовенствомъ,

которому еще не возвратили его имѣній, и которое нуждалось въ необходимомъ чрезъ эту дурно направленную мѣру; умы были въ сильномъ возбужденіи, какъ это всегда бываетъ послѣ столь важнаго событія: начать царствованіе такимъ проектомъ не могло быть средствомъ успокоенія; признать его вреднымъ—было невозможно. Екатерина просто повернулась къ генераль-прокурору, когда онъ, послѣ отбора голосовъ, подошелъ принять ея рѣшеніе, и сказала ему: я желаю, чтобы это дѣло было отложено до другого времени. И вотъ, какъ часто недостаточно быть просвѣщеннымъ, имѣть наилучшія намѣренія и власть привести ихъ въ исполненіе. И, однако, часто выражаютъ смѣлыя сужденія о разумномъ поведеніи...“ 4).

Итакъ, вопросъ о допущеніи евреевъ въ страну—по исключительнымъ соображеніямъ политическаго характера, связаннымъ съ обстоятельствомъ, сопровождавшимъ воцареніе Екатерины II—былъ отложенъ. Но важно было то, что и сенатъ, и государыня признали пользу, приносимую евреями государству. Пусть манифестъ Екатерины II отъ 4 декабря 1762 г., послѣдовавшій полгода спустя по вступленіи ея на престолъ, разрѣшивъ иностранцамъ водворяться въ Россіи, сдѣлалъ исключеніе для „жидовъ“, — государыню уже не покидала мысль о необходимости не только открыть евреямъ доступъ въ страну но и самой проявить въ этомъ отношеніи инициативу, принять мѣры, чтобы побудить евреевъ къ переселенію въ Россію.

Сознаніе, что общество отнесется отрицательно къ появленію евреевъ, смущало императрицу. Но мысль, что евреи могутъ способствовать оживленію въ странѣ торгово-промышленной дѣятельности, о которой государыня такъ много заботилась, особливо на мало населенномъ югѣ, эта мысль настолько овладѣла Екатериной II, что она рѣшилась съ этой цѣлью на шагъ, къ которому врядъ ли пришлось когда либо прибѣгнуть другому вѣнценосцу. Добиваясь привлеченія евреевъ въ страну, она обратилась къ конспиративнымъ дѣйствіямъ, причемъ безъ всякаго оффиціальнаго акта евреи были признаны купцами и жителями Новороссіи.

Это произошло при такихъ обстоятельствахъ. Въ апрѣлѣ 1764 г. секундъ-маіоръ Ртищевъ доставилъ генераль-губер-

натору въ Ригѣ Броуну слѣдующій документъ за подписью императрицы: „Если будутъ рекомендованы отъ канцеляріи опекунства иностранныхъ нѣсколько купеческихъ людей новороссійской губерніи, то имъ позволить жительство имѣть въ Ригѣ и торгъ производить на такомъ основаніи, какъ прочихъ россійскихъ губерній купечеству въ Ригѣ дозволяется въ силу законовъ; Сверхъ того, когда отъ оныхъ будутъ отправляемы ихъ прикащики, повѣренные и работные люди въ Новую Россію, также и для поселенія, туда же, то для препровожденія и безопасности оныхъ, несмотря на законы и вѣру, давать пристойное провожаніе и паспорта отъ васъ, да сверхъ того, если изъ Митавы будутъ три или четыре человѣка, которые пожелаютъ ѣхать въ Петербургъ для нѣкоторыхъ требованій, имѣющихся на коронѣ, дать имъ паспорта, *не* упоминая ихъ націй и о законѣ оныхъ испытанія не чинить, а писать только въ паспортахъ имена ихъ, а чтобы знать ихъ, то должно, чтобы они имѣли письмо отъ находящагося здѣсь купца Левія Вульфа, которое они вамъ показать должны“...

На этомъ письмѣ императрица сдѣлала слѣдующую собственноручную надпись на нѣмецкомъ языкѣ: „Если Вы не поймете меня, то не я буду виновата въ этомъ; письмо это написалъ самъ предсѣдатель канцеляріи опекунства; держите все это въ секретѣ“ 5).

Броунъ понялъ тайный смыслъ посланія: келейно, безъ малѣйшей огласки государыня хотѣла предоставить нѣкоторымъ евреямъ, подъ видомъ новороссійскихъ купцовъ, продолжать торговую дѣятельность въ Ригѣ, прерванную изгнаніемъ въ 1744 г., одновременно поручивъ имъ колонизировать Новороссію своими единовѣрцами. Уже въ маѣ того же года, при содѣйствіи Броуна, изъ Митавы были отправлены, въ сопровожденіи Ртищева, въ Петербургъ семь евреевъ; то были три купца, раввинъ, его помощникъ, рѣзникъ и слуга. Вскорѣ канцелярія опекунства приподняла завѣсу съ тайнственныхъ замысловъ государыни. Канцелярія увѣдомила Броуна, что Новороссійскій край долженъ быть населенъ иностранцами; дѣло доставки ихъ туда поручено тремъ „новороссійскимъ купцамъ“ Давиду Леви Бамбергу, Мозесу Аарону и Беру Беньямину, которые и отправлены со своими слугами въ

Ригу; оказывать содѣйствіе переселенцамъ по пути въ крѣпость Св. Елизаветы (впослѣдствіи Елисаветградъ) долженъ Ртищевъ; все дѣло сосредоточено въ рукахъ старшаго изъ купцовъ Леви Вульфа (проживавшаго въ Петербургѣ), который можетъ замѣнить указанныхъ трехъ лицъ другими; такъ какъ по манифесту 1762 г. иностранцы пользуются правомъ торговли во всѣхъ русскихъ городахъ, то и этимъ тремъ купцамъ разрѣшается вести торговлю, какъ русскимъ подданнымъ ⁶).

Изъ этого сообщенія ясно слѣдуетъ, что все дѣло сводилось къ тому, чтобы, чрезъ посредство уполномоченныхъ лицъ въ Новороссію были переселены евреи подъ видомъ иностранцевъ вообще, безъ обнаруженія ихъ происхожденія, такъ какъ законъ 1762 г. запретилъ въѣздъ въ страну евреямъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда Екатерина II не приходилось болѣе считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, ибо сама судьба включила въ число ея подданныхъ многотысячное еврейское населеніе, она въ письмѣ къ извѣстному энциклопедисту Дидро, относящемся къ 1773 г., откровенно заявила, что въ 1764 г. евреи были объявлены купцами и жителями Новороссіи. Изъ этого же письма мы узнаемъ, что трое-четверо евреевъ, прибывшихъ тогда въ Петербургъ квартировали у духовника государыни и что они продолжали оставаться въ Петербургѣ, гдѣ ихъ терпѣли вопреки закону—„дѣлаютъ видъ, что не знаютъ объ ихъ пребываніи“ ⁷). Впрочемъ, еще нѣсколько ранѣе письма Екатерина II явно нарушила запретъ водворяться евреямъ въ странѣ. Въ 1769 г. она разрѣшила селиться въ Новороссіи евреямъ, которые, въ качествѣ плѣнниковъ, будутъ присланы первой арміей, дѣйствовавшей на югѣ.

Извѣстіе о томъ, что въ Петербургѣ занялись вопросомъ о допущеніи евреевъ въ страну, стало извѣстно уже вскорѣ рижанамъ; объ этомъ ихъ увѣдомилъ депутатъ гор. Риги, находившійся въ Петербургѣ. Еврей—писалъ онъ въ февралѣ 1764 г.—ходатайствуютъ о свободномъ водвореніи ихъ въ Россіи и въ присоединенныхъ губерніяхъ, обѣщая компенсировать долги, которые остались за ними при ихъ удаленіи въ царствованіе Елизаветы, тѣми суммами, которыя они имѣютъ получить въ Россіи. Это сообщеніе вызвало радо-

стное движеніе среди заинтересованныхъ рижанъ. Городской совѣтъ согласился на то, чтобы депутатъ отъ имени города поддержалъ предъ правительствомъ ходатайство евреевъ, съ тѣмъ, однако, чтобы были сохранены привилегіи города, запрещавшія евреямъ водворяться прочной осѣдлостью и останавливаться въ самомъ городѣ. И депутатъ въ своемъ ходатайствѣ предъ сенатомъ отмѣтилъ, что опытъ показалъ, какъ великъ былъ вредъ, причиненный обществу удаленіемъ евреевъ; съ того времени польская торговля упала въ Ригѣ и развилась въ сосѣднихъ иностранныхъ городахъ; если евреямъ будетъ дозволено пріѣзжать въ Ригу, при соблюденіи ея привилегій, торговля расширится и таможенные доходы возрастутъ. Но—подчеркивалъ депутатъ—все это лишь при условіи, если евреямъ будетъ дозволено только срочное, а не постоянное пребываніе, такъ какъ единственно въ этомъ случаѣ рижане будутъ ограждены отъ того, чтобы евреи, имъ въ ущербъ, не захватили въ свои руки промысловъ.

Однако, совершенно независимо отъ ходатайства горожанъ, въ Ригѣ вскорѣ появились не только тѣ трое евреевъ, которые были рекомендованы канцеляріей опекунства, но и многіе другіе. Они то пріѣзжали, то уѣзжали, хотя, въ сущности, должны были находиться здѣсь только проездомъ въ Новороссію. Однажды ген.-губернаторъ отказалъ нѣкоторымъ евреямъ въ просьбѣ выдать имъ паспорта, но онъ все же отправилъ ихъ прошеніе въ Петербургъ, прося дать ему необходимыя разъясненія, а также, въ частности, разрѣшить возникшій вопросъ: могутъ ли евреи водворяться во внутренней части города, противъ чего будетъ протестовать совѣтъ города, такъ какъ это противорѣчитъ привилегіи Риги. И вотъ, въ отвѣтъ на этотъ запросъ, государыня дала понять генер.-губернатору, что разъ ему не безъизвѣстны ея широкіе планы относительно евреевъ, то, въ цѣляхъ содѣйствія этимъ планамъ, надо чинить евреямъ какъ можно менѣе препятствій; между прочимъ, слѣдуетъ разрѣшать имъ шестинедѣльное пребываніе въ Ригѣ, но не въ городѣ, а въ предмѣстьѣ⁸⁾. Таковъ былъ компромиссъ, къ которому государыню привели желаніе использовать торгово-промышленныя силы евреевъ и опасеніе идти въ разрѣзъ съ преду-

бѣжденіемъ общества, со старинными привилегіями города, не разрѣшавшими евреямъ постояннаго жительства.

Но то, что не могла сдѣлать государыня, сдѣлала жизнь — съ этого момента евреи стали прочно водворятся въ Ригѣ, хотя имъ это и стоило много труда и униженій. Впрочемъ, государыня сдѣлала еще одинъ шагъ — рижскихъ привилегій нельзя нарушать, но въ пос. Шлокѣ, лежащемъ вблизи Риги, таковыхъ не было, и въ 1785 г. она предоставила евреямъ записываться въ мѣстныя купеческія и мѣщанскія сословія ⁹).

Возникновеніе черты осѣдлости.

Присоединеніе Бѣлоруссіи къ Россіи и манифестъ имп. Екатерины II о принятіи евреевъ въ русское подданство (1772 г.).—Гражданское равенство.—Жалоба московскаго купечества на евреевъ.—Указъ 1791 г., давшій основаніе для установленія черты еврейской осѣдлости.—Переимѣна въ отношеніи имп. Екатерины II къ евреямъ.—Присоединеніе Курляндіи къ Россіи.—Стремленіе мѣстной власти къ выселенію евреевъ изъ края. — Предоставленіе имп. Павломъ I гражданскихъ правъ курляндскимъ евреямъ (1799 г.).

Въ 1772 году исторія произнесла свое рѣшительное слово. Передавъ Россіи, при первомъ раздѣлѣ Польши, Бѣлоруссію, она заставила правительство и общество признать непреложнымъ тотъ фактъ, что ростъ Россіи сопряженъ съ включеніемъ евреевъ въ ряды русскихъ подданныхъ. Здѣсь, въ Бѣлоруссіи (Полоцкой, нынѣ Витебской, и Могилевской губерніяхъ), евреи по своей численности и по своей торгово-промышленной роли являлись дѣятельнѣйшимъ элементомъ въ экономической жизни края ¹⁰).

Манифестъ о присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи (11 августа 1772 г.) придалъ особое значеніе торгово-промышленной дѣятельности евреевъ: „...Черезъ торжественное выше сего обнадеженіе всѣмъ и каждому свободнаго отправленія вѣры и неприкосновенной въ имуществахъ цѣлости, собою разумѣется, что и еврейскія общества, жительствующія въ присоединенныхъ къ Имперіи Россійской городахъ и земляхъ, будутъ оставлены и сохранены при всѣхъ тѣхъ свободахъ, коими они нынѣ въ разсужденіи закона и имуществъ своихъ пользуются: ибо человеколюбіе Ея Императорскаго Величества не позволяетъ ихъ однихъ исключить

изъ общей всѣмъ милости и будущаго благосостоянія, подъ благословенною Ея Державою, доколѣ они, съ своей стороны, съ подлежащимъ повиновеніемъ, яко вѣрноподданные жить и въ настоящихъ торгахъ и промыслахъ, по званіямъ своимъ, обращаться будутъ“.

Редакція этого акта свидѣтельствуесть о несомнѣнной осторожности Екатерины II въ ея оффиціальномъ отношеніи къ новымъ подданнымъ-евреямъ; она словно передъ кѣмъ-то извинялась, что доброе милостивое слово, съ которымъ она обратилась въ манифестѣ къ населенію присоединеннаго края, распространено и на евреевъ. Манифестъ, вообще, не уравнилъ евреевъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ; за ними были сохранены свобода совѣсти, внутреннее самоуправленіе и право собственности; гражданскія же права, какъ это было сдѣлано въ отношеніи христіанъ, не были евреямъ предоставлены манифестомъ ¹¹⁾. Однако, Екатерина II несомнѣнно намѣревалась уравнивать еврейское населеніе въ правахъ съ остальнымъ, но и въ этомъ случаѣ она предпочла не прибѣгать къ шумливымъ оффиціальнымъ актамъ.

Дѣйствительно, прошло всего десять лѣтъ и евреи стали равноправными членами торгово-промышленныхъ сословій, пользовавшихся въ то время широкимъ сословно-городскимъ самоуправленіемъ, охватывавшимъ административныя, судебныя и финансовыя функціи. Исторія борьбы евреевъ за осуществленіе этихъ правъ, которую имъ пришлось вести съ христіанскимъ обществомъ, повѣствуесть, какъ Екатерина II настойчивостью сломала, правда, только на короткое время, упорство отдѣльныхъ городскихъ христіанскихъ обществъ въ нежеланіи признать евреевъ равноправными согражданами ¹²⁾.

Личное отношеніе Екатерины II, какъ правительницы, къ евреямъ ярко сказывается въ ея резолюціи, представленной сенату, когда ему были переданы на разсмотрѣніе жалобы бѣлорусскихъ евреевъ на дѣйствія администраціи: „Ея Величество примѣтитъ указала, что, когда означенные еврейскаго закона люди вошли уже на основаніи указовъ Ея Величества въ состояніе, равное съ другими, то и надлежитъ при всякомъ случаѣ наблюдать правило, Ея Величествомъ установленное, что всякъ по званію и состоянію своему

долженствуетъ пользоваться выгодами и правами безъ различія закона и народа“ 18).

При такомъ благопріятномъ отношеніи сверху и при недружелюбіи, подсказывавшемся фанатизмомъ и корыстью, снизу—началась исторія евреевъ, какъ русскихъ подданныхъ.

Фактомъ чрезвычайной важности для всей дальнѣйшей жизни евреевъ въ Россіи явилось то, что съ предоставленіемъ имъ участія въ общественной самодѣятельности они перестали быть особымъ „сословіемъ“, какъ это было въ Польшѣ, перестали быть Schutzjuden и стали гражданами страны. Значеніе этого факта, создавшаго новую эпоху въ жизни прежняго польскаго еврейства, не могли умалить даже самыя тяжкія правоограниченія, послѣдовавшія въ дальнѣйшемъ. Но, наряду съ этимъ положительнымъ результатомъ, реформа привела и къ такимъ послѣдствіямъ, значеніе которыхъ врядъ-ли могло быть предусмотрѣно въ то время не только евреями, но и самимъ правительствомъ.

Уравненіе евреевъ съ христіанскимъ населеніемъ послужило основаніемъ для установленія „черты еврейской осѣдлости“ и для мѣры выселенія евреевъ изъ селъ и деревень.

Когда въ 1780 году еврейское населеніе бѣлорусскихъ губерній было уравнено въ правахъ и обязанностяхъ съ русскимъ торгово-промышленнымъ классомъ, русское торговое населеніе было всюду прикрѣплено къ мѣсту приписки. Ни купцы, ни мѣщане не пользовались свободой переселенія; допускались лишь кратковременныя отлучки. Такому порядку должно было, между прочимъ, подчиниться и бѣлорусское населеніе, въ частности и еврейское. Но, въ виду особыхъ мѣстныхъ условій и изъ финансовыхъ соображеній, для Бѣлоруссіи было сдѣлано исключеніе, и здѣшнее купечество было оставлено при прежней свободѣ переселенія въ предѣлахъ Бѣлоруссіи. Мѣстное еврейское купечество получило даже бѣльшее право — записываться въ московское и смоленское купечество.

Но въ началѣ 1790 г. московское купечество (на прошеніи, кромѣ подписи городского головы, были еще лишь пять подписей купцовъ) обратилось къ московскому главнокомандующему съ жалобой на евреевъ. Съ недавняго времени—говорилось въ жалобѣ—въ Москвѣ появились изъ заграницы

и Бѣлоруссіи евреи, которые занялись запрещенной законами разносной торговлей по домамъ, по дешевой цѣнѣ, чѣмъ наносятъ мѣстной торговлѣ „весьма чувствительный вредъ и помѣшательство“; дешевизна товара указываетъ, молъ, на то, что это контрабандный товаръ. Извѣстно—говорили далѣе москвичи,—что евреи обрѣзываютъ монеты; возможно, что они будутъ то же дѣлать и въ Москвѣ; нѣкоторые изъ нихъ не указали своей національности и такимъ путемъ имъ удалось записаться въ здѣшнее купечество; это одно уже показываетъ „хитрые ихъ во всемъ вымыслы“,—увы, жалобщики не знали, что эти „хитрые вымыслы“ принадлежали „самой императрицѣ; она сама научила трехъ митавскихъ евреевъ скрыть свое происхожденіе, а затѣмъ указала рижскому ген.-губернатору Броуну, что они пользуются правомъ купческаго промысла по всей Россіи. Еврейскіе торговцы, продолжало жаловаться московское купечество, строятъ свою торговлю на обманѣ, и это опять таки подтверждается тѣмъ, что они „потаенно“ записались въ московское купечество. Наконецъ, въ примѣръ того, какъ безчестны еврейскіе купцы, ходатаи указали на слѣдующій случай. „Одинъ изъ ихъ общества, бѣлорусскій жидъ, называемый Нота Хаймовъ, а болѣе по простонарѣчію извѣстный подъ именемъ Нотки, введя себя у публики разными ухищреніями и подлогами въ знатный кредитъ и выманя чрезъ то у многихъ здѣшнихъ купцовъ въ долгъ товаровъ, цѣною до пятисотъ тысячъ рублей, всѣ оныя выпроводилъ въ разныя имъ только однимъ извѣстныя мѣста, а потомъ и самъ... изъ Москвы скрылся за границу“. Въ заключеніе москвичи объяснили, что они жалуются на евреевъ только въ заботѣ о торговлѣ, а „отнюдь не изъ какого либо къ нимъ, въ разсужденіи религіи, отвращенія или ненависти“ ¹⁴).

Врядъ ли входило бы въ мою задачу обѣлять память предковъ, если бы примѣромъ порочности еврейскихъ купцовъ, будто „тайно“ записавшихся въ московское сословіе, не былъ выставленъ благородный еврейскій печальникъ Нота Хаимовичъ Ноткинъ. Сперва могилевскій купецъ, а потомъ „польскій надворный совѣтникъ“, Нота Хаимовичъ, или какъ его называли, Натанъ Ноте Шкловеръ, по названію его города, былъ извѣстенъ по своимъ крупнымъ дѣловымъ оборотамъ и поставкамъ для арміи Потемкина, у котораго онъ поль-

зовался большимъ расположеніемъ. Хотя торговля дѣла Ноткина, которая онъ велъ частью единолично, частью съ русскими московскими купцами Шошинымъ и Иконниковымъ, достигли громаднѣйшихъ размѣровъ, его матеріальное положеніе было весьма стѣснительно, такъ какъ, повидимому, послѣ смерти Потемкина, казна съ нимъ не рассчиталась. Онъ былъ два раза банкротомъ (въ 1799 г. совмѣстно съ русскими купцами), но это обстоятельство не лишило его уваженія со стороны христіанъ-сановниковъ, среди которыхъ онъ имѣлъ большія связи, весьма широко использованныя имъ въ цѣляхъ улучшить правовое и экономическое положеніе единовѣрцевъ. Достаточно здѣсь указать, что такой врагъ евреевъ, какъ извѣстный поэтъ Державинъ, получивъ въ 1803 г., въ качествѣ министра юстиціи, высочайшее разрѣшеніе пригласить кого-либо изъ евреевъ къ участию въ работахъ Еврейскаго комитета, состоявшаго преимущественно изъ лицъ близкихъ къ государю, остановилъ свой выборъ на Ноткинѣ, къ которому онъ и обратился по этому поводу съ письмомъ. Нечего говорить, что Ноткинъ не скрывался за границей; такъ, съ 1797 г. онъ проживалъ въ Петербургѣ на виду у всѣхъ, будучи извѣстенъ имп. Павлу I.

Жалоба москвичей была передана на разсмотрѣніе „Совѣта Государыни“, которому была представлена также жалоба евреевъ на то, что ихъ болѣе не принимаютъ въ смоленское купечество; онъ нашелъ, что евреи не имѣютъ права записываться въ купеческіе російскіе города и порты и что отъ допущенія ихъ къ тому не усматривается никакой пользы; что они могутъ, однако, пользоваться правомъ гражданства и мѣщанства въ Бѣлоруссіи, каковое право полезно распространить на намѣстничество Екатеринославское и Таврическую область (нынѣ Екатеринославскую, Таврическую и Херсонскую губ.).

Это предложеніе было санкціонировано имп. Екатериною II, и соотвѣтствующимъ указомъ, 23 декабря 1791 г., было положено начало черты осѣдлости. Однако, ни Совѣтъ, ни государыня не предполагали того результата, къ которому привелъ позже этотъ указъ. При условіяхъ тогдашняго общественно-государственнаго строя, вообще, и еврейской жизни, въ частности, правительство отнюдь не могло имѣть въ виду

создать для евреевъ особое стѣснительное положеніе, ввести для нихъ исключительные законы въ смыслѣ ограниченія права передвиженія. По обстоятельствамъ того времени, указъ 1791 г. не ставилъ евреевъ въ этомъ отношеніи въ менѣе благопріятное положеніе сравнительно съ христіанами. Давній порядокъ, приковывавшій обывателей къ мѣсту, продолжалъ прочно держаться въ общественной жизни, несмотря на то, что Городовое положеніе 1785 года дало свободу передвиженія купеческому сословію. Мѣщане, напр., не могли переходить изъ одной губерніи въ другую, и, слѣдовательно, евреи, записавшіеся преимущественно въ мѣщанство, не могли бы переселяться изъ губерніи въ губернію, еслибы указъ 1791 года не подтвердилъ, что они пользуются свободой переселенія въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Такимъ образомъ, указъ 1791 года не внесъ какого либо ограниченія въ права евреевъ въ отношеніи жительства, не создалъ спеціально „черты“; онъ не имѣлъ своей задачей отгородить евреевъ отъ христіанъ: тогда же предъ евреями были открыты новыя области, въ которыя по общему правилу нельзя было переселяться. И, вообще, обстоятельства, вызвавшія указъ, не даютъ основанія предполагать, будто правительство имѣло причины принять исключительныя мѣры въ отношеніи евреевъ, какъ таковыхъ. Опасеніе за вредное вліяніе на христіанъ—нравственное или религіозное—рѣшительно не играло въ этотъ моментъ какой-либо роли. Вопросъ заключался лишь въ томъ, что полезно. Торговая дѣятельность евреевъ во внутреннихъ городахъ, по мнѣнію Совѣта, не приноситъ пользы, — поэтому прежняя льгота, дарованная евреямъ, уничтожается. Переселеніе евреевъ въ новый край сулитъ государству выгоду—общее стѣсненіе въ свободѣ переселенія отвергается для даннаго случая, и евреямъ предоставляють доступъ въ новый край. Тѣмъ не менѣе, именно съ указа 1791 года ведетъ свое начало черта осѣдлости. Указъ послужилъ основаніемъ для того толкованія, что, независимо отъ правъ соответствующихъ христіанскихъ классовъ, евреи пользуются правомъ осѣдлаго жительства (т.-е. правомъ приписки, съ коимъ было связано право гражданства, отправленія купеческихъ и мѣщанскихъ промысловъ въ мѣстѣ приписки) лишь въ опредѣлен-

ныхъ губерніяхъ. „Черта еврейской осѣдлости“—хотя это выраженіе тогда было еще невѣдомо—стала основой ограничительнаго законодательства.

Въ 1793 г. произошелъ второй раздѣлъ Польши, въ силу котораго къ Россіи были присоединены земли, образовавшія Изъяславскую, Брацлавскую (Волинскую и Подольскую) и Минскую губерніи, вошедшія въ составъ черты осѣдлости.

Вслѣдъ затѣмъ черта еврейской осѣдлости была расширена другими губерніями. Но въ это же время политика имп. Екатерины II въ отношеніи евреевъ кореннымъ образомъ измѣнилась.

Еще въ 1783 г. государыня установила, чтобы евреи платили подать въ такомъ же размѣрѣ, какъ христіане соотвѣтствующихъ состояній, „безъ различія закона и народа“. Но неожиданно въ 1794 году появился нижеслѣдующій указъ императрицы: „Позволивъ евреямъ отправлять мѣщанскіе и купеческіе промыслы ихъ въ губерніяхъ: Минской, Изъяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилевской, Кіевской, Черниговской, Новгородской-Сѣверской, Екатеринославской и въ области Таврической, записаться по городамъ въ мѣщанство и купечество, повелѣваемъ съ тѣхъ изъ упомянутыхъ евреевъ, которые таковымъ дозволеніемъ пользоваться желаютъ, собирать съ 1 числа слѣдующаго іюля установленныя подати *вдвое* противу положенныхъ съ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона разныхъ исловѣданій, которые же не похотятъ остаться, таковымъ дать свободу, на основаніи Положенія о городахъ, по заплатѣ трехлѣтней двойной подати, выѣхать изъ Имперіи Нашей“¹⁸⁾.

Обложеніемъ евреевъ двойной податью, что, по словамъ Ноткина, имѣло цѣлью побудить тѣхъ, кто не въ состояніи уплатить таковую, переселиться въ Новороссію, былъ не только нанесенъ ущербъ матеріальнымъ интересамъ евреевъ, но и уронено ихъ достоинство въ глазахъ однопорожанъ-христіанъ, хотя, повидимому, государыня не намѣревалась умалить этимъ значеніе евреевъ, какъ городского населенія; помимо того, что по присоединеніи отъ Польши къ Россіи новыхъ земель право гражданства евреевъ распространилось и на соотвѣтствующія губерніи—въ черту вошли позже и присоединенныя губерніи Виленская и Слонимская (Гродненская),

значительно населенныя евреями — черта осѣдлости, какъ установилъ цитированный указъ, была расширена и другими губерніями: Кіевской, Черниговской и Новгородъ-Сѣверской, причемъ и здѣсь евреи получили право гражданства. Однако, нарушение равенства евреевъ въ податномъ отношеніи, унизивъ ихъ въ общественномъ мнѣніи, создало благопріятную почву для непріязни къ нимъ. Обще законы, въ сознаніи христіанскаго населенія, какъ бы перестали дѣйствовать въ отношеніи евреевъ и это открыло просторъ для всевозможныхъ притѣсненій.

Имп. Екатерина II покровительствовала евреямъ, но лишь постолько, поскольку она въ этомъ направленіи не встрѣчала со стороны общества оппозиціи, основанной на правѣ. Эта черта сказалась, въ частности, на отношеніи государыни къ курляндскимъ евреямъ.

Въ 1795 г. Курляндское герцогство, вмѣстѣ съ Пильтенскимъ округомъ, перешло къ Россіи. Пильтенскій округъ, съ главнымъ городомъ Газенпотомъ, былъ издавна подчиненъ польскому королю, и здѣсь евреи жили въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ. Курляндское же герцогство, хотя и находилось въ ленной зависимости отъ польскаго короля, пользовалось самостоятельностью во внутреннихъ дѣлахъ, и оно направило ее, между прочимъ, къ преслѣдованію евреевъ. Начиная съ конца 16-го вѣка, вплоть до 80-хъ годовъ 18-го вѣка, евреямъ непрерывно угрожало изгнаніе. Но послѣ 1782 г. стала вестись борьба за ихъ эмансипацію, въ которой принимали участіе и нѣкоторые еврейскіе дѣятели. Однако, евреи не имѣли основанія быть благодарными своимъ предстателямъ. Въ 1793 году видные члены митавской общины составили для ландтага записку, въ которой, ходатайствуя о терпимости, они имѣли въ виду не все еврейское населеніе въ Курляндіи, а лишь опредѣленное число душъ: въ каждомъ городѣ, селѣ или мызѣ евреи, по проекту ходатаевъ, могли оставаться лишь въ числѣ, соотвѣтствующемъ величинѣ поселенія, его торговлѣ и проч. Остальнымъ предстояло, повидимому, покинуть страну. Въ самой же Митавѣ, мѣстное еврейское населеніе которой было будто чрезмѣрно, по словамъ ходатаевъ, сравнительно съ христіанскимъ городскимъ населеніемъ, надлежало оставить всего 60 семействъ, списокъ

коихъ митавскіе ходатаи предупредительно представили. Только для этой горсти испрашивалось равноправіе.

Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ проектъ реформы также правительственной комиссіей, но, къ счастью для курляндскихъ евреевъ, ходатайство представителей митавской общины не привело къ цѣли: переходъ Курляндіи къ Россіи прервалъ обсужденіе еврейскаго вопроса въ ландтагѣ.

Евреи послѣ этого обратились къ государынѣ съ просьбой „сдѣлать прочное постановленіе“ о нихъ. Но отвѣта не получилось—борьба со старинными привилегіями и съ предубѣжденіемъ общества не входила въ планъ дѣйствія государыни. Все осталось по старому; между прочимъ не утратилось и различіе въ гражданскомъ положеніи между евреями въ герцогствѣ и Пильтенскомъ округѣ. Несмотря на то, что въ 1796 г. въ Курляндской губерніи было введено Городовое положеніе евреи въ бывшемъ Курляндскомъ герцогствѣ не были допущены въ среду купечества, не получили права участія въ сословно-городскомъ общественномъ самоуправленіи, каковымъ правомъ пользовались евреи въ остальныхъ губерніяхъ. Только въ Пильтенскомъ округѣ еврейскіе купцы могли записываться въ одну изъ гильдій въ Газенпотѣ ¹⁶⁾.

Но уже вскорѣ то, что Екатерина II считала для себя неудобнымъ, было сдѣлано ея преемникомъ — Павелъ I не остановился предъ старинными привилегіями.

Въ моментъ перехода Курляндіи къ Россіи экономическое положеніе мѣстныхъ евреевъ было чрезвычайно плачевно. Городскіе евреи занимались запрещенными имъ по закону мелочной торговлей, покупкой и продажей старыхъ вещей, а также маклерствомъ, въ то время признававшимся преступнымъ дѣяніемъ, а въ деревняхъ—винокурениемъ, содержаніемъ корчемъ, ремесленнымъ трудомъ, разносной торговлей, а кое-гдѣ и земледѣліемъ. При этомъ большая часть еврейскаго населенія не имѣла осѣдлости, а вела кочевой образъ жизни въ поискахъ за заработкомъ, то уходя за границу, то вновь возвращаясь.

Въ 1797 г. генераль-прокуроръ поручилъ сенату заняться вопросомъ о курляндскихъ евреяхъ „для постановленія ихъ на права, единообразныя съ евреями, въ Бѣлорусской губерніи живущими“, въ виду чего сенатъ потребовалъ отъ

мѣстныхъ властей разныхъ свѣдѣній о евреяхъ и, между прочимъ, о курляндскихъ законахъ, на основаніи которыхъ евреи проживали въ странѣ.

Упоминаніе о курляндскихъ законахъ внушило администраціи мысль, что вопросъ о евреяхъ можно разрѣшить въ духѣ старыхъ стѣснительныхъ правилъ. Приведя разнообразные документы, касающіеся исторіи евреевъ въ Курляндіи, губернское правленіе закончило свое донесеніе сенату указаніемъ на то обстоятельство, что евреи „никогда законнымъ образомъ терпимы не были“ и не могли ни жить въ странѣ, ни заниматься какимъ-либо дѣломъ, что они „всегда за вкравшихся жителей почитались“ и что они таковыми же и остались, такъ какъ прежнія запретительныя узаконенія о нихъ не отмѣнены. Вообще евреи,—сообщало правленіе,— „выключая немногихъ въ Митавѣ, живутъ столь бѣдно, что большая часть оныхъ едва имѣютъ дневную пищу, и они между собою никакого общества не составляютъ, большая часть не имѣетъ и постояннаго даже мѣстопробыванія, и по извѣстнымъ свойствамъ сего народа, не предвидится никакого средства, чтобы большую часть сихъ бродягъ можно было принудить къ постоянной жизни или къ какому порядочному ремеслу“.

Однако, изъ присланныхъ документовъ сенатъ усмотрѣлъ, что евреи въ теченіи 200 лѣтъ насильственно устранялись законодательными актами отъ ремеслъ и торговли, что кочевой образъ жизни евреевъ вызывался часто слѣдовавшими постановленіями о выселеніи ихъ изъ страны и запрещеніемъ жить въ городахъ, а потому „сенатъ и не можетъ почитать ихъ, какъ губернское правленіе пишетъ, за жителей, въ Курляндію вкравшихся, а тѣмъ менѣе лишать ихъ столь древняго ихъ жилища, когда и въ другихъ нѣкоторыхъ российскихъ губерніяхъ евреямъ пребываніе не запрещается“.

Это опредѣленіе должно было заставить и общество, и администрацію кореннымъ образомъ измѣнить свое отношеніе къ евреямъ въ Курляндіи: евреи переставали быть „вкравшимися“, они становились русскими гражданами, какъ остальные евреи въ Россіи¹⁷).

Извѣстіе о томъ, что губернскому правленію поручено представить въ сенатъ мнѣніе касательно гражданскаго устрой-

ства еврейскаго населенія, встревожило митавскихъ евреевъ, и не безъ основанія опасаясь, что отъ правленія можетъ „воспослѣдовать одностороннее донесеніе, каковое для насъ, несчастныхъ, притѣсненныхъ, не имущихъ никакого пособія и представительства, содѣлается пагубнымъ“, митавскіе ходатаи „именемъ еврейской націи въ Курляндіи“ предложили свой проектъ гражданскаго устройства.

Въ общемъ это было повтореніе проекта, который они представили въ 1793 г.: не были забыты и прежнія эгоистическія вожделѣнія. Боясь, очевидно, конкуренціи, эти представители еврейскаго торговаго класса предложили „приказать городовому магистрату, что ежели много похотятъ чужихъ (т. е. позже поселившихся) еврейскихъ семействъ быть въ какомъ городѣ, или же оныхъ евреевъ тамъ много, то разсылать ихъ по другимъ городамъ и деревнямъ“ (конечно, выселенію подверглись бы неимущіе евреи). Они также просили предоставить право торговли въ уѣздахъ однимъ купцамъ. Но, опять къ радости курляндскихъ евреевъ, это ходатайство, какъ и прежнее, не было удовлетворено. Закономъ же 14 марта 1799 г. евреи были уравнены въ правахъ съ прочимъ еврейскимъ населеніемъ. Такимъ образомъ всѣ курляндскіе евреи пріобрѣли право гражданства.

Деревни и села.

I.

Попытка переселить евреевъ, въ числѣ прочихъ русскихъ купцовъ и мѣщанъ, изъ уѣздовъ въ города (1782 г.).—Несоотвѣтствіе этой мѣры съ мѣстнымъ хозяйственнымъ строемъ.—Крайняя острота вопроса въ отношеніи евреевъ.—Роль евреевъ въ бѣдствіи крестьянъ.—Противорѣчіе въ правительственныхъ дѣйствіяхъ.—Еврейскій комитетъ 1802 г.; его мудрыя теоретическія положенія и безплодныя практическія мѣры.—Опасеніе облегчить положеніе крѣпостного крестьянства и вытекавшая отсюда необходимость направить репрессивныя преобразованія противъ евреевъ.—Возобновленіе выселенія (1807 г.).—Бѣдственныя послѣдствія.—Сознаніе представителей власти въ необходимости отиѣнить эту мѣру и ихъ безсиліе предъ твердой волей государя.—Высочайшее повелѣніе о пріостановленіи выселенія и образованіе новаго комитета для разрѣшенія этого вопроса (1809 г.).

Екатерина II, какъ извѣстно, стремилась создать большіе торговые города; при этомъ сословія мѣщанъ и купцовъ должны были способствовать своей торго-

промышленной дѣятельностью ихъ развитію. Однако, разсматривая въ 1782 г. причины „непорядковъ“ въ Олонецкой губерніи, въ которой евреи отнюдь не проживали, государыня узнала, что записавшіеся, по городамъ, въ мѣщанство и купечество, не переселяются на отведенныя имъ тамъ земли, а остаются „въ селеніяхъ крестьянскихъ, пользуясь прибытками сихъ послѣднихъ съ крайнимъ ихъ утѣсненіемъ“, въ виду чего послѣдовало распоряженіе, чтобы всѣ купцы и мѣщане, проживающіе въ уѣздахъ, были немедленно переселены въ города.

Когда въ Бѣлоруссіи было введено русское управленіе и торгово-промышленный классъ расчленился на категоріи купцовъ и мѣщанъ, евреи были записаны, всѣ безъ изъятія, въ купечество и мѣщанство, въ связи съ чѣмъ, если и не фактически, то формально, они стали исключительно городскимъ населеніемъ, хотя многіе жили въ уѣздахъ.

Такимъ образомъ, среди прочаго промышленнаго сословія, мѣра переселенія должна была распространиться и на евреевъ.

Законъ о переселеніи купцовъ и мѣщанъ въ города было трудно провести на практикѣ, и правительство не разъ въ послѣдствіи повторяло упомянутое распоряженіе; христіанскіе купцы и мѣщане попрежнему оставались въ уѣздахъ. Но особенно суровымъ и въ полномъ несоотвѣтствіи съ условіями жизни оказалось это требованіе въ примѣненіи къ евреямъ, причемъ мѣра, являвшаяся для христіанскаго населенія частнымъ ограниченіемъ, превращалась для евреевъ *въ общее правовое ограниченіе*, такъ какъ они всѣ принадлежали къ купеческому или мѣщанскому сословіямъ.

Вотъ при какихъ условіяхъ, совершенно устраняющихъ мысль, чтобы отмѣченная мѣра была направлена спеціально противъ евреевъ, какъ таковыхъ, какъ членовъ извѣстной національности, [зародилась та злосчастная идея—удалить евреевъ изъ уѣздовъ,—которая позже легла въ основу дѣйствующихъ нынѣ ограничительныхъ законоположеній.

Въ качествѣ мѣщанъ и купцовъ, евреи вмѣстѣ съ тѣмъ были въ это же время, наравнѣ съ прочими, лишены права курить и продавать водку, а также брать въ аренду отрасли помѣщичьяго хозяйства, и опять ихъ поголовная принадлежность къ купечеству и мѣщанству привела къ тому, что законъ,

распространявшійся лишь на небольшую часть христіанскаго населенія, сталъ правовымъ ограниченіемъ для всего еврейскаго населенія.

Вопросъ о винокурениі и арендахъ былъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о выселеніи евреевъ изъ уѣздовъ ¹⁸⁾.

Евреи проживали въ значительномъ числѣ въ деревняхъ и въ корчмахъ, по дорогамъ, принимая дѣятельное участіе въ куреніи и продажѣ водки и арендуя различныя отрасли помѣщичьяго хозяйства. Это положеніе явилось результатомъ историческаго прошлаго евреевъ въ Польшѣ: города всячески старались избавиться отъ конкурентовъ-евреевъ, но послѣдніе охотно принимались помѣщиками, отдававшими имъ на откупъ разнообразныя отрасли хозяйства, между прочимъ, куреніе и продажу водки, служившія въ то время важнѣйшимъ источникомъ дохода помѣщиковъ и государства и въ силу этого ставшія источникомъ пропитанія евреевъ въ уѣздахъ. А такъ какъ русскій государственный бюджетъ въ своей значительной части также зависѣлъ отъ доходовъ по потребленію водки и на нихъ-же основывался бюджетъ помѣщиковъ, то евреи и по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи продолжали свою многолѣтнюю совмѣстную съ господствовавшимъ классомъ дѣятельность, приводившую къ спаиванію народа. Чрезмѣрное потребленіе крестьянами водки, наряду съ другими соціально-экономическими условіями края, покоившимися на крѣпостничествѣ, приводило въ убожество крестьянъ; но надо имѣть въ виду, что само право винокурениа не принадлежало евреямъ,—они поэтому являлись лишь въ качествѣ арендаторовъ и корчмарей; тѣмъ не менѣе русскіе люди, или не зная причины этого несчастья, или не смѣя критиковать основы государственнаго хозяйства, указывали на еврея, какъ на главнаго и даже единственнаго виновника всѣхъ бѣдъ.

Однако, власти были освѣдомлены о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя издавна принуждали евреевъ скопляться въ уѣздахъ: „Евреи во время польскаго владѣнія—свидѣтельствовали могилевскій магистратъ—не могли по правамъ имѣть никакихъ недвижимыхъ по крѣпостямъ (т. е. въ собственности) имѣній... Всякіе откупы, наймы или аренды государственныхъ сборовъ и корчмы имъ запрещены были; торги не инако

имѣть могли, какъ съ согласіа и по контрактамъ съ магистратами, да и въ самой куплѣ товаровъ и съѣстныхъ припасовъ не должны были упреждать христіанъ; въ селеніяхъ же и никакой торгъ имъ дозволенъ не былъ. Слѣдовательно, посему, не будучи они наравнѣ съ христіанами и не пользуясь тѣми выгодами, какія христіанамъ присвоены, *принуждены были искать своей пользы*, занимаясь аредарями и шинкарями въ селеніяхъ“.

Къ питейнымъ промысламъ были причастны различныя общественныя группы. „Курятъ вино владѣльцы,—писалъ поэтъ и сенаторъ Державинъ—курятъ панцырные бояре, окольная шляхта, попы, разныхъ орденовъ монахи и жида“.

Хотя право винокуренія и продажи вина (водки) было предоставлено въ Бѣлоруссіи: въ деревняхъ казеннаго вѣдомства—казнѣ, въ городахъ—магистратамъ, а въ частныхъ деревняхъ—помѣщикамъ, законъ не возбранялъ частнымъ лицамъ брать на откупъ обѣ упомянутыя доходныя статьи; но бѣлорусскій генер.-губернаторъ объявилъ (1783 г.),¹ что „прямое правило предлежитъ каждому гражданину *употребить себя къ торговлѣ и ремеслу*, состоянію его приличному, а не куренію вина, яко промыслу совсѣмъ для него несвойственному“, причемъ было указано, что „если кто изъ помѣщиковъ на аренду отдастъ или инымъ какимъ образомъ уступитъ въ своихъ деревняхъ куреніе вина *куцу, мѣщанину или жиду*, тотъ сочтенъ будетъ яко преступникъ узаконеній, *не брегущій собственной своей пользы* дарованнаго отъ Ея Имп. Величества права винокуренія“.

Такимъ образомъ, тысячи евреевъ, въ качествѣ купцовъ и мѣщанъ, наряду съ христіанами, число коихъ было невелико, обязывались прервать вѣковое занятіе и на собственные средства перейти въ города. Это было неисполнимо, и евреи стали ходатайствовать, чтобы ихъ не принуждали селиться въ городахъ, а помѣщикамъ не препятствовали отдавать имъ на откупъ винокуреніе.

Въ интересахъ помѣщицкѣй власти ходатайство евреевъ о винныхъ откупахъ было удовлетворено; но по вопросу о выселеніи сенатъ увидѣлъ предъ собою дилемму: власти правильно требовали, на основаніи общаго закона, переселенія евреевъ въ города; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, было очевидно,

что недостаточно одного лишь приказанія, чтобы тысячи людей могли на собственные средства переселиться на новыя мѣста и чтобы они нашли тамъ поприще для торгово—промышленной дѣятельности. Законъ противорѣчилъ условіямъ дѣйствительной жизни, и сенату пришлось дать (1786 г.) уклончивый отвѣтъ: евреевъ, записавшихся въ купечество и мѣщанство, но живущихъ въ мѣстечкахъ и деревняхъ, „безвременно“ не принуждать селиться въ городахъ; заниматься по уѣздамъ промыслами и работами не запрещать, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда въ городахъ нѣтъ мѣстъ, свободныхъ для постройки домовъ, да и не извѣстно, могутъ ли они тамъ найти средства къ пропитанію. Выраженіе „безвременно“ сохранило прежній просторъ для административнаго усмотрѣнія, и это держало евреевъ въ постоянной тревогѣ за завтрашній день. Къ тому же часть евреевъ все же была вынуждена покинуть насиженные мѣста, такъ какъ изъ корыстной цѣли, нарушая контракты, „многіе помѣщики—по словамъ еврейскаго печальника Ноты Ноткина—изъ своихъ деревень ихъ повысылали, а сіи, таскаяся изъ мѣста на мѣсто, въ крайнюю пришли бѣдность“.

А вскорѣ наступилъ моментъ, когда вопросъ о выселеніи евреевъ изъ уѣздовъ еще болѣе обострился.

Подобно тому какъ въ Бѣлоруссіи, въ силу тѣхъ-же вѣковыхъ причинъ, евреи проживали въ уѣздахъ, занимаясь шинкарствомъ и арендой, также въ губерніяхъ, позже присоединенныхъ къ Россіи отъ Польши, и государыня (1795 г.) предписала Минскому генер.-губернатору „стараться переселять (евреевъ) въ уѣздн. города, дабы сіи люди не скитались вовредъ обществу, но, производя торги и размножая рукодѣлія и ремесла, и себѣ прибыль и обществу пользу приносили...“¹⁹⁾ Подобныя пожеланія были въ корнѣ неосновательны, такъ какъ тогдашніе малонаселенные бѣдные города не могли бы дать пропитаніе новымъ пришельцамъ: и безъ нихъ въ городахъ было болѣе, чѣмъ достаточно, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, большую часть коихъ составляли евреи. Позже правительство, повидимому, само это поняло; при дальнѣйшихъ выселеніяхъ эфемерная надежда, что благодаря этой мѣрѣ города обогатятся, уже болѣе не высказывалась. Теперь же имп. Екатерина II, настойчиво стремясь къ увеличенію городского торго-

во-промышленнаго класса, согласилась на то, чтобы распоряженіе „стараться переселять“ евреевъ было сообщено и бѣлорусскому ген.-губернатору, который вполнѣ опредѣленно формулировалъ взглядъ государыни, объявивъ, что евреи „по званію своему купечества должны обращаться въ дозволительной торговлѣ; записавшіеся же въ мѣщанство должны жить въ городахъ, упражняясь въ разныхъ ремеслахъ, мастерствахъ и рукодѣліяхъ, черезъ что *увеличатся и придутъ въ лучшее состояніе города*, а крестьяне избавятся отъ людей, къ пьянству соблазняющихъ...“

Для переселенія евреевъ въ Бѣлоруссіи былъ назначенъ всего годичный срокъ, хотя подобная торопливость отнюдь не соотвѣтствовала желанію государыни „стараться переселять“, вовсе не имѣвшей въ виду придать указанной мѣрѣ столь рѣзкій и насильственный характеръ. Къ счастью для евреевъ, указанное распоряженіе встревожило владѣльцевъ мѣстечекъ, такъ какъ уменьшеніе мѣстечковаго населенія грозило имъ убытками. Повидимому, это послѣднее обстоятельство побудило администрацію (15 января 1796 г.) ограничиться выселеніемъ евреевъ только изъ деревень и изъ корчемъ, расположенныхъ у дорогъ, оставивъ ихъ въ мѣстечкахъ, съ тѣмъ, чтобы они впредь здѣсь не поселялись болѣе; но и это оказалось невозможнымъ исполнить. „Входя въ разсмотрѣніе поданнаго прошенія отъ всего еврейскаго общества и соображая всѣ обстоятельства, ими изъясняемая, къ невозможности скоро *переселиться въ города къ наполненію ихъ жителями*, а при томъ представляя себѣ и государственныя выгоды, которыя при меньшемъ разстройствѣ таковыхъ переселенцевъ могутъ отвратить умноженіе государственныхъ недоимокъ“, генер.-губернаторъ (ноябрь 1796 г.) отсрочилъ выселеніе. Однако, и это не помогло, и въ 1798 г. власти донесли, что „хотя евреи начали въ города переселяться, но еще весьма малое количество“.

Вскорѣ мѣстечки были приравнены къ городамъ; запретными остались только деревни и села.

Въ исторіи выселеній евреи фигурировали сперва, какъ члены торгово-промышленнаго класса; ограничительныя мѣры въ отношеніи проживанія въ уѣздахъ и винокуренія одинаково имѣли въ виду какъ евреевъ, такъ и христіанъ; евреямъ,

правда, удѣлялось болѣе мѣста въ административной перепискѣ, но это потому, что указанные запреты пріобрѣтали исключительно острый характеръ въ примѣненіи къ еврейскому населенію въ виду его многочисленности, вслѣдствіе чего евреямъ приходилось съ особой настойчивостью бороться съ губительными мѣропріятіями. Противъ евреевъ, какъ особой народности, не выставлялось никакихъ специфическихъ обвиненій. Но затѣмъ вопросъ о евреяхъ, проживавшихъ въ уѣздахъ, былъ превращенъ въ „еврейскій вопросъ“, и тогда религіозная или національная вражда придала ему новую искаженную форму, наполнила его неправдой; широкое общественно-экономическое явленіе стало разсматриваться съ точки зрѣнія грубыхъ предразсудковъ.

Въ 1797 г., въ виду сильнаго голода, поразившаго минскихъ крестьянъ, имп. Павелъ I повелѣлъ губернатору выяснить причины этого явленія совмѣстно съ дворянствомъ. Дворяне объяснили, что, благодаря невѣжеству, крестьяне не могутъ вести хорошаго хозяйства, но кромѣ того, ихъ разорили волненія въ краѣ и переходы войскъ, а еще болѣе частые неурожаи, отсутствіе дорогъ и многое другое.

Ясно, что при такихъ обстоятельствахъ требовался рядъ серьезныхъ мѣропріятій. Но дворяне не желали признать, что основной причиной разоренія крестьянъ являлось крепостничество; они ограничились тѣмъ, что предложили ничтожныя мѣры, которыя не могли имѣть существенное значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы смягчить впечатлѣніе безнадежности положенія, они подыскали и другого виновника, народныхъ бѣдствій, на котораго можно было безнаказанно обрушить обвиненіе—еврея.

„При сихъ несовершенствахъ—заявили дворяне—вещею еще причиною суть еврей, на арендахъ и шинкахъ владельцами удерживаемые, въ противность повелѣній отъ начальства“ и, сообразно съ этимъ, было намѣчено еще одно постановленіе: дозволить винокуреніе однимъ только помѣщикамъ, „а евреямъ и прочимъ шинкарямъ и арендаторамъ вовсе по предписанію начальства запретить“. Хотя арендаторами являлись преимущественно еврей, это правило по существу не должно было быть направлено спеціально противъ нихъ, такъ какъ все зависѣло единственно отъ воли помѣщиковъ.

Тѣмъ не менѣе этому запрету былъ вскорѣ приданъ характеръ борьбы исключительно съ еврейской эксплуатаціей.

Объясненія дворянъ государь переслалъ на разсмотрѣніе сената; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предписалъ минскому губернатору принять мѣры, предложенныя дворянами.

Было ли это распоряженіе вызвано увѣренностью, что евреи, наряду съ другими явленіями, особенно вредно дѣйствуютъ на состояніе края, или предположеніемъ, что подобныя мѣры легче осуществить, нежели рядъ хозяйственныхъ реформъ,—какъ бы ни было, указъ Павла I придалъ доминирующее значеніе вреду, наносимому евреями. Сенатъ же, съ своей стороны, еще болѣе усугубилъ роль евреевъ въ печальной судьбѣ крестьянъ, заявивъ, что послѣдніе бѣдствуютъ не столько отъ разныхъ невгодъ и неурожаевъ, сколько отъ того, что владѣльцы держатъ въ своихъ селеніяхъ евреевъ. При этомъ сенатъ рѣшилъ, собрать мнѣнія и остальныхъ губернаторовъ и дворянъ; съ цѣлью же воздѣйствовать на доклады губернаторовъ и дворянъ въ желательномъ ему направленіи, онъ разослалъ по губерніямъ донесеніе минскихъ дворянъ, отмѣтивъ, что таковое уже высочайше одобрено. Цѣль была достигнута. Всюду дворяне охотно заговорили о томъ, что они сами заботятся о крестьянахъ, но что евреи являются вреднымъ элементомъ. Однако, не только традиціонная мѣра поголовнаго выселенія евреевъ изъ уѣздовъ не встрѣтила здѣсь поддержки ни со стороны властей, ни со стороны помѣщиковъ, но были даже сдѣланы указанія, долженствовавшія значительно смягчить ходячее превратное представленіе о вредоносности евреевъ.

Констатировалось, что евреи проживаютъ въ чрезмѣрномъ количествѣ въ уѣздахъ, и въ связи съ этимъ возникла мысль о необходимости только *разрѣдить* еврейское населеніе въ уѣздахъ и излишекъ размѣстить какъ по городамъ, такъ и по пустопорожнимъ землямъ при извѣстной матеріальной поддержкѣ со стороны правительства.

Объ этомъ подумывали и сами евреи, но они были безсильны выполнить такую тяжелую задачу, какъ переселить бѣдное многотысячное населеніе. Нота Хаимовичъ Ноткинъ представилъ правительству еще въ 1797 г. проектъ переселенія евреевъ колоніями на степи для разведенія тамъ овецъ,

устройства земледѣлія и проч., но этотъ проектъ, требовавшій громадныхъ средствъ, не былъ, конечно, осуществленъ.

Главное значеніе указанной сенатской анкеты заключается въ томъ, что ею былъ выдвинутъ на очередь вопросъ о преобразованіи еврейскаго быта, причемъ идея о реформѣ была обязана своимъ зарожденіемъ заботѣ о благополучіи и потребностяхъ не самаго еврейскаго населенія, а одного лишь крестьянства—реформа нашла свое выраженіе въ Положеніи о евреяхъ 1804 г., первомъ систематически разработанномъ русскомъ законодательствѣ о евреяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ самый фактъ анкеты придалъ, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго, вопросу о проживаніи евреевъ въ уѣздахъ угрожающій характеръ.

Однако, несмотря на тревожную атмосферу, сгустившуюся вокругъ еврейскаго населенія въ уѣздахъ, оно вовсе не представляло въ глазахъ самого-же сената особой опасности, какъ свидѣтельствуется слѣдующій фактъ.

Въ 1801 г. по всѣмъ губерніямъ былъ вновь разосланъ указъ, чтобы „мѣщанъ, живущихъ по селеніямъ, непременно высылать для жительства и промысловъ въ города..., не допуская ихъ пользоваться по деревнямъ крестьянскими прибытками съ крайнимъ ихъ утѣсненіемъ“. Это требованіе, какъ и прежнія такія-же, должно было распространиться на все русское мѣщанство, а, слѣдовательно, между прочимъ также на Бѣлорусскихъ евреевъ. Но вслѣдствіе ходатайства евреевъ сенатъ издалъ въ 1802 г. указъ, чтобы начавшееся въ Бѣлоруссіи выселеніе евреевъ было пріостановлено и чтобы имъ „въ жительствѣ и промыслахъ ихъ никакого стѣсненія“ не дѣлали.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, принимаются мѣры, которыя превращали общее законоположеніе въ спеціально „еврейскую“ репрессію, а, съ другой стороны, въ Бѣлоруссіи, т.-е. именно тамъ, гдѣ выселеніе евреевъ изъ уѣздовъ имѣло наиболѣе длинную исторію, вдругъ дѣлается исключеніе изъ общаго закона ²⁰⁾.

Крестьяне бѣдствовали, ближайшими же ихъ сосѣдями являлись евреи. Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, съ точки зрѣнія существовавшаго государственнаго строя, не допускало, по понятіямъ того времени, никакихъ измѣненій

въ ихъ быту. Слѣдовательно, путь къ улучшенію ихъ экономическаго состоянія нужно было проложить сквозь густую еврейскую массу, окружавшую ихъ.

Къ такому выводу русскіе администраторы, сталкивавшіеся съ крестьянствомъ въ западныхъ губерніяхъ, неминуемо приходили не по личнымъ соображеніямъ, а въ силу твердаго велѣнія, диктовавшагося, какъ казалось, самыми насущными тогдашними государственными требованіями.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерной иллюстраціей служитъ эпизодъ, разыгравшійся въ тотъ моментъ, когда впервые зародилась идея о реформѣ еврейскаго быта, и надолго опредѣлившій отношеніе правительства къ вопросу о совмѣстномъ проживаніи евреевъ и крестьянъ.

Въ 1799 г. Павелъ I повелѣлъ Державину отправиться въ Шкловъ, чтобы на мѣстѣ разсмотрѣть, на сколько были основательны жалобы на самовластные поступки извѣстнаго генерала Зорича, владѣльца Шклова, противъ евреевъ и *прочихъ* жителей. Здѣсь Державинъ, узнавъ о серьезныхъ претензіяхъ къ Зоричу со стороны крестьянъ и другихъ обывателей-христіанъ, смутился: принимать-ли такія жалобы. Онъ обратился за разъясненіемъ въ Петербургъ: „велѣно мнѣ принимать жалобы на г. Зорича отъ евреевъ и *прочихъ* людей, въ Бѣлорусской губерніи жительствующихъ, но не сказано именно *отъ его подданныхъ*, то, въ противность законовъ, принимать ихъ я не осмѣлился“. И вотъ, изъ отвѣта ген.-прокурора оказалось, что, вопреки первоначальному высочайшему повелѣнію, данному Державину, было признано нежелательнымъ принимать жалобы не только отъ крестьянъ, но даже и отъ другихъ свободныхъ обывателей, кромѣ однихъ только евреевъ. „Государь Императоръ,—писалъ генераль-прокуроръ Державину,—повелѣтъ соизволилъ: 1) чтобы ваше превосходительство, держась точной силы высочайшаго указа, единственнымъ предметомъ отправленія вашего поставили изслѣдованіе жалобъ, приносимыхъ *отъ евреевъ* на притѣсненія Зорича... 3) жалобы крестьянъ на ихъ помѣщика, составляя для васъ обстоятельство побочное, не могутъ быть вами принимаемы, тѣмъ болѣе, что... примѣръ ихъ *можетъ произвести волнованіе*“.

Этотъ эпизодъ и послужилъ руководящей нитью для Держав-

вина, когда въ слѣдующемъ году государь поручилъ ему позаботиться о благополучіи бѣлорусскихъ крестьянъ; ихъ бѣдность вызывалась общими условіями ихъ жизни, не подлежащими измѣненію; слѣдовательно, оставалось направить вниманіе туда, гдѣ ожидалось меньше всего сопротивленія,—въ сторону евреевъ. Державинъ, первый выработавшій проектъ еврейской реформы, такъ и поступилъ. Съ этой позиціи онъ взглянулъ, между прочимъ, и на пребываніе евреевъ въ селахъ и деревняхъ.

Опасеніе коснуться устоевъ крестьянской жизни, крѣпко, какъ хотѣли тогда думать, державшейся властью помѣщиковъ, было столь сильно, что даже такой вдумчивый и самостоятельный администраторъ, какъ литовскій губернаторъ Фризель, понявшій, что корни крестьянскихъ бѣдствій не таятся въ евреяхъ, съ большой тревогой предложилъ мѣры для поднятія благосостоянія крестьянъ: „какъ *приведеніе въ дѣйствіе сего намѣренія можетъ* иногда сей непросвѣщенной части народа *внушитъ больше покушеній искать себѣ свободы, нежели дозволить ему можно пользоваться оною*, въ такомъ случаѣ нужно поступить со всей осторожностью, чтобы выгоды крестьянамъ, и все, что служить можетъ къ облегченію ихъ жребія, не единовременно, но частями доставляемо было“.

Страхъ предъ покушеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ „искать себѣ свободы“ обезсилилъ, исказилъ и дѣятельность „Еврейскаго комитета“, образованнаго въ 1802 г. для разработки еврейской реформы, несмотря на то, что въ немъ принимали участіе такіе люди, единомышленники и друзья молодого, либеральнаго въ то время импер. Александра I, какъ Адамъ Чарторыжскій и гр. Кочубей, секретаремъ котораго состоялъ быстро выдвигавшійся Сперанскій.

Приступая къ еврейской реформѣ, комитетъ былъ полонъ благихъ намѣреній. Когда вѣсть объ учрежденіи его вызвала тревожное настроеніе въ еврейскомъ населеніи, Кочубей сообщилъ губернаторамъ высочайшее повелѣніе, чтобы они „кагаламъ и прочимъ еврейскимъ обществамъ объявили бы и истолковали, что при учрежденіи комитета о разсмотрѣніи ихъ (евреевъ) дѣлъ, никакъ не было въ намѣреніи стѣснить ихъ состояніе или умалить существенныя ихъ выгоды; но, напротивъ, предполагается доставить имъ лучшее устройство

и спокойствіе, а потому, чтобъ не развлекались ложными слухами, къ нимъ доходящими,... въ твердой увѣренности къ правительству, пользу ихъ назидающему“.

А затѣмъ, послѣ ряда совѣщаній, комитетъ занесъ (20 сентября 1803 г.) въ журналъ слѣдующія строки, достойныя истинно государственнаго пера:

„...Преобразованія, производимыя властью правительства, вообще не прочны и особенно въ тѣхъ случаяхъ малонадежны, когда власть сія должна бороться съ столѣтними навыками, съ закоренѣлыми заблужденіями, съ суевѣріемъ неумолимымъ... Лучше и надежнѣе вести евреевъ къ совершенству, отворяя только путь къ собственной ихъ пользѣ, надзирая изъ далека за движеніемъ ихъ и удаляя все, что съ дороги сей совратить ихъ можетъ, не употребляя, впрочемъ, никакой власти... *Сколь можно меньше запрещеній, сколь можно больше свободы.* Вотъ простыя стихіи всякаго устройства въ обществѣ!.. Въ исчисленіи вѣроятностей, опредѣляющихъ дѣйствіе челоуѣка, первымъ основаніемъ должно всегда полагать частный прибутокъ, сіе внутреннее начало, нигдѣ и никогда не престающее, и отъ всѣхъ законовъ ускользящее, когда сіи законы для него стѣснительны... Можно бы было представить множество примѣровъ безплодныхъ въ семъ родѣ попытокъ, въ торговлѣ, въ ународованіи, въ просвѣщеніи: вездѣ, *гдѣ правительства мнили приказывать, вездѣ являлись одни только призраки успѣховъ*, кои, подержась нѣсколько времени на воздухѣ, исчезали вмѣстѣ съ началами, ихъ родившими. Напротивъ, во всѣхъ учрежденіяхъ, кои заводились нечувствительно, образовались частнымъ прибуткомъ, поддерживались свободою и были только покровительствуемы правительствомъ, была видима внутренняя сила, ихъ утверждающая, существовало непоколебимое основаніе, временемъ и личною пользою положенное... Всѣ сіи уваженія заставляютъ и въ образованіи евреевъ *предпочестъ средства тихаго одобренія, возбужденія ихъ собственной дѣятельности и пресѣченія только тѣхъ препятствій, кои зависятъ непосредственно отъ правительства* и сами собою пресѣчься не могутъ“.

Эти слова свидѣтельствовали, что молодымъ государственнымъ дѣятелямъ была еще чужда оффиціальная ложь. Но

когда они вскорѣ затѣмъ ее узнали, она тотчасъ поработила ихъ.

Въ ряду задачъ, намѣченныхъ комитетомъ къ разрѣшенію, наиболѣе жгучимъ являлся вопросъ о скопленіи евреевъ въ селахъ и деревняхъ, и онъ то сбиль членовъ комитета съ вѣрнаго пути, ими-же указаннаго въ журнальной записи.

Предъ комитетомъ предстала дилемма: или заявить во всеуслышанье, что отвѣтственность за бѣдствія крестьянъ падаетъ на крѣпостной строй, на тѣхъ, кто имъ пользуется въ личныхъ цѣляхъ, или—чтобы отвлечь общественное вниманіе отъ ужасной дѣйствительности и успокоить общественную совѣсть—сознательно пойти по ложному слѣду. Комитетъ, *еврейскій* комитетъ, не смѣлъ подойти со своими слабыми силами къ коренному государственному вопросу; съ другой стороны было такъ легко направить свою творческую дѣятельность на беззащитную еврейскую массу, заранѣе молвой объявленную виновною во всемъ.

И когда комитетъ закончилъ свою работу, оказалось, что необходимость еврейской реформы была объяснена не тяжкими условіями, въ которыхъ жили евреи, а вредомъ, который евреи, словно по злой волѣ, причиняли сосѣдямъ, или, по меньшей мѣрѣ, тѣми печальными послѣдствіями, которыя еврейская жизнь влекла за собою для христіанъ. Цѣль реформы получила не положительный, а отрицательный характеръ — сдѣлать евреевъ безвредными для другихъ. Эта близорукая тенденція надолго легла съ того времени въ основу русскаго законодательства о евреяхъ. Еврейская реформа должна была, такимъ образомъ, направиться въ сторону не еврейскихъ нуждъ, а единственно интересовъ окружающаго населенія. Наиболѣе ярко это сказалось при разрѣшеніи вопроса о проживаніи евреевъ въ селахъ и деревняхъ.

Комитетъ принялъ во вниманіе одно обстоятельство: отъ скопленія евреевъ въ уѣздахъ и отъ ихъ занятія арендами и винными откупами страдали крестьяне; но его не заинтересовало, какъ же отражалось это обстоятельство на матеріальномъ благосостояніи самихъ евреевъ.

Между тѣмъ корчемство, вызывавшее въ русскихъ людяхъ самыя дикія представленія о евреяхъ, приносило евре-

ямъ одну нищету. Ген.-губерн. гр. Гудовичъ утверждалъ, что шинкари не имѣютъ „насущнаго съ семействами ихъ пропитанія, поелику по здѣшнему обыкновенію шинкарю платится изъ прибыли отъ продажи вина самая превосходная часть десятая, а по большей части, пятнадцатая“; губернаторъ Фризель заявлялъ, что въ корчмахъ сидятъ женщины, а не мужчины, которые „выходятъ на другіе промыслы, поелику доходъ съ шинка часто бываетъ недостаточенъ на ихъ содержаніе“. Было ясно, что, ища источниковъ пропитанія въ крестьянской средѣ, еврей былъ такимъ-же нищимъ, какъ и крестьянинъ: все переходило къ помѣщику.

Тяжелыя ненормальныя условія хозяйственнаго быта въ краѣ были разсмотрѣны комитетомъ только съ точки зрѣнія *крестьянской* жизни, и только съ точки зрѣнія крестьянскихъ интересовъ проживаніе евреевъ въ уѣздахъ стало вопросомъ и еврейской жизни. При этомъ комитетъ совершенно устранилъ отъ себя тотъ матеріалъ, который говорилъ о роли помѣщика въ крестьянской жизни. А вѣдь многіе документы свидѣтельствовали, что эта роль была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ дѣятельностью евреевъ, что послѣдніе подрывали благосостояніе крестьянъ, какъ невольные посредники между помѣщиками и крестьянами. Минскій губернаторъ заявилъ, что евреи наносятъ ущербъ крестьянамъ „черезъ содержаніе по деревнямъ арендъ и черезъ власть на закупку всѣхъ продуктовъ отъ крестьянъ, *многими помѣщиками изъ жадности къ прибыли позволяемую...*“; ген.-губернаторъ гр. Гудовичъ отмѣтилъ, что „отягощаются поселеніе нѣкоторыми помѣщиками, а наипаче поссесорами непозволеніемъ продавать какіе-либо продукты свой иначе, какъ еврею, право сіе вмѣстѣ съ винною арендою откупившему...“; Фризель и Державинъ указывали, что крестьяне принуждались покупать все необходимое у помѣщиковъ или ихъ арендаторовъ, и имъ-же продавать свои продукты, и въ обоихъ случаяхъ цѣны назначались по прихоти помѣщика, причемъ крестьяне принуждались также и водку покупать въ помѣщичьихъ шинкахъ. Съ другой стороны, помѣщикъ, пользуясь своей властью надъ евреями, заставлялъ ихъ брать определенное количество водки, и евреямъ невольно приходилось принимать всяческія мѣры, чтобы распродать ее.

Извѣстенъ случай, когда сенатъ долженъ былъ постановить, что евреевъ нельзя принуждать къ продажѣ питей ²¹).

Но все это не было принято во вниманіе комитетомъ, ибо власть помѣщика ревниво охранялась самимъ правительствомъ, и въ результатѣ, выработанное комитетомъ Положеніе о евреяхъ 1804 г. лишило—34-ой статьёй—евреевъ права содержать шинки и брать аренды и потребовало, чтобы въ теченіе трехъ лѣтъ изъ селъ и деревень было выселено все многотысячное еврейское населеніе.

Въ своемъ докладѣ комитетъ отмѣтилъ, что „во всѣхъ дѣлахъ и свѣдѣніяхъ, въ разсмотрѣніи его бывшихъ, находилъ онъ явные слѣды сихъ злоупотребленій и основаніе жалобъ, толикократно на нихъ приносимыхъ. Укоризны до того простираются, что нѣкоторые помѣщики и люди, кои на мѣстахъ занимались разсмотрѣніемъ промысловъ еврейскихъ, имъ особенно приписываютъ крайнюю бѣдность и разореніе, въ коемъ находятся обыватели.. Содержаніе арендъ и винный промыселъ, по выраженію сихъ примѣчателей, въ рукахъ евреевъ есть зло неизъяснимое..., истощающее силы народа, снѣдающее всѣ плоды трудовъ его, самое жестокое орудіе корыстолюбія, угнетенія и бѣдствія... Надлежало взойти къ самому первому ихъ началу, исправить зло въ самомъ корнѣ, и средствами, сколь можно умѣренными, но дѣйствительными, остановить вредное его распространеніе“!

Обвиненіе въ спаиваніи и подрывѣ благосостоянія крестьянъ уже въ теченіе ряда лѣтъ тяготѣло надъ евреями; оно взводилось на нихъ и много десятилѣтій спустя. Однако, общеизвѣстно, что пьянство не было монополіей крестьянъ только тѣхъ губерній, въ которыхъ жили евреи; крестьяне пьянствовали и голодали во всѣхъ губерніяхъ; пьянство и голодъ не прекратились и тогда, когда образъ еврея корчмаря отошелъ въ историческое прошлое, когда его смѣнили другіе сидѣльцы, иной религіи, иныхъ общественныхъ классовъ.

Ниже будутъ еще приведены соображенія компетентнаго учрежденія, отвергшаго цѣлесообразность мѣры выселенія. Здѣсь же необходимо отмѣтить ту нравственную атмосферу, въ которой развился мифъ о евреѣ, какъ объ единственномъ виновникѣ крестьянскихъ бѣдъ. Поэтъ и сенаторъ Державинъ, злобный сѣятель правительственнаго антисемитизма,

мнѣніе котораго по еврейскому вопросу до сихъ поръ не утратило своей авторитетности, настойчиво направлялъ свои удары противъ евреевъ; онъ, правда, не щадилъ помѣщиковъ и крестьянъ, но всеже вниманіе читателя его записки искусственно сосредоточивалось на евреѣ. А между тѣмъ, подобное отношеніе къ евреямъ было ему подсказано не убѣжденіемъ въ правильности такого взгляда, а единственно необходимостью прибѣгнуть къ оффиціальной лжи. Предлагая въ запискѣ суровыя мѣры противъ евреевъ, настаивая на ихъ выселеніи изъ уѣздовъ, Державинъ одновременно высказалъ въ частномъ письмѣ иной, трезвый взглядъ на затронутый вопросъ: „Трудно безъ погрѣшенія и по справедливости кого-либо строго обвинять. Крестьяне пропиваютъ хлѣбъ жидамъ и оттого терпятъ недостатокъ въ ономъ. Владѣльцы не могутъ воспретить пьянства для того, что они отъ продажи вина весь доходъ имѣютъ. А и жидовъ въ полной мѣрѣ обвинять также не можно, что они для пропитанія своего извлекаютъ послѣдній отъ крестьянъ кормъ. Словомъ, надобно бы всѣмъ сохранить умеренность и чрезъ то воспользоваться общимъ благоденствіемъ. Но гдѣ же, и кто таковъ, кто бы въ полной мѣрѣ соблюлъ оную? Всякъ себѣ желаетъ больше выгодъ“²²).

Таковъ характерный образецъ оффиціальной правды объ евреяхъ.

Члены Еврейскаго комитета не были настоль мужественны или не были настоль свободны отъ вліянія со стороны и свыше, чтобы отказаться отъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ евреямъ, разъ имъ было ясно, что первопричина крестьянскихъ бѣдъ коренится въ другой сферѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, ступивъ на путь, предуказанный правительствомъ, они не скрыли ни отъ себя, ни отъ государя, что на этой дорогѣ встрѣтится глухая стѣна, которая явится непреодолимымъ препятствіемъ для достиженія цѣли. „Есть множество уваженій, — писалъ комитетъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ—кои одинъ опытъ можетъ во всемъ пространствѣ ихъ открыть и указать способы къ ниспроверженію тѣхъ препятствій, коихъ, по необходимости, должно ожидать въ такомъ учрежденіи, которое болѣе, нежели другое, подвержено противодѣйствию навыка, упрямства, корысти, обольщенія и, наконецъ, слабости исполнителей“.

Быть можетъ, комитетъ потому то и согласился на мѣру выселенія, осуществленія которой никто на мѣстахъ, фактически, и не требовалъ, что онъ самъ не вѣрилъ въ эту возможность. Между тѣмъ создавалось желанное представленіе, будто комитетъ разрѣшилъ предложенную ему задачу, будто правительство взялось за искорененіе зла, угрожавшаго государственному благосостоянію.

Ожиданія комитета оправдались: мѣра выселенія встрѣтила непреодолимые препятствія.

Для удаленія евреевъ—шестидесяти тысячъ семействъ!—изъ селъ и деревень былъ назначенъ трехлѣтній срокъ, къ 1 января 1808 г. Правительство обѣщало оказать еврейскому населенію поддержку для обращенія къ земледѣлію и къ развитію фабричной дѣятельности, но помощь была слишкомъ ничтожна въ сравненіи съ тѣми грандіозными расходами, которые въ дѣйствительности требовались для перемѣщенія десятковъ тысячъ людей. Совершенно неподготовленные къ физическому труду, обремененные семьями, лишенные всякихъ денежныхъ средствъ, изгнанники должны были, оставшись безъ куска хлѣба, перейти въ города и жить тамъ, не имѣя занятій. Уже вскорѣ обнаружилось, что правительство не въ силахъ оказать даже ту малую поддержку, которую оно обѣщало; вмѣсто поощренія къ переселенію въ Новоросію для земледѣльческаго труда правительство было вынуждено начать ставить преграды стихійному стремленію къ переселенію, охватившему часть изголодавшагося еврейскаго населенія. Была введена очередь для переселенцевъ, тѣмъ не менѣе тогда-же началось удаленіе евреевъ изъ деревень и селъ, сопровождавшееся обычными ужасами насилія.

„Слухи и вѣсти о выгодности переселенія распространились по всѣмъ еврейскимъ захолустьямъ, а послѣдній срокъ выселенія... изо дня въ день все грознѣе приближался... Не выбравшихся еще добровольно изъ деревень теперь гнали изъ нихъ силою; пожитки неповиновавшихся уничтожали; осѣдлости ихъ разоряли безъ сожалѣнія!.. Евреи молили объ отсрочкѣ, вопили и стонали, но все было напрасно: ихъ беспощадно выпроваживали подъ конвоемъ крестьянъ и даже солдатъ!.. Ихъ загоняли, точно скоть, въ мѣстечки

и городишки, и тамъ, на площадяхъ, подъ открытымъ небомъ, оставляли размышлять о превратностяхъ судьбы! Въ пылу отчаянія они подавали всѣмъ властямъ цѣлыми кипами слезныя прошенія о безотлагательномъ переводѣ ихъ въ земледѣльцы, въ Новороссію...“²³). Среди изгнанниковъ появились болѣзни, усилилась смертность. Возникло опасеніе эпидемій.

Кн. Кочубей, вѣдавшій дѣло переселенія, признавалъ безсиліе правительства предъ этой голодной толпой, молившей о хлѣбѣ; но могло-ли правительство безъ ущерба, какъ ему мнилось, для своего престижа пріостановить выселеніе.

Даже случайное стеченіе обстоятельствъ, открывавшее предъ правительствомъ возможность почетной капитуляціи, не сломило настойчивости въ осуществленіи репрессивной мѣры.

„Государь Императоръ повелѣлъ по случаю того, что Бонапартъ созвалъ въ Парижѣ собраніе представителей евреевъ, имѣющее главной цѣлью дать евреямъ разныя преимущества и связать евреевъ всей Европы, созвать особый Комитетъ для обсужденія того, не требуетъ ли это обстоятельство принятія какъ-либо особыхъ мѣръ относительно русскихъ евреевъ“²⁴). Въ составъ вновь образованнаго комитета вошли Кочубей, Чарторыжскій и министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Будбергъ.—Кн. Кочубей (съ нимъ былъ согласенъ и Чарторыжскій) представилъ записку государю (февраль 1807 г.), въ которой указывалъ, что нельзя утверждать, будто правительство не можетъ увидѣть себя въ необходимости отказаться отъ своихъ распоряженій, и поэтому онъ предлагалъ отсрочить переселеніе евреевъ, „поставивъ вообще націю сію въ осторожность противъ намѣреній французскаго правительства“. Но Будбергъ, отрицая наличность какой-либо связи между Синедріономъ и выселеніемъ евреевъ, высказался за то, чтобы законъ былъ осуществленъ во всей строгости.

Дѣйствительно, ссылка на Францію должна была послужить лишь приличной маской. Фактически для отсрочки выселенія имѣлись другіе, притомъ весьма вѣскіе мотивы. Кн. Кочубей указывалъ, что евреи могли бы быть *частью* переселены въ города и мѣстечки, но здѣсь нерѣдко нельзя было найти даже убѣжища; нѣкоторые города и мѣстечки, населен-

ные главнымъ образомъ евреями, выгорѣли, и еврей-погорѣльцы не только не въ силахъ оказать гостепріимство изгнанникамъ, но сами вынуждены уходить въ деревни, а такъ какъ ихъ туда не пускаютъ, то они „бродятъ и скитаются“.

„Вообще—откровенно резюмировалъ кн. Кочубей,—ни сами они (евреи) не могутъ имѣть способовъ, оставивъ нынѣшнія жилища по селамъ, деревнямъ и корчмамъ, найти оныя себѣ въ иныхъ мѣстахъ, ни правительство не можетъ въ томъ имъ подать никакого пособія“.

Но и это компетентное сужденіе не могло побудить верховную власть уступить непреклонному требованію жизни. Благородное стремленіе улучшить положеніе бѣдствующаго крестьянина, встрѣчая на своемъ пути препятствіе въ основномъ государственномъ строѣ, не желало примириться съ сознаніемъ своего безсилія, и оно бросалось въ сторону миража. Жажда дѣйствія, которая успокоила бы тревогу совѣсти, побуждала высшую власть быть исключительно настойчивой. Государь соглашался въ крайнемъ случаѣ нѣсколько смягчить мѣру выселенія, но никакъ не отказаться отъ нея. Таковъ именно былъ смыслъ высочайшаго рескрипта (1807 г.) на имя сенатора Алексѣева, командированнаго въ губерніи черты осѣдлости, чтобы удостовѣриться, до какой степени мѣстныя обстоятельства могутъ способствовать или затруднить переселеніе евреевъ.

„Возлагая на васъ пріобрѣсти на мѣстѣ сіе удостовѣреніе, Я поручаю вамъ, войдя въ разсмотрѣніе способовъ, кои могутъ имѣть евреи, чтобъ въ 1808 г. изъ деревень переселиться; если найдете вы сіе возможнымъ и съ настоящими обстоятельствами того края совмѣстнымъ, то вы и не оставите силою сего подтвердить всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ, чтобъ общее Положеніе о евреяхъ приводимо было повсемѣстно въ точное исполненіе.“

„Если же вы найдете, что предположеніе сіе безъ крайняго разоренія къ назначенному сроку по настоящимъ обстоятельствамъ и среди разныхъ необходимыхъ заботъ, крайсей нынѣ тяготящихся, совершиться не можетъ, тогда вы представите Мнѣ какъ о дѣйствительныхъ причинахъ сей невозможности, такъ и о средствахъ, коими бы можно было, по крайней мѣрѣ, постепенно привести во исполненіе тѣ

виды, кои въ Положеніи о евреяхъ для пользы края и для лучшаго ихъ самихъ устройства были поставлены“.

Такимъ образомъ, не только была устранена возможность отмѣнить выселеніе, но все еще тлѣла надежда, что эту мѣру можно будетъ завершить въ короткій срокъ. И въ связи съ этимъ было рѣшено созвать въ губерніяхъ черты осѣдлости еврейскихъ депутатовъ, которые укажали бы средства къ осуществленію Положенія 1804 г.

Яркіе реальные факты слишкомъ громко говорили о невозможности выселенія въ короткій срокъ; сенаторъ Алексѣевъ не воспользовался предоставленнымъ ему правомъ и не предписалъ губернаторамъ привести въ дѣйствіе законъ; члены комитета, ознакомившіеся, между прочимъ, съ мнѣніемъ депутатовъ и отзывами губернаторовъ, также нашли невозможнымъ совершить выселеніе къ 1-му января 1808 г. Отвѣтить же на вопросъ, необходимо и возможно ли вообще осуществленіе принудительнаго выселенія, хотя бы и въ теченіе болѣе продолжительнаго срока, комитетъ не рѣшался, не имѣя на то полномочія. Однако само заключеніе комитета довольно открыто наводило на мысль, что пора положить конецъ насильственной мѣрѣ, совершенно отказавшись отъ нея. Но государь согласился лишь на слабое смягченіе мѣропріятія: съ января 1808 г. должно было „безъ отлагательства малѣйшаго и послабленія“ начаться переселеніе евреевъ *частями* съ такимъ расчетомъ, чтобы въ теченіе трехъ лѣтъ оно было совершенно закончено.

Благо требуетъ жертвъ. Пусть сотни семействъ были удалены изъ деревень, тысячи голодныхъ бродили, ища хлѣба. Именно это наводненіе края бездомными нищими встревожило власть: мирное еврейское населеніе грозило превратиться въ элементъ, опасный для общественнаго спокойствія. Изъ провинціи шли донесенія, что законъ 1804 г. невыполнимъ. И тогда, наконецъ, когда бѣдствіе евреевъ, достигнувъ крайнихъ размѣровъ, стало общимъ несчастьемъ, новый министръ внутреннихъ дѣлъ, кн. Куракинъ, рѣшился высказать категорически то, что всѣми сознавалось, но о чемъ не смѣли говорить. И тогда только (29 декабря 1808 г.) было высочайше повелѣно *оставить евреевъ на ихъ мѣстахъ* „до дальнѣйшаго впрредъ повелѣнія“, а затѣмъ учрежденъ новый

комитетъ для разсмотрѣнія вопроса о выселеніи, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго дѣятеля В. С. Попова, близкаго государю. „Намѣреніе Мое — говорилось въ высочайшемъ указѣ, — въ томъ состоитъ, чтобъ всѣ вообще препятствія и затрудненія, въ переселеніи евреевъ встрѣтившіяся, были въ совокупности разсмотрѣны, дабы *на сихъ окончательныхъ соображеніяхъ* можно уже было основать положительныя по сему отношенію мѣры“.

II.

Значеніе дѣятельности комитета.—Сопоставленіе его спокойнаго разсмотрѣнія вопроса съ рѣшительными мѣрами противъ евреевъ.—Выводы комитета: пребываніе евреевъ въ селахъ и деревняхъ приноситъ пользу; бѣдствіе крестьянъ происходитъ не отъ сосѣдства евреевъ; вина падаетъ на помѣщиковъ; необходимо окончательно отмѣнить мѣру выселенія (1812 г.)—Отечественная война и благоволеніе имп. Александра I къ еврейскому населенію.—Возобновленіе выселенія и вынужденная приостановка въ осуществленіи этой мѣры (1824 г.)—Отрицательное отношеніе къ ней со стороны высшихъ государственныхъ дѣятелей, департамента законовъ Государственнаго совѣта и самого Госуд. совѣта.—*Общее убѣжденіе, что вредъ, проистекающій будто отъ евреевъ, не доказанъ и что бѣдствіе крестьянъ вызывается другими обстоятельствами.*—Резолюція имп. Николая I.—Отмѣна выселенія, какъ системы (1835 г.)—Право проживанія въ военныхъ поселеніяхъ покупается цѣною сдачи сыновей въ кантонисты. — Новая попытка массоваго выселенія.

Задача комитета, по словамъ указа, заключалась въ томъ, чтобы „изыскать мѣры, посредствомъ коихъ евреи, бывъ удалены отъ единственнаго ихъ промысла—продажи вина по селамъ, деревнямъ, постояннымъ дворамъ и шинкамъ—могли бы себѣ доставлять пропитаніе работою“. Но въ чемъ же могли заключаться эти мѣры, когда по словамъ этого-же указа „невозможность сія (т. е. переселеніе) не отъ чего иного главнѣйше происходитъ, какъ только отъ того, что *евреи по нищетѣ* ихъ не имѣютъ сами способовъ, оставивъ настоящія ихъ жительство, устроиться и обзавестись въ новыхъ состояніяхъ, кои избирать они должны. *Правительство, равнымъ образомъ, не можетъ принять на себя водвореніе* всѣхъ ихъ на новыхъ мѣстахъ“.

Комитетъ, въ составъ котораго вошелъ и сенаторъ Алексѣевъ, ознакомившійся на мѣстѣ съ подлежащимъ вопро-

сомъ, работалъ въ теченіе трехъ лѣтъ и на основаніи обширнаго матеріала, скопившагося за 25 лѣтъ, безъ обиняковъ выяснилъ роль евреевъ въ деревняхъ и селахъ и указалъ на ихъ значеніе въ крестьянской жизни.

Миѳъ о евреѣ, какъ о злонамѣренномъ виновникѣ бѣдствій крестьянина, его угнетателѣ, держится въ русскомъ обществѣ по сію пору, благодаря нѣкоторымъ условіямъ, если не внѣшне, то внутренне схожимъ съ тѣми, которыя существовали сто лѣтъ назадъ. За протекшіи вѣкъ эта легенда причинила евреямъ много страданій, нанесла имъ много обидъ. Докладъ комитета Попова представляетъ поэтому документъ, не утратившій понынѣ въ извѣстной степени своего практическаго значенія, хотя за это время хозяйственный строй въ странѣ измѣнился, а винные промыслы стали государственной монополіей. Но не этимъ однимъ докладъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны современнаго государственнаго дѣятеля.

Если даже не согласиться со всѣми его положеніями, все же нельзя не признать, что, всесторонне изслѣдовавъ вопросъ о пребываніи евреевъ въ сосѣдствѣ крестьянъ, комитетъ сумѣлъ разобраться въ этомъ обострившемся сложномъ общественно-экономическомъ явленіи, и что, рассмотрѣвъ его съ государственно-хозяйственной точки зрѣнія, онъ правдиво и смѣло указалъ на то, какъ бесполезна борьба съ этимъ явленіемъ помощью первобытнаго способа—изгнанія многотысячнаго населенія съ насиженныхъ мѣстъ. Сопоставленіе спокойнаго безпристрастнаго освѣщенія, даннаго вопросу комитетомъ, со спѣшностью и настойчивостью, съ которыми высшая власть, въ благородномъ, но недостаточно обдуманномъ стремленіи, пыталась изгнать евреевъ изъ уѣздовъ, должно навести русскаго государственнаго дѣятеля на глубокое размышленіе: съ какой легкостью принимались въ отношеніи евреевъ мѣры, рѣшительно не вызывавшіяся фактическими государственными нуждами, а между тѣмъ крайне суровыя, врядъ ли примѣнимыя даже въ непріятельской странѣ въ отношеніи враждебнаго населенія...

„Въ Польшѣ, гдѣ все почти купечество составлено изъ евреевъ и гдѣ почти всѣ ремесла находятся въ рукахъ евреевъ-же,—говорится въ докладѣ комитета Попова—тор-

говля и ремесла сдѣлались недостаточными для доставленія всѣмъ вообще евреямъ прокормленія. Необходимость понудила пришельцевъ сихъ обратиться къ другимъ средствамъ. Помѣщики, воспользовавшись ихъ прибытіемъ, пригласили на свои земли и употребили орудіями хозяйственныхъ своихъ оборотовъ.

„Внутреннія безпокойства, частые военные раздоры, набѣги татаръ и прочія тому подобныя происшествія были причиною, что польскіе помѣщики не имѣли ни удобства, ни времени заняться устроеніемъ прочнаго хозяйства и принуждены были прибѣгнуть къ разнымъ легчайшимъ побочнымъ оборотамъ, какъ, напр., къ винокуренію, отдачѣ помѣстьевъ на аренды и пр...

„Евреи, сдѣлавшись необходимыми для помѣщиковъ, по собственному согласію ихъ занялись арендами въ большой части помѣстій и, бывъ во все время польскаго правленія лишены права пріобрѣтать покупкою земли, нашлись принужденными, изъ угожденія помѣщикамъ, на земляхъ коихъ они были поселены, предаться исключительно продажѣ вина.

„Въ семъ положеніи польскіе евреи перешли подъ Россійскую Державу...

„Неоспоримо, что пресѣченіемъ сего (виннаго) промысла (когда бы евреи имѣли возможность безъ онаго обойтись), можно было бы произвести въ семъ народѣ необходимость обратиться къ полезнѣйшимъ отраслямъ промышленности; но равномерно неоспоримо, что превращеніемъ земледѣльцевъ въ цѣловальниковъ нельзя уменьшить въ крестьянахъ склонность къ напиткамъ. Превращеніе сіе не принесло бы никакой выгоды ни помѣщику, ни крестьянину, ни государству.

„Крестьянинъ, привыкшій издревле продавать еврею произведенія свои на мѣстѣ и чрезъ то сберегавшій какъ рабочій скотъ, такъ и время,... долженъ нынѣ ѣхать въ городъ или мѣстечко, которое не лучше того-же селенія, въ которомъ также живутъ евреи, продавать свои произведенія евреямъ-же и пропить вырученныя деньги евреямъ-же, или, лучше сказать, въ нѣскольکو поѣздокъ въ городъ пропить все, что пропивалъ цѣлый годъ въ своемъ селеніи...

„Крестьянинъ, равнымъ образомъ, привыкшій доставать

подъ руками всѣ домашнія необходимости, напр., косы, посуду, желѣзо, соль и пр. (ибо въ каждомъ селеніи у еврея можно было найти все то-же, что и въ мѣстечкѣ), долженъ нынѣ, при встрѣтившейся нуждѣ, иногда въ самую рабочую пору, ѣхать въ городъ покупать то-же у евреевъ и пропивать деньги тоже евреямъ.

„Крестьянинъ, въ случаѣ неурожая хлѣба, при недостаткѣ въ сѣменахъ, или въ какомъ-нибудь другомъ несчастномъ случаѣ *не находившій иногда во многихъ помѣстьяхъ пособія у помѣщика, прибѣгалъ къ пособію еврея.* Теперь крестьянинъ долженъ лишиться и сего пособія.

„Польза, которую правительство извлекало изъ пребыванія евреевъ въ селахъ и деревняхъ, состояла въ томъ:

1. Что хлѣбопашество годъ отъ года приходило въ лучшее состояніе, сколько отъ умножившейся нужды въ произведеніяхъ, столько и отъ того, что не отвлекались отъ земледѣлія полезные работники, и классъ производительный свободно размножался;

2. Что крестьяне уплачивали государственныя подати, и

3. Что бо тысячъ семействъ имѣли вѣрное содержаніе и удовлетворяли государственнымъ обязанностямъ.

„Запрещеніе содержать шинки и постоянные дворы по большимъ дорогамъ лишило бы не только евреевъ, но и христіанъ всѣхъ удобностей, необходимыхъ для проѣзжающихъ, и, сверхъ того, чрезвычайно ощутительно было бы для торговыхъ оборотовъ, казенныхъ поставокъ и даже для почтъ...

„Во уваженіе всѣхъ сихъ препятствій и самой невозможности, Комитетъ находитъ... необходимымъ оставить евреевъ въ селахъ и деревняхъ попрежнему:

1. По неимѣнію въ Польскихъ губерніяхъ земель ни помѣщичьихъ, ни казенныхъ, на коихъ бы можно было водворить бо тысячъ семействъ, не имѣющихъ никакой собственности;

2. По недостатку средствъ у самой казны къ водворенію евреевъ въ губерніяхъ отдаленныхъ, ибо одной денежной ссуды потребовалось бы многіе милліоны...

3. По закоренѣлой неспособности еврейскаго народа къ хлѣбопашеству. Для пріобученія новаго только поколѣнія къ сему роду хозяйства нужно было бы употребить нѣсколько лѣтъ и назначить для сего, на подобіе колонистовъ,

множество особыхъ конторъ или комиссій. Ремесло земледѣльца требуетъ такъ же, какъ и всякое другое ремесло, силъ и опытности;

4. Потому, что евреи, съ извѣстными и положительными ограниченіями ²⁵⁾, подъ надзоромъ помѣщиковъ, такъ же могутъ быть терпимы въ селеніяхъ, какъ въ городахъ и мѣстечкахъ.

„Оставить евреевъ въ селахъ и деревняхъ безъ разрѣшенія продажи вина Комитетъ признаетъ не только невозможнымъ, но и невыгоднымъ:

1. Потому, что классъ евреевъ, существовавшихъ одною продажею вина, будучи составленъ изъ людей самыхъ бѣднѣйшихъ, долженъ или пасть на содержаніе казны, или, не имѣя ни жилища, ни пропитанія, перемереть съ голоду, или ввергнуться въ отчаяніе, могущее произвести послѣдствія, вредныя для общественнаго спокойствія;

2. Потому, что *недостатокъ пропитанія въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ происходитъ не отъ пребыванія евреевъ въ селахъ и деревняхъ*. Состояніе христіанъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній, въ которыхъ также живутъ евреи, и гдѣ въ скирдахъ болѣе сгниваетъ хлѣба, нежели родится въ Бѣлоруссіи, ясно доказываетъ, что недостатокъ пропитанія въ семъ послѣднемъ краѣ происходитъ не отъ продажи вина евреями, но отъ худого удобренія земель и отъ недостатка вообще хорошей системы хозяйства.

„Доколь у Бѣлорусскихъ и Польскихъ помѣщиковъ будетъ существовать теперешняя система экономіи, основанная на продажѣ вина; доколь помѣщики не перестанутъ, такъ скажутъ, покровительствовать пьянству, доколь зло сіе, возрастающее годъ отъ году, никакими усиліями не истребится, и послѣдствія будутъ все тѣ-же, кто бы ни былъ представленъ къ продажѣ вина, еврей или христіанинъ. Въ доказательство ближе всего можно представить С.-Петербургскую губернію, не говоря ни о Лифляндіи, ни о Эстляндіи и проч. Коль же скоро со стороны правительства примутся надлежащія мѣры къ ограниченію сборовъ, происходящихъ отъ продажи вина, тогда, съ уменьшеніемъ выгодъ по сей части, и упражняющіеся въ винной продажѣ обратятся сами со-

бою къ другимъ занятіямъ, ремесламъ, мануфактурамъ и, можетъ быть, современемъ къ земледѣлію и скотоводству...

„...Польщички, ищущіе прибытковъ въ продажѣ вина, не перестанутъ искать ихъ и въ то время, когда на мѣсто евреевъ будутъ имъ услуживать въ томъ христіане, которые, заступивъ мѣсто евреевъ, найдутся принужденными поступать такъ же, какъ и евреи; известно, впрочемъ, что сіи послѣдніе никогда продажею вина не обогатились, а извлекали одно только пропитаніе и удовлетвореніе лежащихъ на нихъ повинностей...

„Сдѣлать изъ всѣхъ евреевъ купцовъ и ремесленниковъ, по множеству ощутительныхъ причинъ, было бы также и невозможно, и невыгодно, между прочимъ потому,

1. что мѣстечки и города не въ состояніи ни помѣститъ всѣхъ евреевъ, ни доставить имъ упрощенія и пропитанія;

2. что отъ умноженія числа купцовъ и ремесленниковъ въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, въ коихъ и теперь находится число, превосходящее истинную потребность, и отъ наполненія городовъ народомъ нищимъ, ни къ какимъ ремесламъ не привыкшимъ, должны понести потерю настоящіе купцы и ремесленники и подвергнутъ чрезъ то упадку самую торговлю. Впрочемъ, все купечество и всѣ ремесла въ Польскихъ губерніяхъ болышею частью и безъ того наполнены евреями, а затѣмъ къ винной продажѣ обращается одинъ только ихъ избытокъ...

„Комитетъ, убѣждаемый симъ положеніемъ цѣлаго народа... и особенно опасаясь, чтобы вѣщимъ продолженіемъ насильственныхъ мѣръ въ настоящихъ политическихъ обстоятельствахъ не ожесточить сей уже до крайности стѣсненный народъ, признаетъ необходимымъ вмѣсто непрерывныхъ отсрочекъ, коимъ конца предвидѣть невозможно и кои кромѣ колеблемости правилъ и совершенной невозможности исполненія, ничего болѣе не обнаруживаютъ, рѣшительнымъ образомъ пресѣчь существующія нынѣ замѣшательства оставленіемъ евреевъ на прежнихъ ихъ жительствахъ и дозволеніемъ промысловъ, статьсю 34-ою остановленныхъ“.

Докладъ комитета не былъ высочайше утвержденъ; ²⁶⁾ быть можетъ, этому помѣшала надвинувшаяся Отечественная война; возможно, однако, что это было вызвано опасеніемъ умалить авторитетъ высшей власти. Какъ бы ни было, въ то время указанное обстоятельство не имѣло особаго значенія для евреевъ, такъ какъ выселеніе изъ деревень было еще ранѣе приостановлено впредь до дальнѣйшаго распоряженія. Но, вообще, тотъ фактъ, что по докладу не послѣдовало высочайшей санкціи, не остался безъ печальныхъ послѣдствій. Разъ идея о нежелательности выселенія евреевъ изъ уѣздовъ не была оффиціально признана, въ будущемъ открывался широкій просторъ для новыхъ подобныхъ опытовъ. И дѣйствительно, мѣра выселенія евреевъ приняла впослѣдствіи характеръ системы. Докладъ комитета былъ временно преданъ забвенію.

Отечественная война, година тяжкаго, но славнаго испытанія, открыла предъ взоромъ правительства душу еврейскаго народа. Тотъ еврей, на котораго такъ обильно сыпались со всѣхъ сторонъ удары, котораго правительство иначе себѣ не представляло, какъ въ образѣ жаднаго корчмаря, жестоко обиравшаго бѣднаго крестьянина, этотъ еврей предсталъ предъ русской властью въ новомъ свѣтѣ. Императоръ Александръ I лично убѣдился, что прежніе страхи по поводу созыва Наполеономъ Синедріона были напрасны. Евреи не только остались вѣрными странѣ, которой присягали, но, забывъ перенесенныя обиды, старались принести Россіи посильную помощь. И императоръ I оцѣнилъ искренній патріотизмъ еврейскаго населенія.

Въ 1812—13 годахъ при Главной квартирѣ государя состояли два еврея—Зундель Зонненбергъ и Лейзеръ Диллонъ,—носившіе титулъ „депутатовъ еврейскаго народа“. Они сопровождали Главную квартиру и за предѣлами Россіи. Депутаты выполняли различныя порученія, касавшіяся арміи; они даже получили похвальные листы отъ начальника главнаго штаба, кн. Волконскаго. Но, помимо этого, депутаты оффиціально предстательствовали за еврейскій народъ. Въ 1814 г. еврейская депутация была принята императоромъ и тогда-же „Его Величество соизволилъ въ повелѣніи, датированномъ: Брухзаль, 29 іюня 1814 г., выразить *еврейскимъ*

кагаламъ свое милостивѣйшее расположеніе и повелѣтъ, чтобы та-же депутація или подобная отправилась въ С.-Петербургъ, дабы тамъ, во имя проживающихъ въ Имперіи евреевъ, выждать и получить выраженіе высочайшей воли и опредѣленіе относительно ихъ всеподданнѣйшихъ желаній и просьбъ касательно современнаго улучшенія ихъ положенія“ ²⁷).

Это благоволеніе въ условіяхъ того времени было многообѣщающе; чтобы оцѣнить его значеніе, достаточно вспомнить, какую катастрофу еще недавно пережили евреи: высылка сотенъ тысячъ душъ изъ деревень грозила имъ самыми тяжкими послѣдствіями. Теперь гнѣвъ былъ переложень на милость. И благоволеніе императора имѣло тѣмъ большее значеніе, что ему было извѣстно, чего именно добивались евреи. Они ходатайствовали о возстановленіи нарушеннаго равенства въ области сословно-городского самоуправленія, объ ограниченіи надъ ними власти помѣщика и проч.; они также просили о томъ, чтобы имъ было разрѣшено торговать, курить вино и брать откупы, а, слѣдовательно, и жить по всей Россіи. Несомнѣнно, что высочайшее повелѣніе, чтобы депутація отправилась въ столицу и тамъ выждала разрѣшенія этихъ вопросовъ, указывало на близкую возможность благопріятнаго исхода ходатайства еврейскихъ представителей. При такихъ обстоятельствахъ евреи тѣмъ болѣе имѣли право надѣяться, что правительство не прибѣгнетъ болѣе къ той мѣрѣ—выселенію изъ уѣздовъ, которая стоила имъ столь тяжкихъ жертвъ.

Правда, ни одно изъ ходатайствъ депутатовъ не было удовлетворено; повидимому, они даже не разсматривались правительствомъ въ подробностяхъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, евреи обрѣли временный покой; ихъ не тревожили. Однако, когда величіе Россіи погрузило императора въ мистическій міръ, и его политическое міровоззрѣніе подверглось коренной ломкѣ, евреи опять превратились въ глазахъ правительства въ корчмарей или нечестныхъ торгашей. Еврей вновь сталъ громоотводомъ для различныхъ государственныхъ несчастій. Онъ, конечно, снова выступилъ и виновникомъ бѣдственнаго положенія крестьянъ.

Матеріалы, собранные комитетомъ сенатора Попова, этотъ голосъ жизни, эти факты обнаженной дѣйствительно-

сти,—все потеряло малѣйшую силу подъ напоромъ предубѣжденія, предъ обидной для правительства невозможностью принять какія-нибудь иныя, болѣе дѣйствительныя мѣры для спасенія крестьянина. Началась эпоха выселеній, эпоха безнадежной борьбы суетливыхъ законодательныхъ регламентацій съ спокойнымъ упорствомъ жизни.

Военный губернаторъ Черниговской губерніи заявилъ, что евреи держатъ „въ тяжкомъ порабощеніи“ казенныхъ крестьянъ и казаковъ. Слово и дѣло. Немедленно (1821 г.) слѣдуетъ приказаніе удалить изъ селеній евреевъ, за исключеніемъ, однако, тѣхъ, которые заняты казенной винной продажей—нельзя же, чтобы изъ-за крестьянъ пострадали казенные интересы; но въ будущемъ, по истеченіи срока старыхъ контрактовъ, евреямъ не слѣдуетъ болѣе отдавать въ содержаніе кабаки. Это распоряженіе было распространено (1822 г.) и на Полтавскую губернію.

А вскорѣ вопросъ о выселеніи евреевъ изъ селъ и деревень, былъ выдвинутъ на ближайшую очередь во всей его прежней, искусственно созданной остротѣ.

Чтобы лишній разъ рельефно отгнать установившееся въ высшихъ правительственныхъ сферахъ отношеніе ко всему, что касалось евреевъ, слѣдуетъ остановиться на одномъ характерномъ обстоятельстве.

Въ началѣ 20-хъ годовъ сенаторъ Барановъ (нѣкогда работавшій въ качествѣ незначительнаго чиновника въ комитетѣ 1802 г., установившемъ мѣру выселенія евреевъ изъ уѣздовъ), обзрѣвая Бѣлорусскія губерніи, нашелъ мѣстныхъ крестьянъ, не только помѣщичьихъ, но и казенныхъ, въ тяжеломъ экономическомъ положеніи. Это привело къ тому, что тотчасъ же было обращено вниманіе на евреевъ, и съ цѣлью принятія соотвѣтствующихъ мѣръ во всѣхъ западныхъ губерніяхъ, комитетъ министровъ призналъ (сентябрь 1822 г.) необходимымъ образовать особый комитетъ изъ заинтересованныхъ министровъ, который, занявшись общей еврейской реформой, разрѣшилъ бы и возникшій вопросъ. При этомъ, зная, повидимому, какъ нервно относились въ высшихъ кругахъ къ пребыванію евреевъ въ уѣздахъ, проектированному еврейскому комитету былъ назначенъ всего годъ съ лишнимъ. Однако, постановленіе комитета министровъ

не было въ ближайшіе мѣсяцы утверждено высочайшей властью, и поднятый вопросъ оставался открытымъ. Но вдругъ, безъ малѣйшаго его обсужденія, вопреки рѣшительному представленію комитета Попова, сдѣланному въ 1812 г., на имя могилевскаго и витебскаго губернаторовъ послѣдовали (11 апрѣль 1823 г.) высочайшіе указы о томъ, чтобы евреи, безъ промедленія, въ теченіе полутора года оставивъ свои дома и другія недвижимыя собственности, переселились изъ уѣздовъ въ города и мѣстечки. И только послѣ этого репрессивнаго указа, комитету министровъ было объявлено, что государь утвердилъ его предложеніе объ учрежденіи особаго „еврейскаго“ комитета, который разсмотрѣлъ бы и вопросъ о пребываніи евреевъ въ уѣздахъ ²⁸).

Такимъ образомъ, признавая, что столь жгучее, сложное явленіе, разнообразными нитями связанное съ экономическимъ бытомъ обширнаго края, нуждается въ тщательномъ разсмотрѣніи, высшая власть вмѣстѣ съ тѣмъ предприняла противъ многотысячнаго еврейскаго населенія двухъ губерній тяжелую исключительную мѣру, не подвергнувъ изслѣдованію тѣ обстоятельства, которыя будто ее вызывали.

Законопроектъ, выработанный еврейскимъ комитетомъ, потребовалъ удаленія евреевъ изъ уѣздовъ. Но въ той редакціи, которая была ему придана Государственнымъ совѣтомъ и въ которой онъ былъ опубликованъ въ качествѣ закона—Положенія о евреяхъ 1835 г.—этой репрессіи уже не было. Новый законъ только подтвердилъ уже существовавшее запрещеніе жить въ уѣздахъ Могилевской и Витебской, а также въ казенныхъ и казачьихъ селеніяхъ Черниговской и Полтавской губерній. Но и это частное ограниченіе было сохранено лишь по требованію государя; большинство же государственныхъ дѣятелей отнеслось отрицательно къ удаленію евреевъ изъ уѣздовъ. Борьба мнѣній, вызванная этимъ вопросомъ, несомнѣнно любопытна.

Пока разрабатывался законъ 1835 г., евреи не разъ подвергались выселенію. Началось съ Гродненской губерніи. Принципіально было рѣшено (1827 г.) выселить евреевъ изъ уѣздовъ по всѣмъ губерніямъ, находившимся подъ управленіемъ цесаревича, но Гродненская губернія должна была явиться какъ бы опытной станціей. При этомъ правительство сдѣлало тотъ

шагъ впередъ, что создало, какой тяжкій ударъ наносила эта мѣра благосостоянію еврейскаго населенія: была назначена, правда, сравнительно, вѣроятно, небольшая сумма, для оказанія поддержки бѣднѣйшимъ семьямъ; кромѣ того, было предписано начать выселеніе лишь послѣ того, что будутъ собраны подробныя свѣдѣнія о числѣ выселяемыхъ. Три года спустя такое-же правило было распространено на Кіевскую губернію ²⁹).

Принятіе въ отношеніи еврейскаго населенія репрессій безъ разсмотрѣнія ихъ въ законодательномъ порядкѣ, прельстило Волынскаго и Подольскаго ген.-губернатора. Еще въ 1829 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе выселить евреевъ изъ уѣздовъ, на подобіе Гродненской губерніи, также изъ Подольской, но цесаревичъ, отнюдь не благоволившій къ евреямъ, настоялъ на томъ, чтобы раньше выждать результатовъ въ Гродненской губерніи. Теперь же, когда цесаревича уже не было въ живыхъ, ген.-губернаторъ высказался въ томъ смыслѣ, что прошло уже достаточно времени съ момента появленія высочайшаго повелѣнія; къ тому-же послѣ того послѣдовало распоряженіе объ удаленіи евреевъ изъ уѣздовъ по Кіевской губ., слѣдовательно—„не предвидится затрудненія въ принятіи нынѣ сей мѣры и по губерніямъ Волынской и Подольской“.

Это предложеніе, однако, не встрѣтило сочувствія ³⁰); разъ спеціальныи комитетъ разсматривалъ вообще реформу еврейскаго быта, представлялось неудобнымъ, чтобы помимо него устанавливались новыя правила, тѣмъ болѣе, что комитетъ проектировалъ выселить евреевъ по всѣмъ губерніямъ въ теченіе трехъ лѣтъ съ изданія новаго закона, и государь это предположеніе утвердилъ. Въ связи съ послѣднимъ обстоятельствомъ было вслѣдъ затѣмъ пріостановлено выселеніе по Кіевской губерніи ³¹). Нѣсколько позже было также разъяснено, что евреевъ не слѣдуетъ выселять изъ селъ Бессарабской губерніи ³²).

Повсемѣстная пріостановка выселенія, какъ видно, мотивировалась тѣмъ, что еврейскій комитетъ проектировалъ общую соотвѣтствующую мѣру; это было, въ сущности, нѣсколько странно; если въ концѣ концовъ предполагалось все же подвергнуть выселенію всѣхъ евреевъ, то не было осо-

бой надобности пріостанавливать изгнаніе тамъ, гдѣ оно уже началось. Дѣйствительно, имѣлась другая причина, побуждавшая правительство быть осторожнѣе въ репрессіяхъ. Она заключалась въ томъ, что по мѣрѣ законодательнаго движенія вопроса о пребываніи евреевъ въ уѣздахъ, все болѣе выяснялось отрицательное отношеніе различныхъ правительственныхъ круговъ къ выселенію: взгляды, высказанные комитетомъ Попова, стали встрѣчать въ это время общее признаніе.

Гродненскій губернаторъ, знаменитый впоследствии графъ Михайлъ Николаевичъ Муравьевъ, первый поставилъ на видъ, что прежде, чѣмъ изгнать евреевъ изъ уѣздовъ, „желательно бы разрѣшить во всей истинѣ вопросъ, отъ чего происходитъ нынѣшнее довольно бѣдственное положеніе крестьянъ въ той странѣ, и производимое евреями истощеніе превышаетъ ли прочія утѣсняющія причины, происходящія отъ самаго управленія помѣщиковъ“. По мнѣнію этого губернатора, *„доколь существовать будетъ вольная продажа вина въ безчисленномъ множествѣ шинковъ въ рукахъ ли евреевъ или христіанъ, и доколь помѣщики не дойдутъ до той степени дѣйствительнаго просвѣщенія, что увидятъ надобность пецись о благосостояніи ихъ крестьянъ, дотоль самая лучшая почва земли, всѣ способы промышленности и самое изгнаніе евреевъ не послужитъ къ существенному улучшенію состоянія поселянъ“*.

Виленскій военный губернаторъ кн. Долгоруковъ, неблагоприятно, вообще, относившійся къ евреямъ, также указывалъ, что обѣдненіе крестьянъ въ помѣщичьихъ, казенныхъ и духовныхъ имѣніяхъ происходитъ *„впрочемъ, не столько отъ продажи вина евреями, сколько большей частью отъ вкрадывающихся притѣсненій, поелику не всегда можно предупредить некоторыя излишнія требованія владельцевъ и арендаторовъ и нельзя вскорѣ искоренить злоупотребленія, вкравшіяся искони по управленію некоторыми имѣніями“*³³).

Отрицательно отнеслись къ мѣрѣ выселенія и нѣкоторые министры.

Министръ финансовъ Канкринъ, который неоднократно склонялся въ пользу ограничительныхъ законовъ о евреяхъ, заявилъ, что полное удаленіе евреевъ изъ уѣздовъ, особливо въ короткій срокъ, *„сопряжено съ величайшими за-*

трудненіями и даже съ жестокостію"; вывести ихъ въ теченіе трехъ лѣтъ—мѣра слишкомъ крутая, „по сему самому должно будетъ какъ приостановить въ исполненіи“.

Того же мнѣнія, по словамъ Канкринъ, были и другіе члены министерскаго комитета, которые согласились на эту мѣру только для избѣжанія разногласія и полагая, что правительство не допуститъ ея отмѣны.

Впрочемъ, Канкринъ нашелъ, что по многимъ причинамъ не слѣдовало бы совершенно отмѣнить выселеніе, а нужно было бы отмѣтить въ новомъ законѣ, что впредь запрещеніе евреямъ жительствовавать въ уѣздахъ предоставляется „особому усмотрѣнію и распоряженію правительства“; это, правда, оставитъ евреевъ въ тревожной неизвѣстности, но зато, быть можетъ, побудитъ ихъ хотя бы постепенно переселиться въ города.

Что касается департамента законовъ Государственнаго совѣта, то, имѣя предъ собою самый разнообразный матеріаль, онъ не нашелъ иного отвѣта на возбужденный вопросъ, какъ тотъ, который былъ данъ комитетомъ Попова. Протекшія двадцать лѣтъ только подтвердили, что миѣ о евреѣ, какъ виновникѣ крестьянскихъ бѣдъ, былъ рожденъ гнетущимъ сознаниемъ правительственной власти своего безсилія улучшить положеніе крестьянъ при крѣпостничествѣ и прочихъ нестроеніяхъ въ общественной и государственной жизни.

Указывая на то, что мѣра выселенія, предпринятая съ цѣлью улучшить состояніе крестьянъ, встрѣтивъ почти всюду неопреодолимыя препятствія къ своему осуществленію, была приведена въ дѣйствіе лишь въ Бѣлоруссіи, департаментъ законовъ, обратилъ вниманіе на то, что здѣсь „опыты не оправдали предположеній о пользѣ означенной мѣры. Двѣнадцать лѣтъ протекло со времени приведенія оной въ дѣйствіе, но изъ свѣдѣній, имѣющихся въ Департаментѣ Законовъ, извѣстно токмо, что сіе разорило евреевъ и отнюдь не видно, чтобы улучшилось отъ того состояніе поселянъ... Переселеніе евреевъ дѣйствіями Правительства, разстроивъ болѣе или менѣе домашнее хозяйство, лишитъ ихъ на долго средствъ отбывать свои повинности предъ казною, поставитъ въ совершенную несоразмѣрность самое пространство городовъ и мѣстечекъ съ увеличивающимся

народонаселеніемъ, умножить въ нихъ число бѣдныхъ, повлечетъ раззореніе городскихъ обществъ, кои должны нести тягостный платежъ податей за несостоятельныхъ и произведетъ общее неудовлетвореніе и ропотъ, между тѣмъ какъ доселѣ не доказано еще съ надлежащею точностью, дѣйствительно ли бѣдственное положеніе крестьянъ въ Западныхъ губерніяхъ происходитъ отъ евреевъ, а не отъ многихъ другихъ мѣстныхъ причинъ. Нѣтъ сомнѣнія, что помѣщики въ случаѣ исполненія помянутыхъ мѣръ, должны будутъ употреблять, вмѣсто евреевъ, другихъ людей для извлеченія изъ хозяйственныхъ заведеній своихъ тѣхъ же доходовъ, кои были извлекаемы посредствомъ евреевъ. Будутъ ли сіи люди при одной и той же цѣли употреблять средства менѣе для крестьянъ изнурительныя,—неизвѣстно“.

Въ виду этого департаментъ предложилъ переселеніе евреевъ, „какъ въ исполненіи весьма затруднительное, а въ пользѣ недоказанное“, изъ законопроекта исключить и тамъ, гдѣ оно назначено, но еще не исполнено, остановить.

Это заключеніе департамента, являвшееся, въ общемъ, повтореніемъ того, что было сказано комитетомъ Попова, было утверждено Государственнымъ совѣтомъ. Но имп. Николай I положилъ резолюцію: *„Тамъ, гдѣ мѣра сія начата, неудобно сего отмѣнять; но оставить до времени въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ еще къ сему приступлено не было“* ³²).

Такимъ образомъ, многолѣтнія репрессивныя мѣры, предпринимавшіяся противъ евреевъ, были вновь осуждены признаны не только безцѣльными, но и безъосновательными. Евреи оказались безъ вины виноватыми. Ихъ жертвы никому не принесли пользы. Но и это не спасло евреевъ отъ новыхъ такихъ же испытаній.

Противъ предубѣжденія безсильны и доводы разума, и опытъ жизни. Несмотря на то, что всесторонне разсмотрѣвъ вопросъ о пребываніи евреевъ въ уѣздахъ, такія коллегіальныя учрежденія, какъ комитетъ Попова и Государственный совѣтъ, пришли къ выводу, что своимъ бѣдственнымъ состояніемъ крестьяне обязаны отнюдь не евреямъ, послѣдніе уже вскорѣ стали вновь подвергаться стѣсненіямъ: такъ, введены были ограниченія для проживанія въ помѣщичьихъ селеніяхъ Черниговской и Полтавской

губерній; тамъ, гдѣ государственные крестьяне и казаки составляли менѣе одной десятой части мѣстнаго населенія—евреи могли жить; тамъ же, гдѣ названныя группы равнялись десятой части или превышали ее, евреямъ запрещалось жить ³⁵). Затѣмъ было недозволено пребываніе евреевъ въ военныхъ поселеніяхъ; имп. Николай I разрѣшилъ евреямъ остаться въ военныхъ поселеніяхъ лишь при томъ условіи, чтобы всѣхъ сыновей, не достигшихъ 15-лѣтняго возраста, они записали въ военные кантонисты, и чтобы въ будущемъ всѣ мальчики, при самомъ рожденіи, также записывались въ кантонисты.

Что долженъ былъ пережить еврей, когда ему ставилась альтернатива, или разориться и, покинувъ насиженное мѣсто, отдать свою семью во власть голода, или же принести въ жертву своихъ сыновей и отдать ихъ туда, откуда мало кто выходилъ живымъ, оставшись въ еврействѣ ³⁶).

Этотъ же роковой вопросъ былъ позже поставленъ имп. Николаемъ I военно-служащимъ, служившимъ внѣ черты осѣдлости, и желавшимъ имѣть при себѣ своихъ дѣтей; дочерямъ было разрѣшено беспрепятственно находиться при отцѣ, „но сыну—гласила резолюція государя—не иначе, какъ ежели отецъ согласенъ включить его въ военные кантонисты, что впредь принять за правило“ (1838 г.).

И невольно при такихъ условіяхъ является вопросъ, не предпринимались ли порою подобныя стѣснительныя мѣры не только съ цѣлью кого то охранять отъ эксплуатаціи евреевъ, а также съ тѣмъ, чтобы рядомъ тяжелыхъ ограниченій, способныхъ довести еврея до отчаянія, побудить его отказаться отъ еврейства? Въ этомъ отношеніи законы о жительствовавшихъ могли играть, сравнительно, небольшую роль; были другія области, болѣе благопріятныя для причиненія евреямъ тягчайшихъ страданій—рекрутчина и школы кантонистовъ оросили кровью народную память. Но среди другихъ мѣръ воздѣйствія, стѣсненія въ жительствовавшихъ могли порою послужить послѣдней каплей, долженствовавшей наполнить почти бездонную чашу еврейскаго терпѣнія.

То были частныя выселенія. Но извѣстно, что привычка—вторая натура. Благодаря легкости, съ которой въ теченіе десятилѣтій по разнымъ поводамъ дѣлались попытки къ

изгнанію евреевъ съ насиженныхъ мѣстъ, въ бюрократическихъ кругахъ установилось чрезвычайно легкомысленное отношеніе къ этой суровой и бѣдственной мѣрѣ, и даже многократныя неудачи, постигавшія утопическій планъ освобожденія уѣздовъ отъ евреевъ, не могли побудить правительство отказаться отъ этого пути.

Надъ еврейскимъ населеніемъ, проживавшимъ въ деревняхъ и селахъ, нависла новая грозовая туча. Въ 1845 г. евреямъ была запрещена раздробительная продажа питей въ уѣздахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было недозволено проживать впредь въ корчмахъ, харчевняхъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ. Еще комитетъ Попова пришелъ къ убѣжденію, что евреевъ не слѣдуетъ лишать этого стараго занятія, столь тѣсно связаннаго съ общимъ мѣстнымъ хозяйственнымъ строемъ; теперь же вскорѣ обнаружилось, что въ силу вѣками сложившихся экономическихъ условій новый ограничительный законъ не можетъ быть фактически осуществленъ.

Тогда, безъ долгихъ размышленій, было рѣшено прибѣгнуть къ старому средству—законъ 1853 г. потребовалъ, чтобы евреи, содержащіе во владѣльческихъ имѣніяхъ оброчныя статьи, обязывались не жить въ деревняхъ и селахъ. А затѣмъ, совершенно не ознакомившись съ матеріалами по вопросу объ удаленіи евреевъ изъ уѣздовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ распространило запретъ проживанія въ деревняхъ на всѣхъ евреевъ вообще. Эти распоряженія, къ счастью для евреевъ, затронули не только ихъ интересы.

Нѣкоторыя палаты государственныхъ имуществъ, встрѣтивъ затрудненія при отдачѣ въ содержаніе казенныхъ оброчныхъ статей, такъ какъ кромѣ евреевъ не было другаго промышленнаго сословія, указали на проистекающій отсюда ущербъ для казны; а кіевскій генер.-губернаторъ и главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ обратили вниманіе на то, что новый запретъ влечетъ за собою неблагоприятныя послѣдствія для почтовыхъ станцій, содержимыхъ преимущественно евреями; при этомъ главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ отмѣтилъ, что для устраненія евреевъ отъ питейныхъ промысловъ надо предпринять мѣры, непосредственно направленные противъ этого, что

уже и сдѣлано правительствомъ, но отнюдь не усугублять стѣсненія въ отношеніи евреевъ вообще; а затѣмъ, напомнивъ о неудачахъ, которыми завершались попытки удалить евреевъ изъ уѣздовъ, главноначальствующій предварялъ, что и теперь эта мѣра приведетъ къ тѣмъ-же вреднымъ послѣдствіямъ, а потому единственный исходъ—отмѣнить законъ 1853 г.⁹

Комитетъ объ устройствѣ евреевъ также согласился съ тѣмъ, что отъ запрещенія жить въ уѣздахъ слѣдуетъ освободить и тѣхъ евреевъ, изъ-за которыхъ законъ былъ изданъ, т. е. арендующихъ помѣщичьи статьи и другихъ, которые имѣютъ полезныя занятія; но при этомъ онъ предложилъ установить правило, что евреямъ вообще предоставлено лишь временное пребываніе въ уѣздахъ, срокъ котораго зависитъ отъ продолжительности „полезнаго занятія“.

Но департаментъ государственной экономіи (Государственного совѣта) призналъ необходимымъ сохранить за евреями во всей полнотѣ право проживать въ уѣздахъ, каковымъ они пользовались до закона 1853 г., и съ этимъ согласился Государственный совѣтъ, мнѣніе котораго и было утверждено новымъ государемъ, Александромъ II ³⁷).

Такимъ образомъ еще одна попытка удалить евреевъ изъ селъ и деревень оказалась безплодной. Но ей не суждено было быть послѣдней—она возродилась 30 лѣтъ спустя.

Города и мѣстечки.

Попытки Ковенскаго и Кіевскаго городскихъ обществъ удалить отъ себя евреевъ на основаніи старинныхъ привилегій.—Отрицательное отношеніе мѣстныхъ властей къ этимъ домогательствамъ. — Игнорированіе имп. Павломъ I и Александромъ I подобныхъ актовъ.—„Черта еврейской осѣдлости“ въ г. Вильнѣ.—Возстановленіе привилегіи Кіева и изгнаніе евреевъ (1828 г.).—Заявленіе ген.-губернатора о вредности этой мѣры для города.—Настойчивость имп. Николая I.—Вынужденное смягченіе запрета.—Неудачная попытка къ удаленію евреевъ изъ Каменца-Подольскаго (1827 г.).—Стѣсненія въ Ковнѣ.—Выступленіе караимовъ противъ евреевъ.—Выселеніе евреевъ изъ Севастополя и Николаева по соображеніямъ „военнаго“ характера (1829 г.).—Отрицательное отношеніе мѣстной власти къ такой мѣрѣ и вызванныя этимъ отсрочки.—Ялта.—Пограничная территория.

„Переселить въ города!“—таковъ былъ лозунгъ многочисленныхъ законодательныхъ актовъ, сурово примѣнявшихся къ евреямъ, жившимъ въ деревняхъ и селахъ. Эти

мѣропріятія объяснялись торгово-промышленной дѣятельностью евреевъ, въ связи съ чѣмъ признавалось естественнымъ и справедливымъ создать для нихъ въ городахъ условія, благопріятныя для ихъ занятій, соотвѣтствующія ихъ значенію въ сословно-городской жизни, подобающія ихъ достоинству. Сообразно съ этимъ Екатерина II предоставила евреямъ участіе въ сословно-муниципальномъ самоуправленіи.

Но нѣкоторыя христіанскія общества стали дѣлать попытки совершенно удалить евреевъ изъ своихъ городовъ.

Мысль о насильственномъ освобожденіи города отъ мѣстнаго еврейскаго населенія являлась отголоскомъ прошлаго. Въ Польшѣ право евреевъ проживать въ томъ или другомъ городѣ зависѣло отъ выгоды, которую представляло собою присутствіе евреевъ; правильнѣе сказать, вопросъ разрѣшался тѣмъ, въ чью пользу склонялся споръ по этому поводу между заинтересованными сторонами. Часто интересы королей, напр., и городского населенія не совпадали; короли за покровительство, оказываемое евреямъ, получали отъ нихъ въ той или другой формѣ вознагражденіе, а города порою смотрѣли на торговлю евреевъ, какъ на подрывъ благосостоянію городского христіанскаго населенія, и, такимъ образомъ, судьба евреевъ зависѣла отъ взаимоотношеній между королемъ и городами. И если въ однихъ случаяхъ, помощью королевской власти, евреи добивались права проживанія и торговли въ томъ или иномъ пунктѣ, то въ другихъ случаяхъ евреямъ не только ставились препятствія къ расширенію въ городѣ площади своей осѣдлости, хотя бы таковое вызывалось ростомъ населенія, но привилегіями, которыя короли даровали городамъ, евреи изгонялись съ насѣженныхъ мѣстъ. Споры изъ-за евреевъ происходили и между отдѣльными группами городского населенія.

Ко времени раздѣловъ Польши стремленіе городовъ удалить евреевъ, повидимому, улеглось. Все же подобныя домогательства возбуждались и при русскомъ правительствѣ.

Весьма любопытныя свѣдѣнія сохранились о многолѣтнемъ спорѣ изъ-за проживанія евреевъ въ Ковнѣ. По жалобѣ ковенскаго общества литовскій надворный судъ предписалъ въ 1753 году „очистить отъ жительства евреевъ“ городскія земли, кому бы таковыя ни принадлежали, при

этомъ однако декретъ не былъ распространенъ на старостинскіе замковые дома, вслѣдствіе чего ковенскій староста поселилъ евреевъ „на грунтахъ старостинскихъ“, находившихся въ стѣнахъ города же, и христіане не выразили тогда никакого недовольства. Но въ 1761 г., превратно толкуя декретъ и нарушая права старосты, горожане выгнали евреевъ. Евреи выступили съ жалобами, и только въ 1782 г. надворный ассесорскій судъ предоставилъ старостѣ вернуть евреевъ, которые и заняли свои прежнія улицы—Замковую и Повилейскую.

Христіане не протестовали противъ этого возстановленія евреевъ въ правахъ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и евреи постепенно перешли границы Замковой и Повилейской улицъ и даже стали владѣть домами въ разныхъ мѣстахъ города; такое нарушеніе запрета вызывалось какъ потребностями окрестныхъ евреевъ, торговая дѣятельность которыхъ тяготѣла въ Ковнѣ, такъ и интересами христіанъ, связанныхъ съ евреями дѣловыми сношеніями. И въ этомъ случаѣ одинаково бессильны были какъ декреты судовъ, такъ и „протестація“ кагала (31 октября 1792 г.) въ ковенскомъ земскомъ судѣ, имѣвшаго, очевидно, причины быть недовольнымъ тѣмъ, что христіане отдавали евреямъ дома въ запретныхъ улицахъ. Но въ началѣ 1797 г. христіане выступили со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, въ которомъ, ссылаясь на привилегію Станислава Августа, запретившую евреямъ жить въ Ковнѣ, ходатайствовали объ ихъ изгнаніи.

При переходѣ Литвы къ Россіи за городами были сохранены ихъ привилегіи, и потому Павелъ I повелѣлъ литовскому губернатору выяснить, дѣйствительно ли Ковна имѣетъ привилегію и въ утвердительномъ случаѣ привести ее въ исполненіе.

Этимъ высочайшимъ повелѣніемъ была поставлена на карту судьба многочисленной части еврейскаго населенія: не мало было городовъ, которые могли теперь вспомнить давнія привилегіи, совершенно закрывавшія евреямъ доступъ въ городъ или разрѣшавшія имъ селиться лишь на извѣстномъ городскомъ участкѣ, и удаленіе евреевъ изъ Ковны повлекло бы за собою изгнаніе ихъ и изъ другихъ пунктовъ.

Просьба ковенскихъ христіанъ заключалась въ томъ,

чтобы всѣхъ безъ изъятія евреевъ выселить изъ стѣнъ и окрестностей города, даже съ употребленіемъ воинской силы, и чтобы ихъ товары были конфискованы въ пользу христіанскаго общества. Любопытно отмѣтить, что въ то время въ уѣздѣ было 2701 христіанъ-мѣщанъ и 1508 евреевъ, причемъ первые платили податей 5834 р., а евреи, число коихъ, какъ мы видимъ, было чуть-ли не вдвое меньше—платили 6633 р. И при такихъ-то условіяхъ христіане жаловались, что евреи не даютъ имъ жить...

Надворный судъ счелъ проживаніе евреевъ на Замковой и Повилейской улицахъ вполне законнымъ (запретивъ вмѣстѣ съ тѣмъ евреямъ расширять старые дома или строить новые!); но, дабы не дать евреямъ возможности выйти за предѣлы этого участка, онъ предписалъ образовать особую комиссію, которая опредѣлила бы черту еврейской осѣдлости въ городѣ. Что касается домовъ въ запретной части города, перешедшихъ къ евреямъ по долгамъ, то судъ потребовалъ, чтобы христіане, задолжавшіе евреямъ, расплатились съ ними и приняли обратно свои дома; въ противномъ же случаѣ христіанское общество Ковны, какъ юридическое лицо, обязано заплатить евреямъ стоимость домовъ и вступить во владѣніе ими.

Прося объ изгнаніи евреевъ, ковенскіе мѣщане имѣли въ виду извлечь двойную выгоду: избавиться отъ конкурентовъ въ торговлѣ и, кромѣ того, конфисковать въ свою пользу ихъ товары и воспользоваться суммами, выданными евреями подъ дома. По рѣшенію же надворнаго суда товары остались бы при евреяхъ, а ихъ дома въ запретной части города не были бы безмездно возвращены христіанамъ; болѣе того, христіанское общество должно было бы выплатить долги своихъ членовъ. Поэтому ковенскіе мѣщане „взяли на апелляцію“ рѣшеніе литовскаго надворнаго суда.

Между тѣмъ, пока литовскій надворный судъ разсматривалъ ковенское дѣло, возникъ вопросъ о проживаніи евреевъ въ Каменцѣ-Подольскомъ, каковой и былъ разрѣшенъ повелѣніемъ имп. Павла I (1797 г.)—евреевъ „не высылать, а оставить на томъ основаніи, какъ они и въ другихъ городахъ свободное пребываніе имѣютъ“.

Этимъ указомъ былъ нанесенъ ударъ привилегіямъ, охра-

нявшимъ города отъ евреевъ, и прежде всего ковенскимъ привилегіямъ.

Рѣшеніе литовскаго надворнаго суда было составлено соотвѣтственно привилегіи города Ковны, но такое рѣшеніе теперь стало въ противорѣчіе съ высоч. повелѣніемъ — не выселять евреевъ изъ Каменца-Подольскаго. Въ виду этого, не рѣшаясь войти къ государю съ докладомъ, основанномъ на постановленіи надворнаго суда, ген.-прокуроръ предложилъ литовскому ген.-губернатору, кн. Рѣпнину, „опредѣлить цѣну“ этого рѣшенія. И Рѣпнинъ оцѣнилъ по достоинству домогательства христіанскаго общества: онъ объяснилъ, что всѣ обыватели Ковны, за исключеніемъ малаго числа иностранныхъ и нѣсколькихъ польскихъ купцовъ, находятся въ такомъ бѣдномъ состояніи, что удаленіе евреевъ опустошило бы городъ, — утруждавшіе государя сами не знали, чего просили, и *„слѣдовали только застарѣлой ихъ, легкомысленной и, такъ сказать, несмысленной къ евреямъ зависти“*.

Въ результатѣ государь повелѣлъ (іюнь 1798 г.), чтобы поселившіеся въ Ковнѣ евреи были оставлены „въ спокойномъ собственности ихъ владѣніи, невозбранно отправляли ремесла и производили бы торговля дѣла безпрепятственно“.

Однако старые напѣвы не легко забываются. И когда въ 1803 г. три литовскихъ города, — среди нихъ и Ковна — по уговору выступили съ ходатайствами о томъ, чтобы евреи не избирались въ магистраты, ковенское общество, какъ бы воспользовавшись случаемъ, вновь возбудило требованіе объ изгнаніи евреевъ изъ города. Но Александръ I согласился съ мнѣніемъ губернатора, „что просьба ковенскаго христіанскаго общества о выводѣ евреевъ не можетъ нынѣ имѣть мѣста...“ ³⁸).

Сообразно съ этимъ были отклонены тождественныя домогательства кіевскаго христіанскаго общества.

Ссылаясь на высочайшій указъ 1797 г., возобновившій старыя грамоты и привилегіи, дарованныя Кіеву, кіевскій магистратъ предложилъ (1801 г.) губернатору Феньшу выселить изъ города всѣхъ евреевъ (11 купцовъ и 656 мѣщанъ съ семействами). Дѣйствительно, привилегія 1619 г. гласила, „чтобы ни одинъ жидъ въ городѣ Кіевѣ и въ части сего города подъ правомъ мѣстныхъ не жилъ..., чтобы каждый жидъ,

откуда либо въ городъ прїѣхавшій, имѣлъ квартированіе въ гостиномъ городскомъ домѣ и, не проживая здѣсь больше одного дня, прочь изъ города выѣзжалъ“. Но евреи поселились здѣсь на законномъ основаніи, согласно указу 1794 г., включившему Кіевскую губернію въ предѣлы черты осѣдлости, и мысль о выселеніи евреевъ изъ города, въ силу архаическаго акта, представилась русскимъ администраторамъ совершенно безцѣльной и дикой. Губернаторъ Феньшъ не нашелъ „никакого резона“, почему бы евреямъ жительство въ Кіевѣ могло быть воспрещено, а въ донесеніи генераль-прокурору онъ отмѣтилъ, что въ городѣ среди мѣщанъ-христіанъ нѣтъ искусныхъ мастеровъ, что большинство таковыхъ евреи; равнымъ образомъ христіане-купцы не заботятся о томъ, чтобы въ лавкахъ были нужные товары, городу же необходимы хорошіе мастера и купцы,—слѣдовательно, надо оставить евреевъ. Генер.-прокуроръ поддержалъ донесеніе губернатора; государь присоединился къ ихъ взгляду и повелѣлъ (февраль 1801 г.) „евреевъ, никуда не переселяя, оставить на жительство въ Кіевѣ“.

Все же нѣсколько лѣтъ спустя кіевское общество вновь возбудило ходатайство объ удаленіи евреевъ, дабы, будто, съ одной стороны, сохранить прежнія привилегіи, которыми запрещалось имъ торговать, а съ другой, прекратить „происходящіе отъ нихъ безпорядки, многочисленныя тяжбы и ссоры“. Министръ внутр. дѣлъ въ своемъ докладѣ имп. Александру I указалъ, что новой грамотой, данной Кіеву въ 1801 году, были сохранены лишь тѣ права и преимущества, которыя до сихъ поръ не отмѣнены и которыя соотвѣтствуютъ общимъ законамъ; евреямъ предоставлено жительство именно въ городахъ, гдѣ ихъ дѣятельность считается болѣе полезной; если же происходятъ отъ евреевъ безпорядки, то таковыя должны прекращаться „бдительностью начальства и дѣйствіемъ законовъ“. На основаніи этого представленія государь (1810 г.) повелѣлъ оставить евреевъ въ Кіевѣ по прежнему.

Однако, эти благопріятныя постановленія не могли служить руководящимъ началомъ, разъ законы о евреяхъ покоились вообще не на ихъ нуждахъ и справедливыхъ требованіяхъ, а на интересахъ, весьма часто проблематичныхъ, на грубыхъ, вздорныхъ домогательствахъ различныхъ группъ

окружающаго населенія. Все зависѣло то отъ случая, то отъ общаго настроенія правительственныхъ сферъ въ отношеніи евреевъ.

Если хронологически прослѣдить ограничительные законы о жительствѣ евреевъ въ городахъ, то прежде всего мы узнаемъ, что когда въ 1809 г. въ Черниговской губ. былъ учрежденъ повѣтовой городъ Ново-Зыбка, то евреямъ не дозволили поселяться и приписываться въ немъ. Служило ли это запрещеніе наградой или наказаніемъ для новаго города—не видно изъ соотвѣтствующаго оффиціального акта, но можно смѣло предположить, что то было своего рода „привилегіей“, на подобіе тѣхъ, которыя существовали во многихъ бывшихъ польскихъ городахъ и которыя сохранили свою силу и подъ русскимъ господствомъ.

Въ первомъ ряду такихъ привилегированныхъ городовъ слѣдуетъ поставить Вильну.

Стѣсненія въ правѣ жительства явились здѣсь наслѣдствомъ далекаго прошлаго; опираясь на привилегію 1633 г., ассесорскій судъ постановилъ въ 1783 году, чтобы евреи не жили на двухъ улицахъ, вѣдущихъ: 1) отъ Острой Браны до кафедральнаго собора и 2) отъ Троицкой Браны до костела св. Іоанна. Этотъ запретъ остался формально въ силѣ и по переходѣ края къ Россіи. Указомъ сената (1811 г.) было опредѣлено считать постановленіе ассесорск. суда не отмѣненнымъ. Однако, повидимому, благодаря справедливому отношенію къ евреямъ со стороны военнаго литовскаго губернатора А. М. Римскаго-Корсакова, запретъ не осуществлялся: требованія повседневной жизни побуждали отдѣльныхъ евреевъ селиться въ недоступныхъ улицахъ и вести здѣсь свои дѣла. Этому способствовали нѣкоторые христіане-домовладѣльцы, конечно, въ личныхъ интересахъ. Но другіе христіане, враждебно относившіеся къ евреямъ, какъ къ конкурентамъ, возбудили жалобы по этому поводу и тогда новымъ указомъ (1816 г.) сенатъ подтвердилъ давнее запрещеніе евреямъ жить въ упомянутыхъ улицахъ. Римскій-Корсаковъ нашелъ это рѣшеніе неправильнымъ; пытаясь склонить сенатъ на свою сторону, онъ объяснилъ ему, что привилегія 1633 г. вызвана была неопрятностью тогдашнихъ евреевъ и отсутствіемъ полиціи, каковыя обстоятель-

ства утратили теперь значеніе. Но уже вскорѣ губернаторъ понялъ, что вопросъ съ прежней санитарной почвы перенесенъ на религіозную. Министръ духовныхъ дѣлъ иностр. исповѣданій кн. Голицынъ выставилъ въ пользу запрета то обстоятельство, что на этихъ улицахъ бывають крестные ходы, а на воротахъ Острой Браны имѣется образъ Богородицы, вслѣдствіе чего, будто, „при неуваженіи евреевъ къ святынѣ“, происходятъ безпорядки. Легко понять, что евреи, притѣсняемые и оскорбляемые, были слишкомъ осторожны, чтобы проявлять неуваженіе къ святынѣ, но христіане признавали, очевидно, за святотатство уже то одно, что евреи появлялись здѣсь. Вопросъ не былъ тогда разрѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ; тѣмъ не менѣе (сентябрь 1823 г.) въ Вильнѣ было опубликовано извѣщеніе полиціи, чтобы христіане не осмѣливались сдавать евреямъ помѣщенія на запретныхъ улицахъ ³⁹). Но, встрѣчая вѣрныхъ союзниковъ въ лицѣ домохозяевъ-христіанъ, евреи продолжали проживать на привилегированныхъ улицахъ, что вызывало дальнѣйшія жалобы со стороны прочихъ христіанъ. Наконецъ, въ 1831 году имп. Николай I потребовалъ, чтобы вопросъ былъ окончательно разрѣшенъ, въ связи съ чѣмъ только въ 1836 г. былъ введенъ соотвѣтствующій спеціальнѣйшій законъ ⁴⁰).

Въ царствованіе императора Николая I, столь богатое репрессіями въ отношеніи еврейскаго населенія, тяжелый ударъ древнихъ привилегій испытали на себѣ и кіевскіе евреи, уже дважды счастливо избѣгавшіе его. Въ угоду купечеству губернаторъ Бухаринъ, находя существованіе въ Кіевѣ кагала и еврейскаго молитвеннаго дома не соотвѣтственнымъ не только мѣсту, гдѣ покоятся мощи угодниковъ, но и привилегіи города, возбудилъ вопросъ объ удаленіи всѣхъ евреевъ. Министръ духовныхъ дѣлъ, почитая необходимымъ охранять силу привилегій, призналъ, что Кіевъ относится къ числу городовъ, гдѣ евреи могутъ проживать лишь временно. Къ этому мнѣнію присоединился и министръ внутреннихъ дѣлъ. По его словамъ, привилегіи Кіева подтвержденныя русскими государями, столь ясны, что нельзя не признать за его гражданами права добиваться освобожденія отъ евреевъ. Но, наряду съ такими привилегіями, имѣлись высочайшіе указы, разрѣшавшіе евреямъ жи-

тельство въ Кіевѣ. Такимъ образомъ, чтобы удалить евреевъ, надо было лишить высоч. указы всякой силы—и министръ не остановился предъ этимъ. Законъ 1794 г., расширившій черту осѣдлости нѣсколькими губерніями, говорилъ, по словамъ министра, только о торгѣ, но не о жительствѣ, слѣдовательно, привилегія противъ осѣдлости евреевъ сохранила свое значеніе. Правда, министру все же пришлось признать, что другіе указы, благопріятные для евреевъ, во всякомъ случаѣ подтвердили право пребыванія въ Кіевѣ за тѣми изъ нихъ, которые уже въ то время жили тамъ. Но и при этомъ условіи „для удовлетворенія справедливымъ исканіямъ гражданъ“ министръ предложилъ удалить въ короткій срокъ изъ Кіева всѣхъ евреевъ, разрѣшивъ временное пребываніе лишь отдѣльнымъ группамъ. Комитетъ министровъ хотѣлъ было не торопиться съ этимъ дѣломъ, но императоръ Николай I повелѣлъ сейчасъ-же истребовать заключеніе кіевскаго генералъ-губернатора, чтобы затѣмъ, не откладывая, разрѣшить вопросъ. Ген.-губернаторъ попытался еще болѣе ослабить высочайшіе указы, благопріятные для евреевъ—такъ, напр., законъ 1794 г. говорилъ о Кіевской губерніи, но не о самомъ Кіевѣ; вообще же, заявилъ онъ, если привилегіи гор. Риги были достаточны, чтобы выселить оттуда евреевъ, „то весьма бы справедливо было поступить такимъ-же образомъ и въ Кіевѣ, дабы тѣмъ показать твердость высочайшихъ постановленій“⁴¹). Какимъ образомъ, нарушеніе двухъ спеціальныхъ высочайшихъ повелѣній о дозволеніи евреямъ оставаться въ Кіевѣ могло показать твердость высочайшихъ постановленій — понять трудно. Но комитетъ министровъ понялъ другое—ему стало яснымъ, что участь кіевскихъ евреевъ предрѣшена, и онъ согласился на удаленіе ихъ изъ города, и вслѣдствіе этого послѣдовало запрещеніе (2 декабря 1827 г.) евреямъ впредь водворяться въ городѣ; лишь нѣкоторыя категоріи (купцы 1 и 2 гильдій и др.) могли пріѣзжать на определенное время, а тѣ, кого новый законъ засталъ здѣсь уже осѣвшими, подлежали высылкѣ—одни въ теченіе года, другіе, владѣвшіе собственностью, въ теченіе двухъ лѣтъ.

Уже въ продолженіи трехъ десятилѣтій евреи селились въ Кіевѣ на законномъ основаніи; въ теченіе этого времени они завязали разнообразныя дѣловыя сношенія съ прочимъ населе-

ніемъ, обзавелісь недвижимою собственностью, и вотъ, безъ попытки глубже вникнуть въ дѣйствительное положеніе вещей, издается репрессивный законъ, которому къ тому-же придаютъ обратную силу.

Бѣдный классъ не зналъ, куда направиться. Когда же изгнанные стали просить объ отводѣ земли въ Черниговской губерніи, имъ отказали, такъ какъ это не соответствовало правиламъ о переводѣ евреевъ изъ одной губерніи въ другую. Отклонено было и ходатайство о разрѣшеніи поселиться по крайней мѣрѣ въ одной только части города (на лѣвомъ берегу р. Лыбеди). Однако, вскорѣ новый губернаторъ засвидѣтельствовалъ, что евреямъ-собственникамъ грозитъ разореніе, такъ какъ христіане, зная объ ихъ вынужденномъ выселеніи, назначаютъ по своему произволу цѣны; съ этимъ согласился и военный губернаторъ, въ виду чего для этой категоріи была сдѣлана отсрочка на одинъ годъ. Конечно, годъ спустя эти евреи возбудили ходатайство о новой отсрочкѣ; имъ теперь помогли „политическія обстоятельства, въ коихъ евреи могутъ иногда употребиться съ пользою“; ген.-фельдмаршалъ Сакенъ призналъ необходимымъ совершенно отмѣнить выселеніе евреевъ впредь до новаго распоряженія; но государь на это не согласился, назначивъ трехгодичную отсрочку (февраль 1831 г.). Когда же этотъ срокъ истекъ и евреи опять выступили съ ходатайствомъ о разрѣшеніи имъ поселиться „особымъ форштатомъ“ на берегу Лыбеди, за нихъ заступился кievскій военный губернаторъ генералъ-адъютантъ Левашовъ. Ссылаясь на примѣры благожелательности правительства къ евреямъ вообще и напоминая слова указа имп. Александра I, что безпорядки, происходящіе отъ отдѣльныхъ евреевъ, должны прекращаться лишь бдительностью начальства и дѣйствіемъ закона, Левашовъ заявилъ, что онъ не находитъ препятствій къ удовлетворенію просьбы евреевъ, признавая оставленіе евреевъ въ Кіевѣ полезнымъ и въ томъ отношеніи, что они, *при умѣренности и простотѣ жизни, имѣютъ возможность про-
давать товары гораздо дешевле*, такъ что съ ихъ высылкою многіе товары и издѣлія не только вздорожаютъ, но ихъ вовсе нельзя будетъ имѣть; поэтому *„нельзя не предпочесть пользы жителей личнымъ выгодамъ, ожидаемымъ христіанскимъ*

купечествомъ отъ удаленія евреевъ“⁴²). Комитетъ министровъ въ принципѣ согласился съ мнѣніемъ Левашова и предложилъ отвести для евреевъ особое мѣсто вблизи Кіева, вмѣстѣ съ тѣмъ давъ евреямъ новую отсрочку для ликвидаціи дѣлъ въ городѣ. Но имп. Николай I положилъ резолюцію: „отсрочить, какъ предложено, согласенъ, но отнюдь подъ Кіевомъ не селиться“.

Левашовъ выступилъ въ защиту евреевъ и тогда, когда онъ былъ приглашенъ въ засѣданіе департамента законовъ Государств. совѣта, разсматривавшаго проектъ Положенія о евреяхъ 1835 г.; Левашовъ вновь указалъ, что какъ только начали выселять евреевъ изъ Кіева, все необходимое какъ частнымъ лицамъ, такъ и казнѣ, вздорожало, изъ чего легко заключить, что домогательства нѣсколькихъ купцовъ-христіанъ клонились не къ сохраненію привилегій, никогда не имѣвшихъ своей силы, но къ устраненію конкуренціи, къ введенію монополіи, „столь-же удобной въ Кіевѣ при незначительномъ числѣ торговыхъ людей, сколь вредной для города и самой казны“; впрочемъ, зная отношеніе высшей власти къ затронутому вопросу, Левашовъ готовъ былъ бы согласиться на одну лишь мѣру: постепенно перемѣстить евреевъ изъ лучшихъ частей города, въ которыхъ они подають иногда поводъ къ неудовольствію своей неопрятностью. Департаментъ законовъ призналъ справедливость доводовъ Левашова и, хотя ему было извѣстно отрицательное отношеніе государя къ оставленію евреевъ въ Кіевѣ, имѣлъ мужество постановить—представить государю соотвѣтствующія объясненія; въ Государственномъ совѣтѣ къ этому мнѣнію присоединились 14 членовъ; прочіе же 15 членовъ не сочли возможнымъ обсуждать вопросъ, уже предрѣшенный высочайшими резолюціями, и благодаря этому Положеніе 1835 г. санкціонировало запрещеніе евреямъ жить въ Кіевѣ⁴³).

Такъ было покончено съ кіевскими евреями на бумагѣ. Но фактически вопросъ отнюдь не былъ разрѣшенъ, а только осложненъ. Евреи были поголовно удалены, остались, вѣроятно, лишь немногіе. Прошло 10 лѣтъ и ген.-губернаторъ, убѣдясь, что кіевское населеніе нуждается въ торгово-промышленной дѣятельности евреевъ, счелъ нужнымъ высту-

пить съ ходатайствомъ о томъ, чтобы доступъ въ городъ для временнаго пребыванія, помимо купцовъ 1 и 2 гильдій, былъ разрѣшенъ и другимъ категоріямъ евреевъ: для привоза жизненныхъ припасовъ и пассажировъ, для сдачи ремесленныхъ произведеній. Конечно, это явится нарушеніемъ устоевъ, на которыхъ покоятся законы, запретившіе евреямъ жительство въ Кіевѣ. Поэтому, чтобы, по возможности, предотвратить водвореніе ихъ въ городъ, столь неугодное купечеству, надо принять особыя мѣры: на заставахъ евреевъ будутъ встрѣчать специально назначенные смотрители и выдавать имъ срочные билеты; еврея, который проникъ бы въ городъ безъ билета или остался бы позже срока, ожидаютъ принудительныя общественныя работы; для надзора же за временно пребывающими въ городѣ евреями учреждаются два подворья (въ Лыбедской и Подольской частяхъ), внѣ коихъ евреи не могутъ находить ночлегъ.

При такихъ предупредительныхъ мѣрахъ предложеніе ген.-губернатора было признано пріемлемымъ.

Суевливое движеніе противъ евреевъ въ Вильнѣ и Кіевѣ не могло остаться въ предѣлахъ только этихъ городовъ; легкая возможность избавиться отъ конкурентовъ была слишкомъ заманчива, чтобы и другіе города не попытались освѣжить запыленные привилегіи. Инициативу въ этомъ отношеніи проявилъ ревностный президентъ Каменецъ-Подольскаго магистрата: онъ предложилъ въ 1827 г. совершенно удалить евреевъ изъ города. Но привилегіи Каменца-Подольска были отмѣнены еще въ 1797 г. имп. Павломъ I; поэтому губернаторъ не призналъ возможнымъ потребовать выселенія изъ города; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ вывести евреевъ изъ части, составляющей собственно городъ, и поселить ихъ въ другой, незастроенной мѣстности, — появляться же въ запретныхъ частяхъ дозволить евреямъ лишь днемъ, „безъ ночлега“. Губернаторъ полагалъ, что его проектъ удовлетворитъ и евреевъ, и правительство и что онъ послужитъ даже примѣромъ для прочихъ городовъ.

Дѣйствительно, функционировавшій въ то время Еврейскій комитетъ изъ директоровъ разныхъ департаментовъ, вырабатывавшій тогда положеніе о евреяхъ, призналъ, что „для удобнѣйшаго наблюденія за евреями со стороны начальства“

должно быть установлено правило, чтобы евреи жили лишь въ части города, спеціально для нихъ предназначенной. Но эта идея не встрѣтила сочувствія. Ген.-губ. Левашовъ допустилъ бы въ крайнемъ случаѣ выселеніе евреевъ изъ Каменецъ-Подольска, еслибы для христіанъ не оставалось свободнаго мѣста,—но простора еще достаточно; онъ согласенъ и на устройство гетто, какъ о томъ его просили кіевскіе евреи, но не слѣдуетъ же выселять всѣхъ поголовно евреевъ (имъ принадлежатъ подавляющая часть домовъ!), а лишь тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣютъ недвижимой собственности. Но и при этихъ уступкахъ трезвый администраторъ не умолчалъ о томъ, что, еслибы въ жителяхъ-христіанахъ возбудить любовь къ труду—желаніе улучшить свое состояніе—они вытѣснили бы евреевъ и безъ принудительныхъ мѣръ. Отрицательно отнесся къ стѣсненію евреевъ также министръ внутр. дѣлъ, мнѣніе котораго и одержало побѣду: евреямъ было дозволено попрежнему жить въ Каменецъ-Подольскѣ и водворяться на старыхъ мѣстахъ; впрочемъ, строить новые дома допустимо только въ опредѣленномъ районѣ (1833 г.). Мечта Каменецъ-Подольскаго губернатора объ устройствѣ гетто во всѣхъ городахъ черты осѣдлости не осуществилась.

Однако, въ Ковнѣ, находившейся въ отношеніи жительства евреевъ въ такихъ-же условіяхъ, какъ Каменецъ-Подольскъ, были вскорѣ введены, по просьбѣ 14 христіанъ, ограниченія какъ для вновь поселяющихся евреевъ, которымъ было предоставлено строиться лишь въ форштадтѣ, такъ и для тѣхъ давно осѣвшихъ здѣсь, которые владѣли деревянными домами; имъ было запрещено возстановливать деревянные строенія; они должны были замѣнять ихъ каменными, или переходить въ форштадтъ, причемъ продать свой деревянный домъ можно было лишь тому, кто обязуется выстроить каменный (1846 г.). А въ Житомирѣ (1854 г.) евреямъ было запрещено жить въ нѣкоторыхъ кварталахъ, „какъ составляющихъ лучшую и главную часть города“; на запретныхъ улицахъ имъ разрѣшалось владѣть домами лишь для сдачи ихъ въ наемъ христіанамъ⁴⁴).

Дурные примѣры, какъ извѣстно, заразительны. Игра въ „привилегіи“, оказавшаяся столь удачной для виленцевъ и кіевлянъ, возбудила аппетитъ и въ той группѣ населенія, отъ которой менѣе всего можно было ожидать борьбы съ

евреями такими исключительными средствами; то были караимы гор. Трокъ.

Когда въ силу Положенія 1804 г. евреевъ стали выселять изъ уѣздовъ по Виленской губерніи, нѣкоторые изъ нихъ водворились, съ вѣдома властей, въ Трокахъ, причемъ жившіе здѣсь караимы не выразили никакого протеста. Послѣ пожара въ городѣ оставались незастроенными принадлежавшія христіанамъ земли, которыя и были пріобрѣтены евреями для постройки домовъ. Вдругъ въ 1809 г. караимы, опираясь на привилегіи польскихъ королей, предоставлявшія имъ исключительное право на проживаніе въ Трокахъ, возбудили дѣло объ удаленіи изъ города всѣхъ евреевъ; такимъ путемъ они хотѣли избавиться отъ конкурентовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ скупить по дешевой цѣнѣ дома изгнанниковъ. Однако, главный судъ не призналъ домогательства караимовъ законными. Прошло нѣсколько лѣтъ, и караимы возобновили борьбу, обратившись съ жалобой къ государю. Евреямъ было трудно защищаться; они могли съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ свидѣтельствовать, что привилегіи, на которыя ссылаются караимы, не обладаютъ законной силой, но указаніе на то, что эти архаическіе документы уже больше не соотвѣтствуютъ, по своему содержанію, просвѣщенному вѣку, не могло произвести на правительство желаннаго впечатлѣнія; евреи могли фактическими данными подтвердить, что они не нарушили давняго постановленія „синагоги“ не переходить границы земельной собственности караимовъ и не вредить имъ въ ихъ промышленной дѣятельности; но какъ они могли доказать, что караимы отнюдь не олицетвореніе добродѣтели, какъ они себя выставляютъ, а евреи уже вовсе не такъ порочны, какъ о томъ гласили свѣдѣнія, собранныя на мѣстѣ однимъ изъ министерствъ? Мѣстныя административныя лица и учрежденія высказались за оставленіе евреевъ въ Трокахъ, но цесаревичъ Константинъ нашелъ, что евреевъ нужно удалить по примѣру того, какъ закономъ 1827 г. отъ нихъ былъ освобожденъ Кіевъ. На защиту евреевъ поднялся также министръ финансовъ; приведя въ пользу своего мнѣнія рядъ соображеній, онъ, между прочимъ, указалъ на то, что Кіевъ совершенно не можетъ служить примѣромъ: помимо того, что при высе-

леніи евреевъ изъ Кіева могли имѣться въ виду другія причины, а не одна только сила привилегій, ссылка на эти старинные акты тѣмъ менѣе допустима, что въ другихъ городахъ евреи пользуются свободнымъ проживаніемъ вопреки привилегіямъ. Общее собраніе сената согласилось съ доводами министра о невысылкѣ 'евреевъ, но, такъ какъ этимъ нарушались привилегіи караимовъ, дѣло перешло на разсмотрѣніе Государственнаго совѣта; здѣсь предсѣдательствовалъ Новосильцовъ, по докладу котораго цесаревичъ въ свое время высказался за удаленіе евреевъ; подъ вліяніемъ предсѣдателя Госуд. совѣтъ призналъ привилегіи законными и вслѣдствіе этого постановилъ удалить изъ Трокъ въ короткій срокъ всѣхъ евреевъ (1835 г.). Такимъ образомъ въ угоду 174 караимамъ 192 еврея должны были лишиться крова и имущества ⁴⁵).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ враги евреевъ добивались успѣха помощью своего рода талисмана—привилегій. Сильно обтрепанная, онѣ служили кое-какимъ покровомъ для корыстныхъ цѣлей. Но были города, гдѣ привилегій не существовало, какъ, напр., Севастополь и Николаевъ. Но это не значило, чтобы евреи, поселившіеся здѣсь на законномъ основаніи, были обезпечены отъ внезапнаго изгнанія. По соображеніямъ, оффиціально не указаннымъ, но, несомнѣнно, относившимся къ области государственной обороны, имп. Николай I, „найдя неудобнымъ и вреднымъ пребываніе“ въ этихъ городахъ евреевъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые находились на военной службѣ, повелѣлъ (1829 г.) министру внутр. дѣлъ поднести къ подписи указъ объ удаленіи евреевъ изъ Севастополя и Николаева на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ въ Кіевѣ; при этомъ заранѣе были запрещены послабленія, сдѣланныя въ отношеніи кіевскихъ изгнанниковъ. Вполнѣ естественно при такихъ условіяхъ, что въ Севастополѣ и Николаевѣ произошло то-же, что и въ Кіевѣ. Начались отсрочки. Нѣкоторые евреи, имѣвшіе обязательства къ казнѣ по поставкамъ и подрядамъ, заявили, что высылка служащихъ у нихъ евреевъ лишитъ ихъ возможности выполнить свои обязательства. Адмиралъ Грейгъ, севастопольскій и николаевскій военный губернаторъ, призналъ эти доводы правильными и заслуживающими особаго вниманія правитель-

ства, и въ своемъ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ онъ присовокупилъ, что и другіе евреи, имѣющіе собственность, не должны быть лишены прислуги и служащихъ, что продажа недвижимой собственности въ теченіе короткаго срока невозможна, а потому ремесленникамъ и мелкимъ торговцамъ грозитъ разореніе, и единственно, чѣмъ можно предотвратить столь гибельныя послѣдствія, это, чтобы казна, въ случаѣ надобности, заплатила евреямъ за ихъ собственность.

Съ виду, эти обстоятельства касались интересовъ одного только еврейскаго населенія, а потому они могли и не быть приняты во вниманіе. Но, оказалось, что отъ выселенія евреевъ должны были пострадать и христіанскія общества; въ Николаевѣ, съ удаленіемъ евреевъ, отбываніе воинскаго постоя и содержаніе городскихъ присутственныхъ мѣстъ и проч. упало бы такимъ тяжкимъ бременемъ на христіанъ, что они едва ли бы выполнили эти обязанности; къ тому-же Николаевъ лишился бы почти всѣхъ ремесленниковъ. Выс. повелѣніе объ удаленіи евреевъ—сознавалъ Грейгъ—должно быть выполнено, но въ томъ-же повелѣніи указано, чтобы евреямъ не были чинимы притѣсненія, и это формально дало адмиралу право обратиться въ Петербургъ за разъясненіями. Начальникъ морскаго штаба кн. Меншиковъ понялъ мотивировку Грейга и онъ, съ своей стороны, будто желая освободить правительство отъ упрека въ разореніи евреевъ, высказался за необходимость отсрочить выселеніе и вообще сдѣлать облегченія, требуемыя обстоятельствами, указанными Грейгомъ. Комитетъ съ этимъ согласился, каковое рѣшеніе и было высочайше утверждено ⁴⁶⁾ (10 іюня 1830 г.). Однако, вскорѣ срокъ для выселенія сталъ приближаться, и евреямъ надо было подумать о новой отсрочкѣ. Нѣтъ худа безъ добра. Въ 1830—31 гг. на югѣ свирѣпствовала холера, и она-то дала поводъ евреямъ, по наступленіи срока, назначеннаго для выселенія, просить о новой льготѣ; военный губернаторъ, съ своей стороны, также „убѣдительно“ ходатайствовалъ объ отсрочкѣ, и она, съ высочайшаго разрѣшенія, была дана еще на одинъ годъ (5 іюля 1832 г.). Въ 1842 г. сенатъ возбудилъ вопросъ о совершенномъ запрещеніи евреямъ пріѣзжать въ Севастополь, даже на самое короткое время, но государь отвергъ это предложеніе; однако, въ видѣ изъятія.

изъ общаго правила о временномъ пребываніи евреевъ въ запретныхъ мѣстахъ, онъ разрѣшилъ имъ оставаться въ Севастополѣ не долѣе одного мѣсяца.

По личной волѣ имп. Николая I, въ силу его словеснаго приказанія, отданнаго имъ въ свою бытность на югѣ Крыма, генер.-губернатору гр. Воронцову, столь энергично боровшемуся противъ ограниченія евреевъ въ правахъ, водвореніе евреевъ было запрещено и въ Ялтѣ. Это распоряженіе не вошло въ сводъ законовъ, но оно строго исполнялось.

Особый міръ въ отношеніи права жительства евреевъ представляла и полоса вдоль западной границы Россіи. Еще въ 1812 г., чтобы побороть контрабандные промыслы среди евреевъ, было постановлено удалить ихъ въ Волынской губерніи изъ помѣщичьихъ селеній вблизи границы и домовъ въ пограничныхъ повѣтахъ въ тѣ мѣстечки и кагалы, къ которымъ они приписаны. Однако, это распоряженіе не было выполнено, и въ 1816 г. соответствующее требованіе пришлось повторить, причемъ было указано, что евреи должны быть удалены за 50 верстъ отъ границы; въ пограничной полосѣ они могли оставаться только въ мѣстечкахъ. По донесенію мѣстныхъ властей, это выселеніе продолжалось до 1821 г., но потомъ многіе евреи вновь водворились въ деревняхъ и корчмахъ. Такъ прошло три года, пока правительство опять не вспомнило, что подъ видомъ содержанія корчемъ и мельницъ евреи могутъ заниматься контрабандой и тогда запрещеніе жить въ пограничной полосѣ внѣ городовъ и мѣстечекъ было распространено на всѣ западныя губерніи; исключеніе было сдѣлано для собственниковъ корчемъ, мельницъ и домовъ, причемъ, однако, имп. Александръ I по личной инициативѣ внесъ дополненіе въ томъ смыслѣ, что свою недвижимую собственность здѣшніе евреи могутъ продавать только христіанамъ, дабы такимъ образомъ не передавалось право проживанія другому лицу путемъ уступки ему недвижимости (1825 г.). Позже эти правила были распространены и на Бессарабскую губернію (1839 г.). А затѣмъ (1843 г.) послѣдовало высочайшее повелѣніе о выселеніи поголовно *всѣхъ* евреевъ изъ 50-ти-верстной пограничной полосы, „предоставя—гласила резолюція имп. Николая I—имѣющимъ собственные дома продать

ихъ въ двухъ-годичный срокъ, и исполнить безъ всякихъ отговорокъ“ 47).

Какъ ни рѣшительно было это повелѣніе, правительство все же признало нужнымъ осторожными шагами склонить государя хотя бы на нѣкоторое смягченіе условій выселенія, и государь согласился увеличить двухъ-годичный срокъ до четырехъ-лѣтняго, фабрикантовъ вовсе не выселять, а представить ихъ списокъ государю и проч. Но вся разрушительная сила повелѣнія, заключающаяся въ удаленіи евреевъ не только изъ селеній, но и изъ городовъ и мѣстечекъ, была полностью сохранена.

Эта мѣра явилась столь-же бѣдственной, какъ и предпринятое въ началѣ вѣка поголовное удаленіе изъ селъ и деревень. Въ многочисленныхъ мѣстностяхъ здѣсь проживало весьма значительное еврейское населеніе, которое въ своей извѣстной части обладало недвижимой собственностью. И единственно, что спасло евреевъ отъ окончательной гибели, это то, что распоряженіе было выполнено только частично: евреевъ выселяли, но не выселили. Терпя преслѣдованія, притѣсненія, многіе изъ нихъ остались на мѣстахъ, потому что имъ некуда было идти. И мѣстная администрація была бессильна бороться съ этимъ открытымъ нарушеніемъ закона, не отвѣчавшаго требованіямъ жизни.

Когда правила о 50-тиверстной полосѣ были распространены и на Бессарабскую губернію, евреи, жившіе въ уѣздѣ г. Кагула, стали просить о дозволеніи имъ поселиться въ городѣ. Это ходатайство было поддержано новороссійскимъ генер.-губернаторомъ; въ своемъ представленіи министру вн. дѣлъ онъ указывалъ, что водвореніе евреевъ принесло бы пользу Кагулу, въ которомъ мало жителей и нѣтъ ни одного торговца, а вмѣстѣ съ тѣмъ городъ находится въ такихъ условіяхъ, которыя устраняютъ возможность контрабандныхъ промысловъ. Предложеніе ген.-губернатора было принято комитетомъ министровъ, но на его журналѣ имп. Николай I положилъ резолюцію: „никакъ не согласенъ; и впредь во вновь открываемыхъ городахъ и мѣстечкахъ въ полосѣ 100 верстъ вдоль по границамъ не позволять селиться евреямъ“ (1840 г.).

Параллельныя „черты осѣдлости“.

Курляндія и Царство Польское.—Мѣры къ „уменьшенію числа евреевъ“ въ Курляндіи.—Отношеніе Царства Польскаго къ русскимъ евреямъ, какъ къ иностраннымъ.—Спеціальныи сборъ „гелейтъ-цолль“.—Разнообразныя стѣсненія въ Варшавѣ въ отношеніи жительства.—Раздѣленіе улицъ и домовъ на части, запретныя и открытыя для жительства.—Борьба среди христіанъ изъ-за евреевъ.—Введеніе ограниченій въ другихъ городахъ.

Предѣлы черты еврейской осѣдлости, установленныя Екатериной II (законъ 1791 г.), постепенно значительно расширились: въ ея составъ вошли обширныя польскія области, перешедшія къ Россіи по двумъ послѣднимъ раздѣламъ; въ 1799 г. право гражданства было распространено на Курляндію; въ 1815 г. Россія присоединила къ себѣ территорію Царства Польскаго, на которой проживало многочисленное еврейское населеніе; въ 1818 г. въ русское подданство были приняты евреи, жившіе во вновь присоединенной Бессарабской области.

Бессарабская губернія слилась съ чертой еврейской осѣдлости—принимая мѣры къ заселенію края, правительство не отказывало и евреямъ въ льготахъ, которыя побуждали бы ихъ водворяться здѣсь.

Въ исключительномъ положеніи оказались Курляндская губернія и Царство Польское. Эти мѣстности были превращены въ особыя своеобразныя „черты осѣдлости“. Евреи не мѣстнаго происхожденія не могли селиться здѣсь, причемъ евреи Царства Польскаго были лишены права водворяться на постоянное жительство въ чертѣ осѣдлости ⁴⁸⁾, а евреи изъ Курляндіи, селившіеся внѣ ея, или еврейки, выходящія замужъ за некурляндскаго еврея, утрачивали право возвращаться на родину.

Уже въ моментъ предоставленія курляндскимъ евреямъ гражданскихъ правъ мѣстныя власти, подъ вліяніемъ, несомнѣнно, нѣкоторыхъ общественныхъ элементовъ, обнаружили свое нерасположеніе къ нимъ; законъ 1799 г. былъ истолкованъ въ томъ смыслѣ, что правомъ проживанія здѣсь пользуются лишь потомки евреевъ, въ то время приписанныхъ (1806 г.); тѣмъ не менѣе, число курляндскихъ евреевъ

постепенно возросло благодаря тому, какъ объясняли власти, что курляндскіе евреи давали чужимъ евреямъ удостовѣренія, что послѣдніе также мѣстнаго происхожденія. Наконецъ, въ 1827 г. митавскіе купцы и ремесленники обратились къ государю съ просьбой объ ограниченіи числа евреевъ въ Митавѣ, вслѣдствіе чего ген.-губернатору Паулуччи было предписано выработать планъ „объ уменьшеніи числа евреевъ“. Такъ какъ въ Лифляндіи евреи могли жить только въ Ригѣ и Шлокѣ, причемъ изъ другихъ губерній здѣсь евреевъ не приписывали, то Паулуччи нашелъ, что никакихъ мѣръ противъ здѣшнихъ евреевъ принимать не слѣдуетъ ⁴⁹). Что касается Курляндіи, то евреевъ, которые фактически принадлежатъ къ другимъ губерніямъ, надо водворить на старыя мѣста; евреи неизвѣстнаго происхожденія, если имѣютъ средства, могутъ остаться въ Курляндіи, неимущіе же подлежатъ высылкѣ въ Сибирь. Предложеніе Паулуччи было нѣсколько смягчено Еврейскимъ комитетомъ въ томъ смыслѣ, чтобы евреи, отмѣченные по послѣдней переписи, почитались мѣстными, а ссылка въ Сибирь замѣнена высылкой въ губерніи черты, и эти-то мѣры получили силу закона (1829 г.) ⁵⁰). Но уже вскорѣ оказалось, что законъ не можетъ быть выполненъ; слишкомъ много было незаписанныхъ по послѣдней ревизіи и подлежащихъ высылкѣ; поэтому два года спустя пришлось исходатайствовать разрѣшеніе не высылать тѣхъ изъ этой категоріи, которые докажутъ, что у нихъ имѣются законныя занятія ⁵¹).

Привилегія, которою пользовалась Курляндія въ отношеніи евреевъ, не была конечной цѣлью, къ которой могли бы стремиться ихъ недруги-конкуренты; какъ ни заманчиво было право исключать изъ числа своихъ жителей евреевъ, временно переселившихся въ другой край, или еврейку, вышедшую замужъ за чужака, Курляндія, думается, отказалась бы отъ этой льготы, чтобы воспользоваться той, которая была предоставлена Царству Польскому; этотъ край извлекалъ ощутительную пользу отъ каждаго еврея изъ Россіи, который по торговымъ или инымъ дѣламъ на время пріѣзжалъ сюда. Для евреевъ изъ Россіи Царство Польское представлялось иностраннымъ государствомъ; наравнѣ съ иностранными евреями русскіе евреи уплачивали здѣсь спе-

ціальний сборъ, такъ называемый гелейтъ-цолль, установленный еще прежней прусской властью.

Въ 1819 г. „депутатъ еврейскаго народа“ Зундель Зонненбергъ выступилъ съ ходатайствомъ о томъ, чтобы евреи изъ Россіи не подлежали таможенному сбору, такъ какъ они не могутъ почитаться въ Царствѣ Польскомъ иностранцами, но намѣстникъ Заіончекъ высказался противъ удовлетворенія ходатайства. А министръ статсъ-секретарь Царства Польскаго, Соболевскій, выставилъ слѣдующіе мотивы въ пользу сохраненія сбора: гелейтъ-цолль составляетъ опредѣленный доходъ казны Царства Польскаго; въ случаѣ же отмѣны сбора въ отношеніи русскихъ евреевъ, австрійскіе и прусскіе евреи стали бы пріѣзжать въ край подъ видомъ русскихъ, избѣгая такимъ образомъ уплаты сбора, а это было бы убыточно.

Въ 1826 г. подобная-же просьба была возбуждена ковенскими евреями; по поводу нея возникла переписка между членами Еврейскаго комитета, и одинъ изъ нихъ, считая правильной отмѣну сбора въ отношеніи русскихъ евреевъ, между прочимъ, указалъ на то, что евреи Царства Польскаго, пріѣзжая въ Россію, не облагаются спеціальными сборами, а потому, по взаимности, русскіе евреи также должны быть свободны отъ сбора въ Царствѣ Польскомъ. Эта мысль едва не оказалась роковою. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ не только призналъ необходимымъ сохранить этотъ сборъ (уменьшивъ его лишь соразмѣрно полу, возрасту и промыслу каждаго еврея въ отдѣльности), но даже предложилъ, „въ видахъ взаимности“, распространить гелейтъ-цолль также на евреевъ Царства Польскаго, пріѣзжающихъ въ Россію. Этотъ проектъ былъ въ принципѣ одобренъ имп. Николаемъ I, поручившимъ министру Канкрину составить соотвѣтствующія правила. Но Канкринъ предложилъ уменьшить гелейтъ-цолль на половину ($9\frac{1}{2}$ польск. злот.), отнюдь не распространяя этого сбора на евреевъ Царства Польскаго, пріѣзжающихъ въ Россію, что и было принято, и въ такомъ видѣ налогъ существовалъ до 1850 г. ⁵²).

Было бы ошибочнымъ думать, будто доступъ евреямъ изъ Россіи въ Царство Польское былъ потому затрудненъ сборомъ, что жизнь евреевъ протекала здѣсь въ лучшихъ усло-

віяхъ. Напротивъ, такіа стѣсненія, какія чинились евреямъ въ Царствѣ Польскомъ, не были извѣстны въ чертѣ осѣдлости. Ограниченія, существовавшія въ Кіевѣ, Вильнѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, являлись исключеніемъ изъ общаго правила, въ силу котораго евреи пользовались въ городахъ полной свободой въ жителствѣ. Здѣсь же, въ Царствѣ Польскомъ, ограниченіе евреевъ въ правѣ жительства и передвиженія въ городахъ было возведено въ цѣлую систему.

Не уходя въ болѣе отдаленное прошлое, нельзя, однако, не остановиться на исторіи этихъ ограниченій съ того момента, когда власть въ Герцогствѣ Варшавскомъ, офіціально представленная въ лицѣ безсильнаго саксонскаго короля, фактически принадлежала польскому обществу.

Ранѣе всего ограниченія были введены въ Варшавѣ, которая и стала прототипомъ для другихъ городовъ.

Еще прусское правительство потребовало удаленія евреевъ изъ главныхъ улицъ Варшавы, и это правило магистратъ сталъ приводить въ исполненіе въ концѣ 1808 г., несмотря на то, что распоряженія прусской власти уже не могли въ то время имѣть значеніе, а евреи еще недавно, въ тяжелые дни, пережитые новымъ государствомъ, приняли участіе въ займѣ городу. Въ слѣдующемъ же году послѣдовалъ спеціальній королевскій указъ о мѣстѣ жительства евреевъ въ Варшавѣ. Принявъ въ соображеніе, будто слишкомъ большое скопленіе евреевъ влечетъ за собою разныя опасныя послѣдствія, какъ то пожары и потерю здоровья, и что переполненіе евреями главныхъ улицъ и домовъ мѣшаетъ удобству публики, указъ закрылъ для евреевъ рядъ лучшихъ улицъ.

Впрочемъ, дабы внушить еврейскому народу мысль, будто правительство не стремится исключить его изъ среды другихъ жителей въ томъ случаѣ, если онъ постарается быть того достойнымъ, указъ сдѣлалъ изъятіе: на запретныхъ улицахъ могли проживать по два семейства, которыя удовлетворяли бы ряду условій; такъ, напр., слѣдовало обладать капиталомъ въ 60 тысячъ польскихъ злотыхъ, умѣть читать и писать по-польски или по-французски, или, по крайней мѣрѣ, по-нѣмецки, посылать своихъ дѣтей въ общія школы, не имѣть внѣшнихъ отличій отъ прочаго населенія и т. д.

Распоряженіе о выселеніи евреевъ изъ запретныхъ улицъ вызвало въ варшавскомъ христіанскомъ обществѣ расколъ. Правда, эта междуусобная борьба — не во имя справедливости къ евреямъ, а изъ личныхъ интересовъ — была по необходимости прервана, когда 21 апрѣля того-же года Варшава была занята австрійцами; предъ лицомъ этого врага варшавское правительство оказалось не столь сильнымъ, какъ предъ группой обывателей-евреевъ. Но когда, помощью Наполеона, Варшава вновь перешла къ полякамъ, выселеніе евреевъ изъ запретныхъ улицъ стало какъ бы важнѣйшей государственной задачей. Въ защиту евреевъ выступили христіане, заинтересованные въ томъ, чтобы евреи попрежнему занимали помѣщенія въ ихъ домахъ, но муниципалитетъ воспротивился подобнымъ домогательствамъ, подчеркивая, что эти христіане преслѣдуютъ лишь личные цѣли. Видные мѣстные евреи представили королю ходатайство хотя бы объ острожкѣ выселенія: „въ отношеніи общественныхъ обязанностей — говорили они — насъ признаютъ гражданами и въ то-же время считаютъ недостойными пользоваться благами законовъ“. Однако, ограничительныя правила были сохранены въ силѣ и даже усугублены: на запретныхъ улицахъ было возбранено не только жить, но и содержать лавки; угловые дома, выходящіе одной стороною на запретную, а другой — на доступную улицу, были объявлены закрытыми для евреевъ. Это вызвало новый протестъ со стороны домохозяевъ, которые, въ ожиданіи нанимателей-евреевъ, приспособили свои зданія къ условіямъ, специально установленнымъ для евреевъ; въ виду этого дома были раздѣлены на двѣ части: дозволенную и недозволенную для сдачи въ наймы евреямъ.

Всѣ эти ограниченія были не только подтверждены, но даже расширены русской властью. Мотивируя тѣмъ, что нѣкоторыя населенныя евреями улицы не соотвѣтствуютъ, по своему внѣшнему виду, близъ расположенному Саксонскому саду, служащему лучшимъ мѣстомъ для гуляній, намѣстникъ предложилъ имп. Александру I причислить ихъ, а также другія центральныя улицы, къ запретнымъ частямъ города, что и было санкціонировано.

И опять домовладѣльцы, которымъ предстояло лишиться

жильцовъ, обратились къ государю съ просьбой не выселять евреевъ: если вопросъ идетъ о чистотѣ улицъ, они сами сдѣлаютъ все необходимое. Сами же евреи просили государя (1823) объ отсрочкѣ новаго закона на 10 лѣтъ, указывая, что, если новый законъ имѣетъ цѣлью побудить евреевъ приобрѣтать или строить новые дома, то нужно дать на это время; но государь отклонилъ ходатайство. Когда срокъ приблизился, домовладѣльцы стали просить государя оставить евреевъ хотя бы еще на одну зиму, и государь поручилъ намѣстнику высказать свои соображенія. Но тутъ вмѣшались въ дѣло тѣ домовладѣльцы доступныхъ для еврейскаго населенія улицъ, которые, предвидя, что выселенные евреи по необходимости направятся къ нимъ, сдѣлали нужныя приготовленія въ своихъ домахъ—они умоляли правительство не лишать ихъ давно ожидаемыхъ жильцовъ, и къ этому ходатайству объ оставленіи въ силѣ указа о выселеніи присоединились и сами евреи, именно тѣ, которые владѣли домами: въ ихъ интересахъ было, чтобы евреи съ запретныхъ улицъ переселились въ ихъ районъ.—Нѣсколько позже, „принимая въ соображеніе, что часть улицы Хмѣльной, отъ Новаго Свѣта до Братской, какъ значительно уже застроенная, можетъ быть причислена къ разряду главныхъ, а по близости къ желѣзной дорогѣ постепенно еще будетъ принимать лучшій видъ“, Совѣтъ Управленія (1847) причислилъ и эту улицу къ запретнымъ.

Вообще, ни одинъ еврей не могъ поселиться въ Варшавѣ безъ спеціальнаго разрѣшенія правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ, а такое разрѣшеніе получали лишь тѣ, кто владѣлъ капиталомъ въ 60 тыс. злотыхъ, обязывался строить каменный домъ и т. п.

Особая стѣснительная мѣра была установлена для евреевъ, прибывавшихъ сюда на время въ видѣ такъ называемаго „билетнаго сбора“ (Tagzettel); сборъ шелъ значительнѣйшей частью въ кассу города, кое-что поступало въ пользу еврейскихъ училищъ. Пропускные билеты продавались на заставѣ; кто оставался нѣсколько дней, долженъ былъ брать ежедневно такіе билеты въ городской ратушѣ. Билетъ былъ дѣйствителенъ съ 12 часовъ ночи на однѣ сутки; чтобы пробыть хотя бы лишній часъ, надо было брать новый би-

летъ. Варшавскіе евреи, при выходѣ изъ города, во избѣжаніе уплаты сбора, снабжались у рогатки знаками, отбиравшимися при возвращеніи домой.

Стѣсненія, существовавшія въ Варшавѣ, были введены въ нѣсколько смягченной формѣ и въ другихъ городахъ. Еще правительство Герцогства Варшавскаго, надѣясь, что при удачномъ походѣ Наполеона въ Россію къ Герцогству будутъ присоединены земли съ значительнымъ еврейскимъ населеніемъ, побуждало муниципалитеты ходатайствовать объ ограниченіи евреевъ въ правѣ жительства, но гибель самаго Герцогства (1813 г.) положила конецъ этой провокаціи⁸³). Когда же выяснилось, что петербургское правительство вообще санкціонируетъ предложенія варшавскаго правительства въ пользу умаленія правъ евреевъ, длинный рядъ городовъ легко добился введенія у себя разнообразныхъ ограниченій; были возобновлены старинныя привилегіи; этому помогло и то, что въ свое время господствовавшее въ нѣкоторыхъ частяхъ Царства Польскаго австрійское правительство дало право городамъ воспользоваться старыми привилегіями „*De non tolerandis judaeis*“, если только такія дѣйствительно имѣются. Въ моментъ образованія Царства Польскаго (1815 г.) было 83 города, имѣвшихъ право не принимать евреевъ на жительство; въ 20-хъ годахъ, съ санкціи намѣстника, прибавилось около 30 такихъ городовъ; въ 1856 г. изъ числа 453 городовъ края только въ 246 городахъ евреи пользовались свободой водворенія и жительства; въ 31 городѣ существовали опредѣленные кварталы, внѣ которыхъ, на подобіе Варшавы, могли жить лишь привилегированные евреи, отвѣчавшіе особымъ матеріальнымъ или культурнымъ условіямъ; въ 90 городахъ евреи или вовсе не могли жить, или только въ отдѣльныхъ частяхъ. Впрочемъ, здѣсь, какъ и всюду, жизнь не всегда стѣснялась бумажными требованіями, и были города, въ которыхъ евреи жили вопреки запретительнымъ привилегіямъ, и христіане не роптали.

Помимо упомянутыхъ стѣсненій, указомъ Совѣта Управленія (1823 г.) въ двадцатиодноверстной пограничной полосѣ вдоль Австріи, Пруссіи и Россіи было запрещено жительство всѣмъ евреямъ, за исключеніемъ лишь отдѣльныхъ

группъ (земледѣльцы, ремесленники и др.); для жительства требовалось особое разрѣшеніе, которое надо было возобновлять ежегодно; позже (1851 г.) эти стѣсненія были усилены: водвореніе въ пограничной полосѣ изнутри края было окончательно запрещено. Между тѣмъ въ этой полосѣ насчитывалось свыше 100 городовъ, въ которыхъ, такимъ образомъ, жительство евреевъ было сковано ограниченіями.

Внѣ черты осѣдлости.

Доступъ для торговыхъ и иныхъ цѣлей.—Корысть христіанскаго купечества.—Возбужденіе вопроса о постоянномъ жительствѣ купцовъ и гильдіи.—Благопріятное рѣшеніе департаментомъ законовъ Государственнаго совѣта (1833).—Разногласіе въ Государств. совѣтѣ.—Основной моментъ разногласія: борьба темнаго предрасудка и религіознаго предубѣжденія съ государственнымъ взглядомъ на евреевъ.—Рѣшительное заявленіе адмирала Грейга.—Ссылка имп. Николая I на Петра Великаго и неблагопріятная резолюція.—Мѣстныя ограниченія.—Обходъ законовъ.—Страхъ предъ злоупотребленіемъ „льготами“. — Московское гетто.—Закрытіе Астраханской губ. и Кавказской области для жительства евреевъ.—Иронія судьбы: завоеваніе Кавказа дало Россіи тысячи новыхъ подданныхъ-евреевъ.—Сибирь.—Финляндія.

Черта еврейской осѣдлости возникла стараніями московскаго и смоленскаго купеческихъ сословій, не желавшихъ имѣть вблизи себя серьезныхъ конкурентовъ въ лицѣ евреевъ. Корыстные интересы отдѣльныхъ группъ русскаго торгово-промышленнаго класса и въ дальнѣйшемъ нерѣдко служили опорой для законодательной стѣны, ограждавшей такъ называемыя „внутреннія“ губерніи отъ поселенія евреевъ. Но запрещеніе выходить за предѣлы черты осѣдлости противорѣчило интересамъ не только еврейскаго, но также и остальнаго населенія, вотъ почему оно отнюдь не осуществлялось въ полной мѣрѣ; можно съ увѣренностью сказать, что не было такого момента, когда бы всѣ евреи, живущіе въ Россіи, находились въ границахъ черты. Въ самомъ Петербургѣ въ концѣ 18-го вѣка существовала прочно осѣвшая еврейская община. Евреи встрѣчались и въ другихъ городахъ.

Вообще на рубежѣ 19 вѣка русскіе государственные люди считали необходимымъ, какъ въ интересахъ торговли и промысловъ, такъ и во имя справедливости, открывать

евреямъ доступъ въ города не только въ чертѣ осѣдлости, но и за ея предѣлами.

Много поучительнаго даетъ въ этомъ отношеніи эпизодъ, относящійся къ обѣимъ столицамъ.

Въ 1800 г. бѣлорусскіе еврейскіе купцы первой и второй гильдій жаловались сенату на то, что городское правленіе камеральнаго департамента препятствуетъ имъ производить въ Петербургѣ попрежнему оптовую торговлю.

Петербургское купечество слѣдовало въ этомъ случаѣ по стопамъ московскаго, которое добилось въ свое время запрещенія евреямъ записываться въ московское купечество, что и послужило поводомъ къ учрежденію черты осѣдлости. Московскіе купцы мотивировали свое домогательство безнравственностью конкурентовъ; петербургскіе были болѣе откровенны: они готовы были разрѣшить евреямъ вести въ Петербургѣ оптовую торговлю, ... но только „*черезъ приказчиковъ или комиссіонеровъ изъ русскихъ купцовъ, дабы чрезъ то воспользовался жалованьемъ или нѣкоторой частью барыша россиянинъ, а не еврей*“. Сенатъ призналъ правильнымъ недозволеніе евреямъ записываться въ петербургское купечество и мѣщанство; что же касается запрещенія евреямъ самимъ торговать въ столицѣ, то это корыстное домогательство городского правленія побудило сенатъ объяснить особымъ указомъ—3 августа 1800 г.,—что „*заключеніе, что барышъ въ торговлѣ преимущественно принадлежитъ россиянину, не можетъ почестся основательнымъ*“; къ тому же—отмѣчалъ сенатъ—еврейскіе купцы, платя двойныя подати, несутъ одинаково со всѣми подданными обязанности и, слѣдовательно, они не должны быть „*отчуждаемы отъ общихъ правъ и выгодъ въ торговлѣ и промыслахъ*“, а потому запрещеніе купцамъ-евреямъ производить оптовую торговлю, недопустимо.

Этотъ указъ предоставилъ евреямъ право оптовой торговли, между прочимъ, и въ Москвѣ; однако, здѣсь имъ иногда запрещали не только вести торговлю, но даже временно проживать; когда же, ссылаясь на указъ 3 августа 1800 г., бѣлорусскіе еврейкупцы обратились (1802 г.) съ жалобой въ сенатъ, то, напомнивъ о злоупотребленіяхъ со стороны евреевъ въ торговлѣ (контрабанда) и опираясь на существованіе черты осѣдлости

и двойной подати, сенатъ призналъ, что евреи не только не могутъ выходить за предѣлы черты, но и не должны пользоваться выгодами, предоставленными другимъ, и поэтому онъ опредѣлилъ уничтожить силу указа 3 августа 1800 г. Что же касается временнаго пребыванія во внутреннихъ губерніяхъ и въ столицахъ „для доправленія старыхъ долговъ, хожденія по тяжбынымъ дѣламъ и для общественныхъ ихъ нуждъ“, то власти должны слѣдить за тѣмъ, чтобы подъ этимъ предлогомъ евреи не пріобрѣтали прочной осѣдлости.

Это рѣшеніе сената, направленное къ охранѣ корыстныхъ интересовъ русскаго торговаго класса путемъ уничтоженія конкуренціи, подверглось рѣзкой критикѣ со стороны членовъ Совѣта: гр. Салтыковъ, гр. Воронцовъ, Трощинскій и др. высказались въ томъ смыслѣ, что, запретивъ евреямъ водворяться внѣ черты, законы 1791 и 94 гг. не лишили ихъ права производить повсемѣстно оптовую торговлю; городское положеніе поощряетъ иностранную оптовую торговлю, „кольми же паче не можно воспретить подданнымъ россійскимъ, не маловажную часть населенія составляющимъ и еще двойную подать платящимъ“. Что же касается контрабанды, *„то частныя злоупотребленія не могутъ быть основаніемъ правилъ на цѣлое состояніе“*. Къ этому мнѣнію присоединился и гр. Мордвиновъ, еще шире развившій мысль о необходимости не стѣснять евреевъ въ торговлѣ.

Такой взглядъ являлся въ то время доминирующимъ и вотъ почему Положеніе 1804 г. предоставило фабрикантамъ, купцамъ и ремесленникамъ пріѣзжать по дѣламъ на время съ семьями во внутреннія губерніи и столицы, съ однимъ лишь обязательствомъ—носить „нѣмецкое“ платье.

Естественно, что пріѣзды во внутреннія губерніи нерѣдко—въ силу самого характера широкихъ торговыхъ дѣлъ—превращались въ длительное пребываніе, каковое часто не встрѣчало противодѣйствія ни со стороны мѣстныхъ обществъ, ни со стороны администраціи. Евреямъ-винокурамъ было даже особымъ закономъ (1819 г.) разрѣшено проживаніе въ великороссійскихъ губерніяхъ „впредь до усовершенствованія въ оныхъ русскихъ мастеровъ“. Конечно, эти единичные евреи терялись въ массахъ христіанскаго населенія. Тѣмъ не менѣе, центральное правительство неодно-

кратно принимало мѣры къ стѣсненію евреевъ въ прожиганіи внѣ черты осѣдлости. Такъ, въ 1825 г. послѣдовало распоряженіе о выселеніи евреевъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ обнаружатся послѣдователи секты іудействующихъ (жидовствующихъ), хотя опытъ показалъ, что эта ересь распространялась тамъ, гдѣ евреевъ было очень мало. Позже было разъяснено, что только фабриканты, купцы и ремесленники—если искусство послѣднихъ необходимо для общественной пользы!—могутъ переступить черту, но не мѣщане, причемъ были установлены особыя правила (1827 г.). Любопытно отмѣтить, что сверхсрочное пребываніе еврея внѣ черты осѣдлости почиталось дѣломъ столь важнымъ, что о каждомъ случаѣ, когда еврею разрѣшалось оставаться въ какомъ либо городѣ сверхъ 10 мѣсяцевъ, доводилось до свѣдѣнія Комитета министровъ ⁵⁴).

Однако, всякіе выдуманые сроки для временнаго пребыванія внѣ черты и связанныя съ ними стѣсненія находились въ рѣзкомъ противорѣчій съ потребностями евреевъ, какъ торговыхъ людей; коммерческія предпріятія привязывали евреевъ къ отдѣльнымъ мѣстамъ и установленныя закономъ стѣсненія нерѣдко обходились съ согласія властей. И правительству приходилось въ отдѣльныхъ случаяхъ мириться съ открытымъ нарушеніемъ закона. Вообще, противорѣчіе между общепризнаннымъ государственнымъ значеніемъ торгово - промышленной дѣятельности евреевъ, съ одной стороны, и ограничительными законами, препятствовавшими ея естественному развитію—съ другой, было слишкомъ явно, чтобы государственные люди не останавливались надъ этимъ обстоятельствомъ. Дѣйствительно, когда выработывалось Положеніе о евреяхъ 1835 г., былъ поднятъ вопросъ о предоставленіи особой группѣ—купцамъ и гильдіи—права на постоянное пребываніе внѣ черты осѣдлости. Объ этомъ очень много говорилось въ Комитетѣ министровъ; но здѣсь министръ финансовъ выразилъ рядъ опасеній: купецъ, на примѣръ, находясь внѣ черты еврейской осѣдлости, можетъ обѣднѣть или умереть—что тогда дѣлать съ его семействомъ? Вообще же, по словамъ министра, евреи добиваются этого права, въ сущности, не для оптовой торговли, а „только, чтобы сдѣлать первый шагъ къ жи-

тельству въ Россіи, предвидя по всеобщимъ примѣрамъ, что, гдѣ уже разъ они поселились, оттуда выжить ихъ болѣе нельзя"; впрочемъ, въ С.-Петербургѣ и другихъ городахъ—прибавилъ министръ—живетъ много „евреевъ перекрестившихся“,—изъ чего, какъ видно, слѣдовало заключить, что, если нужда заставитъ, еврей можетъ путемъ крещенія приобрести необходимое право.

Департаментъ законовъ Государств. совѣта не согласился съ мнѣніемъ министра финансовъ. Указавъ на то, что купцы I гильдіи несутъ значительныя денежныя повинности; что матеріальная обеспеченность даетъ этой категоріи евреевъ возможность получать хорошее образованіе, къ чему и видно уже стремленіе въ лучшихъ еврейскихъ домахъ; что число русскихъ оптовыхъ торговцевъ еще не велико,—департаментъ предложилъ предоставить право постоянного жительства внѣ черты купцамъ, пробывшимъ три года въ гильдіи.

Такое благопріятное разрѣшеніе впервые выдвинутаго вопроса о правѣ повсемѣстнаго жительства вызвало въ Госуд. совѣтѣ рѣзкое разногласіе.

Двадцать два члена заявили слѣдующее:

„Еврей многократно домогались дозволенія селиться въ великороссійскихъ губерніяхъ, но отъ временъ императора Петра Великаго донынѣ Правительство постоянно отклоняло покушенія ихъ къ сему, предвидя важныя въ томъ неудобства. Если дозволить жительство въ Россіи и однимъ купцамъ I-й гильдіи, то, бывъ поддерживаемы обширными связями и духомъ единомыслія съ своими единовѣрцами въ западныхъ губерніяхъ, *не имѣя нужды и потребностей, свойственныхъ классу образованнѣйшаго купечества, и довольствуясь вообще въ домашнемъ быту своемъ весьма малымъ*,—купцы сіи могутъ легче всякаго другого дѣлать подрывъ торговымъ предпріятіямъ прочихъ, одинаковаго съ ними званія, людей“.

Этотъ мотивъ—огражденіе русскаго купечества отъ серьезной конкуренціи—имѣлъ уже свою исторію; въ Кіевѣ, на примѣръ, евреевъ выселили въ угоду мѣстному торгово-промышленному классу, несмотря на то, что эта мѣра должна была вызвать вздорожаніе товаровъ въ городѣ; а еще раньше московское купечество подчеркнуло, что не религіозная вражда, а только торговые интересы побуждаютъ его про-

сильно объ удаленіи евреевъ, причемъ изъ разныхъ обвиненій, предъявленныхъ купечествомъ къ нимъ, существеннымъ являлось то, что евреи продають товары по болѣе дешевой цѣнѣ.

Группа изъ 22 членовъ выставила и другія соображенія противъ допущенія евреевъ во внутреннія губерніи: евреямъ придется разрѣшить держать при себѣ въ услуженіи христіанъ, что закономъ запрещено, или брать съ собою единовѣрцевъ, которые, по своему званію, не должны бы пользоваться правомъ проживанія внутри Россіи; кромѣ того, вмѣстѣ съ купцами черту осѣдлости покинуть также ихъ семейства; вообще же занятія, которыя и по закону, и по обычаю присвоены купцамъ первой гильдіи, чужды „обыкновенному духу еврейской промышленности“; наконецъ, право вступать въ гильдію основано на капиталѣ, а не на нравственныхъ качествахъ и не на образованіи, которое могло бы устранить препятствія къ допущенію евреевъ во внутреннія губерніи. Такимъ образомъ, можно было бы думать, что 22-членная группа имѣетъ въ виду облегчить положеніе евреевъ, удовлетворяющихъ извѣстному образовательному цензу. Но уже слѣдующее, заключительное соображеніе устраняло всякую мысль о томъ, чтобы эти государственные люди согласились предоставить водвореніе внутри Россіи какой бы то ни было группѣ евреевъ.

„Дозволеніе евреямъ, въ какомъ бы то званіи ни было, постояннаго пребыванія во внутреннихъ губерніяхъ произвело бы весьма непріятное впечатлѣніе въ нашемъ народѣ, который, и по понятіямъ вѣры, и по общему мнѣнію о нравственныхъ свойствахъ евреевъ, вообще привыкъ чуждаться и презирать ихъ. Нѣкоторыя иностранныя державы, гдѣ евреямъ предоставлены всѣ гражданскія права наравнѣ съ прочими подданными, не могутъ служить примѣромъ для Россіи, сколько по несравненно большому у насъ числу евреевъ, столько и потому, что правительство и народъ нашъ, при всей извѣстной вѣротерпимости, весьма однако же далеки отъ того равнодушія, съ коимъ нѣкоторыя другія націи смотрятъ на предметы вѣры“.

Итакъ, противники евреевъ окутали возбужденный вопросъ атмосферой, въ которой при тогдашнихъ благопріят-

ныхъ условіяхъ грубое чувство не могло не побѣдить разума. Фанатизмъ массы былъ окруженъ ореоломъ вѣкового патріархальнаго народнаго уклада. Религіозныя антипатіи до того овладѣли этой группой членовъ Госуд. совѣта, что, отуманенные предубѣжденіемъ противъ евреевъ, они не остановились предъ тѣмъ, чтобы представить въ искаженномъ видѣ даже тѣ качества евреевъ — скромность въ личной жизни, — которыя всегда и всюду ставятся въ заслугу какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлымъ народамъ: чуждые излишествъ, еврей, по мысли Госуд. совѣта, должны были быть скованы по рукамъ и ногамъ ограничительнымъ закономъ, дабы не конкурировать съ тѣми, кто больше бралъ за товаръ, чтобы больше проживать.

Русскій народъ по своему религіозному рвенію не любитъ евреевъ, — этотъ пароль, плодъ выдумки, а не русской дѣйствительной жизни, долженъ былъ, по мнѣнію группы членовъ Госуд. совѣта, лечь въ основу разрѣшенія еврейскаго вопроса.

Иной взглядъ высказали остальные тринадцать членовъ Госуд. совѣта, присоединившіеся къ заключенію департамента законовъ; давъ, между прочимъ, отповѣдь прозелитскимъ намекамъ министра финансовъ, они попытались разсѣять опасенія, выдвинутыя противной группой.

„Доселѣ одна религія евреевъ составляла существенное препятствіе къ разрѣшенію пребыванія ихъ во внутреннихъ губерніяхъ. Съ перемѣною религіи послѣдній изъ евреевъ, независимо отъ его качествъ и поведенія, приобрѣтаетъ всѣ тѣ права, въ коихъ отказывается первостатейнымъ купцамъ изъ прежнихъ ихъ единовѣрцевъ, хотя бы они отличались важнѣйшими заслугами и, по своимъ нравственнымъ свойствамъ и занятіямъ, были полезнѣйшими членами общества.

„Цѣль устава заключается въ устройствѣ и улучшеніи еврейскаго народа, а надежнѣйшее для сего средство есть обращеніе ихъ къ занятіямъ болѣе правильнымъ и болѣе облагороженнымъ; унижая же ихъ и отъемля не только ободреніе, но и права, закономъ извѣстному состоянію присвоенныя, достигнуть сей цѣли конечно будетъ невозможно“.

Предоставленіе купцамъ права торговли во внутренней Россіи, указывали изъ членовъ, не является новшествомъ въ законодательствѣ: Положеніемъ 1804 г. евреямъ разрѣшены пріѣзды по коммерческимъ дѣламъ во внутреннія губерніи безъ ограниченія какимъ-либо срокомъ, кромѣ того, который требуется ихъ надобностями; въ самомъ министерскомъ законопроектѣ имъ предоставлено имѣть при себѣ двухъ служителей изъ евреевъ.

„Соревнованіе и подрывы торговлѣ могутъ быть между купцами взаимны. Сіи причины не вели доселѣ къ тому, чтобы запретить даже иностраннымъ купцамъ пребываніе и торговлю въ Россіи... Если вообще духу еврейскаго народа доселѣ болѣе свойственно было заниматься мелочною промышленностью, то сіе отчасти приписать должно именно стѣсненію ихъ правъ и тѣмъ ограниченіямъ въ выборѣ мѣста пребыванія, которымъ они всегда въ Россіи подвергаемы были. Но въ Державахъ, гдѣ евреи пользуются одинаковыми правами съ прочими подданными, и даже въ ближайшемъ къ намъ Царствѣ Польскомъ, не рѣдкіе изъ нихъ пріобрѣли извѣстность огромными банкирскими дѣлами, полезною предпримчивостью и обширностью биржеваго торгова“.

Молча внималъ адмиралъ Грейгъ спорамъ въ Госуд. совѣтѣ; онъ не былъ раньше знакомъ съ сущностью разбирающагося вопроса. Когда же обѣ стороны высказали все, что имѣли, адм. Грейгъ понялъ, что споръ сведенъ не къ тому, разрѣшить ли или не разрѣшить постоянное пребываніе евреямъ внѣ черты, а къ тому, какъ должно правительство относиться къ еврейскому народу; онъ понялъ, что тамъ, гдѣ религіозный предразсудокъ возводится въ народную доблесть, тамъ доводы, подсказанные государственной точкой зрѣнія на евреевъ, не могутъ быть услышаны.

Адм. Грейгъ представилъ особое мнѣніе; искренность и простота сохранили за его заявленіемъ непосредственную силу, не утратившую по сію пору возможность воздействовать на умы, не предубѣжденные противъ евреевъ. Высказываясь за то, чтобы купцы немедля, а не черезъ извѣстный срокъ по вступленіи въ гильдію, пріобрѣтали право повсемѣстнаго жительства, и чтобы ихъ не принуждали замѣнять

во время пребыванія внѣ черты осѣдлости традиціонное еврейское платье общей одеждой, адм. Грейгъ писалъ:

„Если принять въ разсужденіе, что трудолюбивый чело-вѣкъ, занимающійся съ промыслами, есть полезный членъ въ обществѣ, слѣдственно, чѣмъ болѣе будетъ находиться въ государствѣ таковыхъ людей, какой бы они вѣры и исповѣданія ни были, скорѣе можетъ увеличиваться богатство народное. И какъ евреи признаются вообще имѣющими въ большей степени качества торговыхъ людей, то нельзя не заключить, что и они, по крайней мѣрѣ въ семъ отношеніи, есть люди для государства не безполезные. Неоспоримо, что съ давнихъ временъ и понынѣ существуетъ принятое противу евреевъ невыгодное предубѣжденіе насчетъ ихъ хитрости, но какъ нужда есть первая изобрѣтательница всѣхъ существующихъ въ свѣтѣ предпріятій и успѣховъ въ наукѣ и торговлѣ, слѣдственно и въ семъ отношеніи нельзя собственно на нихъ однихъ возложить бремя какого-либо нареканія: ибо хитрые люди и другой религіи или исповѣданія не подлежатъ ли сему же упреку,—а посему, если миновать разсужденія объ ихъ вѣрѣ, то нельзя умолчать и о томъ, что во всѣхъ государствахъ, гдѣ токмо евреи находятся, вездѣ замѣчательно въ нихъ отличіе и скромностью жизни, и совершеннымъ повиновеніемъ правительству.

„Засимъ обращаюсь къ главному вопросу въ семъ дѣлѣ, который состоитъ въ томъ, могутъ ли быть въ государствѣ терпимы евреи, или нѣтъ?—я полагаю: если сей вопросъ рѣшенъ будетъ утвердительно въ первомъ смыслѣ, въ такомъ случаѣ, кажется, можно болѣе надѣяться ожидать отъ нихъ пользы во всѣхъ отношеніяхъ политическаго ихъ существованія, если имъ предоставлена будетъ равная съ другими свобода по торговлѣ и если они менѣе будутъ стѣснены въ дѣйствіяхъ и обычаяхъ ихъ по своей вѣрѣ... и тогда отвратится неминуемая причина ихъ неудовольствія и даже самага ропота. Въ послѣднемъ случаѣ можно болѣе ожидать добра отъ ихъ благодарности, нежели отъ ненависти. Кромѣ сего не видно изъ исторіи того, чтобы гдѣ-либо секты уменьшались отъ стѣснительныхъ мѣръ; напротиву того, онѣ черезъ то усиливались и упорствованіемъ своимъ старались всячески болѣе и болѣе себя удержатъ и распространять.

Но если вторая мысль вопроса положительно признается, что евреи не могут быть терпимы въ Россіи, то въ семъ случаѣ, конечно, ничего не можетъ быть полезнѣе, какъ, минуя всякое о нихъ Положеніе, какъ о людяхъ опасныхъ, и не взирая ни на какія убѣжденія, выслать ихъ всѣхъ безъ изъятія изъ государства за границу. Каковая мѣра, сколь бы ни была затруднительна, но была бы полезнѣе, по мнѣнію моему, нежели оставить сіе сословіе внутри государства въ такомъ положеніи, которое возбуждало бы въ нихъ непрерывно неудовольствіе и ропотъ“.

Всѣ эти мнѣнія и взгляды были представлены на усмотрѣніе имп. Николая I. Какъ извѣстно, въ основѣ отношеній государя къ евреямъ лежала узко-религіозная точка зрѣнія. И естественно, что, разъ въ матеріалахъ Госуд. совѣта подобная точка зрѣнія нашла свое яркое выраженіе, государь остановилъ на ней свое вниманіе; практическіе доводы, изложенные въ мнѣніи департамента законовъ и меньшинства Госуд. совѣта, утратили всякое значеніе, какъ только на очередь былъ выдвинутъ вопросъ о религіозныхъ чувствахъ русскаго человѣка, будто отталкивающихъ его отъ еврея, чувствахъ, которыя должны быть охраняемы государствомъ. Противъ строкъ, говорившихъ о томъ, что въ Россіи нѣтъ того равнодушія, съ которымъ другіе народы относятся къ вѣрѣ, государь отмѣтилъ „Слава Богу“, а его рѣшающая резолюція гласила: „Вопросъ сей разрѣшенъ Петромъ Великимъ; я его не осмѣливаюсь перемѣнять; совершенно раздѣляю мнѣніе 22-хъ членовъ“ ⁵⁵).

Ссылка на Петра I какъ бы вводила разрѣшеніе вопроса въ кругъ священныхъ традицій, предъ которыми должны были исчезнуть умствованія и новшества. Но въ дѣйствительности сама ссылка на Петра Великаго, сдѣланная членами Госуд. совѣта, не имѣла подъ собою реальной почвы. Помимо того, что отношеніе Петра I къ евреямъ не выяснено исторически, онъ имѣлъ вѣдь предъ собою только чужестранныхъ евреевъ; судя же по его государственной дѣятельности, можно заключить, что онъ не пошелъ бы по пути мелкой борьбы съ жизненными нуждами еврейскаго населенія, что онъ использовалъ бы его для блага государства...

По Положенію 1835 г. лишь немногочисленная группа

евреевъ получила право на постоянное пребываніе внутри Имперіи — врачи, удостоенные ученой степени доктора и медико-хирурга, если имъ будетъ разрѣшено — съ высочайшаго разрѣшенія — вступать въ учебную и гражданскую службу ⁸⁶). Съ другой же стороны, Положеніе мало облегчило условія временнаго проживанія внѣ черты: было разрѣшено прѣзжать на ярмарки купцамъ первыхъ двухъ гильдій, и продленъ срокъ ихъ пребыванія въ Москвѣ и Ригѣ. Но и въ этомъ муравейникѣ вскорѣ наступила разногласица: такъ, означенныя права были распространены въ Москвѣ на купцовъ 3 гильдій, а въ Ригѣ, по ходатайству военнаго губернатора, даже на мѣщанъ.

Конечно, стѣснительныя мѣры по-прежнему заставляли какъ евреевъ, такъ и христіанъ обходить, въ качествѣ заговорщиковъ, законы. Кары, которыя налагались на евреевъ, были бессильны удерживать ихъ отъ нарушенія запрета, тѣмъ болѣе, что они находили поддержку въ заинтересованныхъ христіанахъ. Пришлось даже издать особый законъ (20 мая 1840 года) о взысканіи штрафовъ съ помѣщиковъ Великороссійскихъ губерній за проживательство у нихъ евреевъ. Впрочемъ, нарушать законы приходилось и высшимъ представителямъ власти. Характеренъ въ этомъ отношеніи эпизодъ съ доставкой полоцкихъ кадетовъ въ Петербургъ; еврейскимъ извозчикамъ было запрещено выѣзжать за предѣлы черты, русскихъ же извозчиковъ было мало, и, не имѣя конкурентовъ, они значительно повысили цѣны; въ виду этого главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, великій князь, возбудилъ ходатайство, чтобы евреямъ было разрѣшено подвозить кадетовъ хотя бы до Пскова, но государь положилъ резолюцію: „Согласенъ, но не до Пскова, а до Острова“. Впрочемъ, евреямъ тогда-же, въ виду крайней надобности въ нихъ, было разрѣшено, при новыхъ, конечно, ограничительныхъ правилахъ, заниматься извозными промыслами, совершая поѣздки изъ черты осѣдлости „во всѣ прочіе края Имперіи“ ⁸⁷).—Одновременно, подъ давленіемъ требованій жизни, были введены облегченія для временнаго пребыванія внѣ черты не только купцовъ, но и мѣщанъ, причемъ, конечно, были опять-таки установлены извѣстныя мѣры, долженствовавшія предупредить возмож-

ность злоупотребленія новымъ закономъ ⁵⁸). О, этотъ страхъ предъ „злоупотребленіями“ былъ такъ силенъ, что даже крестившемуся мужу или женѣ запрещалось водворяться внѣ черты осѣдлости, если одинъ изъ супруговъ оставался въ еврействѣ ⁵⁹)...

Особеннымъ стѣсненіямъ подвергались евреи въ Москвѣ, гдѣ изъ-за нихъ возникла борьба между двумя группами христіанскаго населенія.

Въ 1826 г. московская торговая депутація донесла генераль-губернатору, что евреи, вопреки существующимъ узаконеніямъ, торгуютъ здѣсь безъ всякаго сношенія съ московскими купцами, что является для послѣднихъ убыточнымъ, а потому слѣдуетъ запретить евреямъ даже временное пребываніе въ Москвѣ. Эта просьба всполошила московскихъ фабрикантовъ, весьма заинтересованныхъ въ прїѣздѣ евреевъ. И въ результатѣ, купцы и фабриканты сообща выработали особыя правила для временнаго проживанія евреевъ, причемъ одинъ изъ пунктовъ гласилъ, что евреи могутъ покупать товары только въ двухъ домахъ: на Глѣбовскомъ подворьѣ и въ другомъ домѣ, который найденъ будетъ удобнымъ. Эти правила, правда, не были утверждены центральной властью. Но ссылаясь на то, что государь потребовалъ, чтобы во время нахождения евреевъ въ Москвѣ за ними было строгое наблюденіе, ген.-губернаторъ, не найдя, какъ онъ заявилъ, иного способа осуществить высочайшее повелѣніе, направилъ всѣхъ евреевъ безъ исключенія на жительство въ одно мѣсто; Глѣбовское подворье, на которомъ евреи до сихъ поръ добровольно останавливались, стало для нихъ теперь единственнымъ мѣстомъ въ Москвѣ, гдѣ они могли впредь жить.

Въ 1838 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ возбудилъ въ комитетѣ министровъ вопросъ объ устройствѣ и въ Петербургѣ такого-же гетто. Но комитетъ, принявъ во вниманіе, что подобное учрежденіе, сосредоточивая многихъ евреевъ въ одномъ мѣстѣ, представляло бы видъ особаго еврейскаго квартала, въ которомъ могли бы понадобится и раввины, и рѣзники, и т. п., отвергъ предложеніе Блудова, отмѣтивъ, что столичная полиція можетъ собственными силами наблюдать за евреями. Комитетъ воспользовался этимъ слу-

чаемъ, чтобы разсмотрѣть вопросъ и о Глѣбовскомъ подворьѣ; онъ, несомнѣнно, желалъ немедленнаго уничтоженія его, но ему пришлось согласиться на то, чтобы оно продолжало свое существованіе „временно, до усмотрѣнія“—московская администрація, съ генераль-губернаторомъ во главѣ, прилагала всѣ усилія къ тому, чтобы сохранить подворье: сборы, поступавшіе съ евреевъ, были слишкомъ заманчивы. Оффиціально эти доходы принадлежали глазной больницѣ которой Глѣбовъ завѣщалъ свой домъ, но ревизія показала, что фактически евреи являлись доходной статьей не для одной лишь больницы. И въ теченіе ряда лѣтъ центральная власть, при всякой попыткѣ упразднить гетто, встрѣчала въ Москвѣ со стороны вліятельнаго генер.-губернатора Закревскаго непреодолимыя препятствія⁶⁰).

Разъ существовало предубѣжденіе противъ допущенія евреевъ за предѣлы черты, предубѣжденіе, въ атмосферѣ вражды легко находившее разнообразныя мотивы для своего обоснованія, то разрѣшеніе жить въ Астраханской губерніи и Кавказской области не могло не представляться аномаліей, ломающей стильныя линіи ограничительной системы. Право проживанія въ этихъ мѣстностяхъ было дано Положеніемъ 1804 г.; потребовавъ удаленія еврейскаго населенія изъ деревень и селъ, этотъ законъ открылъ предъ нимъ новую территорию, полагая, что такимъ путемъ будетъ въ извѣстной мѣрѣ ослаблена скученность въ городахъ черты осѣдлости, вызванная выселеніемъ изъ уѣздовъ. Это предположеніе, однако, не оправдалось. Отдаленность препятствовала иммиграціи евреевъ. Двадцать лѣтъ спустя ни въ Астраханской, ни въ Кавказской губ. не значилось въ окладѣ ни одного еврея; когда же въ это время одинъ еврей задумалъ водвориться на постоянное жительство въ Кавказской губ., министръ финансовъ Канкринъ рѣшилъ вновь закрыть предъ евреями обѣ губерніи. Истолковывая законъ въ томъ смыслѣ, что евреи могутъ поселяться здѣсь только съ особаго каждый разъ разрѣшенія, онъ предложилъ (1824 г.) комитету министровъ вовсе запретить имъ водвореніе, мотивируя это безсвязнымъ заявленіемъ, что край открытъ для внѣшней торговли, евреи же, не исполняя государственныхъ постановленій, не направленныхъ къ ихъ выгодѣ, нанесутъ ущербъ

таможенному сбору и общественному кредиту; и комитетъ министровъ, опираясь, съ своей стороны, на соображеніе, будто водвореніе евреевъ можетъ быть вредно при распространеніи азіатской торговли, постановилъ передать вопросъ на разсмотрѣніе еврейскаго комитета, а до его рѣшенія—воздержаться отъ допущенія евреевъ въ край (1825 г.). Последнее распоряженіе не было, однако, фактически осуществлено, такъ какъ въ правилахъ 1827 г. о пріѣздѣ евреевъ во внутреннія губерніи Астраханская губ. была включена въ число мѣстъ, открытыхъ для нихъ, и вскорѣ въ Астрахани образовалась немногочисленная колонія евреевъ. Но Госуд. совѣтъ, разсматривая Положеніе о евреяхъ 1835 г., нашелъ, что объ области должны быть закрыты для евреевъ, такъ какъ правительство уже дѣлало шаги въ этомъ направленіи, а кромѣ того Госуд. совѣту не понравилось, что при переселеніи въ тѣ края евреи будутъ проѣзжать внутреннія губерніи. Тогда астраханскій губернаторъ выступилъ съ ходатайствомъ объ оставленіи проживавшихъ въ его губерніи 49 душъ, такъ какъ постоянное пребываніе евреевъ въ Астрахани „было бы весьма полезно, сколько для снабженія тамошняго края хорошими ремесленниками, какъ-то: портными, сапожниками, галантерейными мастерами и т. п., столько-же и для самаго распространенія и развитія сихъ ремеслъ въ общественной жизни необходимыхъ между коренными жителями, ибо отдаленный край сей терпитъ не малый недостатокъ въ людяхъ такого рода“.

Увы, всѣ эти соображенія разбились объ упорство предразсудка: просьба губернатора была отклонена⁶¹⁾ — онъ получилъ предписаніе выселить всѣхъ—евреевъ.

Но какъ же посмѣялась судьба надъ этой борьбой сильнаго правительства съ горстью беззащитныхъ тружениковъ, когда почти одновременно тутъ-же, по сосѣдству, правительство должно было въ своей агрессивной политикѣ отступить предъ своимъ слабымъ врагомъ евреямъ.

Грузія никогда не считалась открытой для евреевъ; тѣмъ не менѣе здѣсь проживали — особливо въ Тифлисѣ—евреи изъ Россіи и заграничные, занимаясь преимущественно портняжнымъ, сапожнымъ, шапочнымъ и другими ремеслами; польза, приносимая ими, была тѣмъ ощутительнѣе,

что среди туземцевъ было мало мастеровыхъ. Изданныя въ 1827 г. правила о временномъ проживаніи евреевъ внѣ черты осѣдлости заставили мѣстную администрацію удалить евреевъ-ремесленниковъ и тогда цѣны на издѣлія „неимоვნно возвысились“, какъ свидѣтельствовало главноуправляющій Грузіей, Кавказской и Закавказской областями. Впрочемъ, евреи вскорѣ вновь водворились—вѣроятно не всѣ были выселены, и въ 1833 г. главноуправляющій обратился въ Петербургъ съ просьбой разрѣшить евреямъ болѣе длительное пребываніе, обративъ вниманіе на то обстоятельство, по видимому, неизвѣстное центральной власти, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Грузіи съ давняго времени существуютъ цѣлыя селенія евреевъ, коренныхъ жителей, пользующихся правами наравнѣ съ прочимъ населеніемъ. Это сообщеніе должно было смутить центральную власть: Грузія не входитъ въ черту осѣдлости, а между тѣмъ тамъ проживаетъ плотно осѣвшее еврейское населеніе! Однихъ приписанныхъ къ кагаламъ въ 1835 г. числилось свыше двѣнадцати тысячъ евреевъ, но кромѣ того ихъ было много между „покорными и непокорными горцами“.—Какъ быть?

Когда Положеніе 1835 г. подтвердило старыя границы черты осѣдлости, главноуправляющій былъ вынужденъ (1836 г.) повторить, что выслать коренныхъ евреевъ нѣтъ никакой возможности, да и вновь водворившіеся ремесленники нужны. Тогда комитетъ министровъ увидѣлъ себя въ необходимости примириться съ фактомъ, предъ которымъ былъ безсиленъ: законъ 1837 г. санкціонировалъ проживаніе мѣстныхъ евреевъ, а въ отношеніи пришлыхъ ремесленниковъ предоставилъ главноуправляющему свободу дѣйствія.

Въ основѣ ограничительныхъ законовъ о жительствѣ лежитъ своеобразная презумпція, что пребываніе евреевъ, какъ людей, завѣдомо склонныхъ къ проступкамъ и преступленіямъ, вредоносно въ данномъ мѣстѣ, и пока нѣтъ увѣренности, что отдѣльныя лица составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе, виновные и подозрѣваемые въ предъявленномъ обвиненіи подлежатъ одинаковой репрессіи. Вотъ, почему, въ дальнѣйшемъ, при разрѣшеніи той или иной группѣ евреевъ проживать въ запретномъ мѣстѣ, предварительно доказывалось, что таковая составляетъ по своимъ

качествамъ исключеніе изъ общей массы. Но была территория, на которой, въ видѣ изъятія, могли проживать лишь тѣ евреи, которые признавались наиболѣе порочными, на которой евреямъ съ честнымъ именемъ, евреямъ труда, запрещалось водворяться. То была Сибирь. Еврейское населеніе было представлено тамъ только ссыльными. Когда въ 1836 г. свыше тысячи евреевъ пожелали переселиться на казенные участки Тобольской губерніи и Омской области, предназначенные для земледѣлія, имп. Николай I положилъ резолюцію: „Переселеніе евреевъ въ Сибирь пріостановить“, а вслѣдъ затѣмъ были выработаны спеціальныя правила, направленные противъ переселенія евреевъ въ Сибирскія губерніи и къ уменьшенію числа уже живущихъ тамъ ⁶²); было, между прочимъ, предписано вернуть партію евреевъ, отправившуюся въ Сибирь для занятія земледѣліемъ; самовольно пришедшіе въ Сибирь должны были удалиться, въ противномъ случаѣ ихъ дѣти подлежали сдачѣ въ кантонисты; вообще, мѣстные евреи должны были или зачислять своихъ сыновей въ кантонисты или отправлять ихъ, до достиженія ими 16-ти лѣтъ, въ предѣлы черты осѣдлости и т. д. Однако различныя ограниченія не могли охватить всѣхъ жившихъ въ Сибири, евреевъ и многіе стали почитаться мѣстными осѣдлыми жителями ⁶³).

Исторія ограниченій въ отношеніи евреевъ въ Финляндіи восходитъ ко времени шведскаго владычества; въ 1782 г. былъ изданъ регламентъ, признавшій за евреями право жить и имѣть синагоги всего только въ трехъ пунктахъ, въ прочихъ же городахъ они могли оставаться лишь на время, представляя удостовѣреніе, что пріѣхали по торговымъ дѣламъ. Конечно, это постановленіе не осуществлялось въ полной мѣрѣ, и королевская коммерцъ-коллегія объявила въ 1806 г., что въѣздъ евреямъ въ Финляндію запрещенъ. Но и это, по видимому, не оградило страны отъ появленія евреевъ; генераль-губернаторъ Закревскій возбудилъ предъ сенатомъ ходатайство о томъ, чтобы въ плакатныхъ паспортахъ, выдаваемыхъ евреямъ, было сказано, что имъ не дозволенъ въѣздъ въ Финляндію, но сенатъ ограничился тѣмъ, что поставилъ (1831 г.) въ извѣстность губернаторовъ о запрещеніи выдавать евреямъ паспорта на пріѣздъ въ Финляндію ⁶⁴).

Эпоха облегченій.

Переломъ въ политикѣ по отношенію къ евреямъ.

Реформы имп. Александра II.—Наслѣдіе прошлаго царствованія—„разборъ“ евреевъ на „полезныхъ“ и „безполезныхъ“.—Пересмотръ законовъ съ цѣлью слиянія евреевъ съ прочимъ населеніемъ.—Попытка эмансипаціи евреевъ — новороссійскій генер.-губернаторъ гр. Строгановъ и министръ внутр. дѣлъ С. Ланской.—Принятіе правительствомъ системы постепенной эмансипаціи.—Примѣненіе принципа „разбора“ въ дѣлѣ смягченія ограничительныхъ законовъ.

Коренное государственное переустройство и обновленіе общественной жизни, совершившіяся въ царствованіе имп. Александра II, были благодѣтельны, въ частности, и для евреевъ, какъ гражданъ страны. Тогда-же произошло смягченіе спеціальнаго ограничительнаго законодательства о евреяхъ. Однако, внутренней связи между общими преобразованіями и измѣненіемъ быта евреевъ не было. Въ шумѣ спѣшной ломки стараго государственнаго зданія стоны безправнаго еврейскаго народа были заглушены, а при разрѣшеніи вопросовъ еврейской жизни господствовавшіе тогда либеральные лозунги были услышаны лишь какъ слабое эхо отдаленнаго грома. Тѣмъ не менѣе, именно широкая государственная преобразовательная дѣятельность создала условія, благопріятныя для еврейской реформы. Правда, общественныя силы, принявшія участіе въ обновленіи страны, не были привлечены къ дѣлу облегченія участи евреевъ, заботу о ближайшей судьбѣ евреевъ правительство оставило всецѣло за собой. Но и при этихъ условіяхъ знаменательный историческій моментъ открылъ предъ евреями широкіе, свѣтлые горизонты—даже лица, стоявшія у власти, будучи захвачены могучимъ общественнымъ подъемомъ, провозгласили лозунгъ „Эмансипація евреевъ!“

Имп. Александръ II получилъ въ наслѣдіе неразрѣшеннымъ тягостный вопросъ о „разборѣ“ евреевъ. Этой мѣрой правительство, по его объясненію, пыталось путемъ репрессій добиться такъ назыв. нравственнаго преобразованія евреевъ, т. е. побудить ихъ измѣнить свой религіозно-національный бытъ и лишить ихъ той вредоносности, которою они, будто, угрожали окружающему населенію. „Разборъ“ сводился къ тому, чтобы раздѣлить евреевъ на двѣ группы — „полезныхъ“, т. е. живущихъ производительнымъ трудомъ, и „бесполезныхъ“, и эту послѣднюю категорію подвергнуть разнообразнымъ репрессіямъ. Этотъ проектъ возникъ въ началѣ 40-хъ годовъ, но, несмотря на настойчивыя требованія свыше, онъ не былъ полностью осуществленъ, такъ какъ мѣстныя власти видѣли всю гибельность этой мѣры. Однако, идея о „разборѣ“, занимавшая правительство въ теченіе болѣе десятилѣтій, успѣла укоренить въ правительственныхъ кругахъ представленіе, будто преобразование евреевъ можетъ быть достигнуто лишь репрессивными мѣрами; вмѣстѣ съ тѣмъ „разборъ“ устанавливалъ, что и въ своемъ безправіи евреи не всѣ равны предъ закономъ.

Нѣкоторые законы, относящіеся къ первымъ годамъ правленія Александра II, свидѣтельствуютъ, что государь не былъ свободенъ отъ того боязливаго недоувѣрія къ евреямъ, которое въ предшествовавшее царствованіе направило государственную власть не на реформу еврейскаго быта, а на мелкую, можно сказать, партизанскую войну съ евреями, въ основѣ лишенную опредѣленной цѣли. Однако, одновременно государемъ были отмѣнены нѣкоторыя старыя ограниченія и онъ вообще санкціонировалъ мѣры, противорѣчившія законодательной системѣ послѣднихъ десятилѣтій. Правда, въ его резолюціяхъ или чувствовалось опасеніе, не угрожаютъ ли евреи въ томъ или иномъ отношеніи государственнымъ видамъ и интересамъ христіанскаго населенія, или выражался личный взглядъ на данный вопросъ; но при всемъ томъ государь предоставлялъ правительству свободу въ отношеніи отдѣльныхъ смягченій законодательства.

Когда въ 1856 г. предсѣдатель еврейскаго комитета Киселевъ представилъ государю, что сліянію евреевъ съ общимъ населеніемъ препятствуютъ разныя ограниченія, государь

повелѣлъ: „Пересмотрѣть всѣ существующія о евреяхъ постановленія для сліянія сего народа съ коренными жителями, поколику нравственное состояніе евреевъ можетъ сіе дозволить“.

Указаніе на „нравственное состояніе“ евреевъ предопредѣлило поле дѣятельности комитета: смягченіе ограничительнаго законодательства могло коснуться лишь нѣкоторыхъ сторонъ еврейской жизни, поскольку нравственное состояніе евреевъ, т. е. приписываемые имъ фанатизмъ и экономическая вредоносность, не угрожали правительству и христіанскому населенію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это повелѣніе открыло новый путь для разрѣшенія еврейскаго вопроса, знаменуя коренное измѣненіе въ правительственной политикѣ по отношенію къ евреямъ—господствовавшая до сихъ поръ идея, что преобразование ихъ можетъ быть достигнуто лишь помощью репрессій, должна была уступить теперь мѣсто мысли о необходимости въ этихъ цѣляхъ смягчить ограниченія. Въ засѣданіи 31 марта 1856 г. еврейскому комитету было доложено объ указанномъ высочайшемъ повелѣніи и тогда, среди прочихъ вопросовъ еврейской жизни, было обращено вниманіе на то, что, торгово-промышленная дѣятельность евреевъ стѣсняется законами о жительствовавшихъ.

Однако, новый лозунгъ не звучалъ увѣренно; все еще живо было старое стремленіе добиваться реформы въ еврействѣ стѣснительными мѣрами; такъ, послѣдовавшей въ это время новый законъ о несеніи евреями военной службы, освободивъ ихъ отъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ ограниченій, воспользовался „разборомъ“, чтобы поставить группу „безполезныхъ“ въ болѣе тяжелыя условія, чѣмъ прочихъ евреевъ.

То была предразсвѣтная пора, когда все вокругъ еще тонуло въ сумракѣ уходящей ночи, и не было рѣзкой грани между прошлымъ царствованіемъ и наступившимъ новымъ.

Этими условіями объясняется и неудача, постигшая сдѣланную въ то время первую попытку эмансипаціи евреевъ

Когда министръ внутр. дѣлъ С. Ланской подвергъ пересмотру вопросъ объ осуществленіи мѣры „разбора“, новороссійскій генер.-губернаторъ, графъ А. Г. Строгановъ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы высказать свой взглядъ на еврейскій вопросъ во всей его широтѣ. Пока въ западно-

европейскихъ государствахъ существовали правовыя ограниченія—указывалъ гр. Строгановъ въ письмѣ (1858 г.) на имя Ланского — евреи въ нравственномъ отношеніи стояли низко—„по мѣрѣ же того, какъ правительства начали показывать себя болѣе благопріятными евреямъ... они тотчасъ становились полезными членами общества наравнѣ съ другими гражданами... Такойъ удачный опытъ сліянія ихъ съ коренными обитателями Западной Европы вполне заслуживаетъ быть принятымъ въ соображеніе и у насъ при обсужденіи мѣрѣ сліянія евреевъ съ коренными жителями Имперіи, и что касается меня, то, говоря со всею откровенностью, я *считаю самую успѣшную мѣрою* для достиженія упомянутой цѣли правительства *уравненіе евреевъ во всѣхъ правахъ* съ другими подданными податного сословія... Это вполне соответствовало бы духу нынѣшняго времени и совершенно было бы согласно съ законами справедливости, ибо, если евреи несутъ всѣ государственныя и общественныя обязанности, участвуютъ въ общественныхъ выборахъ, то отчего же тѣ-же самые люди не могутъ имѣть права занимать тѣ должности, которыя занимаютъ избираемые ими, искать тѣхъ занятій, какія кажутся имъ лучше, жить, гдѣ признается имъ удобнѣе“.

Отмѣтивъ далѣе полезную торгово-промышленную дѣятельность евреевъ и ихъ положительныя нравственныя качества, которыя могли бы служить примѣромъ для другихъ, еслибы! законъ не дѣлалъ въ отношеніи евреевъ различія и „слѣдовательно, не было бы презрѣнія ко всѣмъ еврейскимъ нравамъ“, гр. Строгановъ заключилъ свое донесеніе заявленіемъ, что „сравненіе ихъ (евреевъ) въ гражданскихъ правахъ съ туземцами не только соответствовало бы законамъ справедливости, но принесло бы пользу народной нашей промышленности и тѣмъ самымъ, нѣтъ сомнѣнія, много способствовало бы даже ослабленію религіознаго фанатизма евреевъ, о чемъ такъ сильно заботится само правительство. Этимъ путемъ шелъ Западъ къ достиженію высокой цѣли сліянія евреевъ съ христіанами, цѣли, столь близко связанной съ божественными истинами христіанства, и въ этомъ отношеніи послѣднія пренія въ англійскомъ парламентѣ, какъ кажется, окончательно убѣждаютъ, что евреи должны

быть уравниены во всѣхъ правахъ съ коренными жителями, и что *въ исключительныхъ для нихъ постановленіяхъ въ настоящее время не предстоитъ никакой надобности*“.

Министръ внутр. дѣлъ Ланской поддержалъ взглядъ гр. Строганова. Высказавшись за то, чтобы произведенный „разборъ“ былъ оставленъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, Ланской, ссылаясь на гр. Строганова, заявилъ въ докладѣ еврейскому комитету (октябрь 1858 г.), руководимому гр. Блудовымъ, „что сліянiе или, выражаясь точнѣе — сближеніе еврейскаго народа съ коренными жителями по образованію, занятіямъ и тому подобное... можно достигнуть *только уравненіемъ евреевъ въ правахъ съ прочими жителями Имперіи*, и потому всякаго рода исключительныя постановленія для нихъ, если только они не относятся до религіи, разныя стѣсненія и ограниченія слѣдуетъ признать положительно препятствующими сближенію ихъ съ прочимъ народонаселеніемъ и едва ли не главною и единственною причиною того жалкаго положенія, въ какомъ они остаются у насъ до сихъ поръ“. Но проектъ гр. Строганова и Ланского былъ отвергнутъ еврейскимъ комитетомъ; его предсѣдатель, дѣятель николаевской эпохи, высказался (1859 г.) въ томъ смыслѣ, что „уравненіе евреевъ въ правахъ съ коренными жителями не можетъ иначе послѣдовать, какъ *постепенно*, по мѣрѣ распространенія между ними истиннаго просвѣщенія, измѣненія ихъ внутренней жизни, обращенія ихъ дѣятельности на полезныя занятія“.

Эта мысль и была принята государемъ, положившимъ резолюцію: „Совершенно справедливо“ ⁶⁶).

Такимъ образомъ, предложеніе объ уничтоженіи однимъ ударомъ всѣхъ ограниченій было отклонено; но, съ другой стороны, благодаря постановленію комитета возвращеніе къ политикѣ предшествующихъ десятилѣтій стало невозможнымъ. Нѣсколько позже идея о томъ, что пріобщеніе евреевъ къ общей гражданской жизни будетъ достигнуто помощью облегченія ихъ положенія, вылилась еще въ болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ.

„Улучшая положеніе евреевъ вообще въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ—гласилъ всеподданнѣйшій докладъ Блудова, представленный въ 1860 г.—и отдѣляя отъ об-

щей массы еврейскаго населенія людей, вліятельныхъ по богатству и образованію, можно надѣяться, что мѣра слиянія евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, при постоянномъ на сіе обращеніи вниманія правительства, совершится съ успѣхомъ и рано или поздно мы достигнемъ въ отношеніи евреевъ тѣхъ-же результатовъ, какихъ достигли правительства нѣкоторыхъ западныхъ государствъ". И государь своей резолюціей „совершенно раздѣляю ваше мнѣніе“ засвидѣтельствовалъ, что онъ придерживается того-же взгляда.

Необходимость идти по пути освобожденія евреевъ отъ законодательныхъ оковъ стала аксіомой. Съ прошлымъ было порвано. Но все же политическіе предрасудки, упорно культивировавшіеся въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, не могли исчезнуть сразу; ихъ вліяніе еще надолго сохранило свою силу. Этому способствовало въ значительной степени и то, что мѣстныя власти не были освѣдомлены о намѣреніяхъ центрального правительства. Когда кіевскій генер.-губернаторъ кн. И. Васильчиковъ, самъ выступавшій въ пользу постепенной эмансипаціи, попросилъ Ланского дать ему болѣе обстоятельное объясненіе по поводу постановленій еврейскаго комитета, Блудовъ воспротивился огласкѣ правительственныхъ предположеній, согласившись ознакомить съ ними конфиденціально лишь отдѣльныхъ представителей мѣстной власти.

Особая роль выпала на долю идеи, положенной въ основаніе „разбора“. Даже тогда, когда эта мѣра была отмѣнена еврейскимъ комитетомъ (1858 г.), принципъ, которымъ она была продиктована, продолжалъ пользоваться симпатіями въ правительственныхъ кругахъ, и потому онъ не могъ быть забытъ при первыхъ-же шагахъ, направленныхъ къ освобожденію евреевъ отъ правовыхъ путъ.

Высочайшее повелѣніе, данное въ 1856 г. Киселеву, и высочайше утвержденныя представленія Блудова связали постепенное смягченіе ограниченій однимъ и тѣмъ-же условіемъ — „поколику нравственное состояніе евреевъ можетъ сіе дозволить“, или, какъ выразился Блудовъ, „по мѣрѣ распространенія между ними истиннаго просвѣщенія, измѣненія ихъ внутренней жизни и обращенія ихъ дѣятельности на полезныя занятія“, „отдѣляя отъ общей массы еврейскаго населенія людей вліятельныхъ по богатству и образованію“.

Здѣсь торжествовалъ старый принципъ неравенства евреевъ въ безправіи — если раньше было рѣшено примѣнить къ „безполезнымъ“ евреямъ новыя репрессивныя мѣры, то теперь имъ было суждено образовать многочисленную группу, на которую не должны были распространяться облегчительныя мѣры. Имѣлось въ виду смягчить участь лишь небольшой категоріи евреевъ, которые становились такимъ путемъ привилегированными въ сравненіи съ прочей массой.

Правительству предстояло разбить еврейское населеніе на группы, сообразно ихъ полезности и безполезности. Но ему не довелось самостоятельно выполнить эту задачу, — нашлись сотрудники въ средѣ самихъ евреевъ: въ 1856 году нѣсколько еврейскихъ купцовъ обратились къ государю съ просьбой о дарованіи нѣкоторыхъ правъ не всему еврейскому населенію, а лишь отдѣльными категоріямъ.

„Если молодое поколѣніе, — заявили ходатаи — воспитанное въ духѣ и подѣ надзоромъ правительства, если высшее купечество, много лѣтъ разливавшее жизнь, дѣятельность и богатство въ краѣ, если добросовѣстные ремесленники, добывающіе хлѣбъ свой въ потѣ лица, *будутъ отличены правительствомъ бѣльшими правами* отъ тѣхъ, которые ничѣмъ еще не засвидѣтельствовали объ особенной своей благонамѣренности, пользѣ и трудолюбіи, тогда весь народъ, видя въ этихъ *немногихъ избранныхъ* предметъ справедливости и благоволенія правительства, и, такъ сказать, образцы того, какими, по его желанію, должны сдѣлаться евреи, съ радостью устремится къ достиженію указанной правительствомъ цѣли (т. е. сліянія съ прочимъ населеніемъ)... Ходатайство наше — говорили далѣе просители — состоитъ въ томъ, чтобы Милосердный Монархъ пожаловалъ насъ и, *отличая шеницу отъ плевелъ*, благоволилъ, въ видѣ поощренія къ добру и похвальной дѣятельности, предоставить нѣкоторыя умѣренныя, впрочемъ, льготы *достоинѣйшимъ, образованнымъ изъ насъ*“ — эти просимыя льготы заключались въ томъ, чтобы почетные граждане, купцы, состоявшіе извѣстное число лѣтъ въ 1 или 2 гильдіи, а также солдаты, были уравнены въ правахъ съ прочимъ населеніемъ, а „лучшіе“ изъ ремесленниковъ и окончившіе технологическій институтъ — допущены за предѣлы черты осѣдлости. Въ заключеніе хо-

датаи вновь просили предоставить „лучшимъ изъ насъ“ доступъ во внутреннія губерніи.

Эта записка виднѣйшихъ представителей еврейскаго купечества должна была, въ условіяхъ момента, произвести впечатлѣніе, что сами евреи, въ лицѣ тѣхъ изъ нихъ, которые по своему общественному положенію болѣе другихъ соприкасались съ правительствомъ и русскимъ обществомъ, признаютъ цѣлесообразнымъ расширить права евреевъ въ зависимости отъ ихъ „полезности“: облегченіе условій еврейской жизни должно было послѣдовать не въ видѣ отмѣны извѣстныхъ категорій ограниченій въ отношеніи *всего* еврейскаго населенія, а въ формѣ смягченія правового положенія лишь отдѣльных привилегированныхъ группъ. Записка еврейскихъ купцовъ не сыграла рѣшающей роли въ дальнейшей исторіи законодательства о евреяхъ, но, распространенная въ копіяхъ по правительственнымъ канцеляріямъ, несомнѣнно популяризировала принципъ „разбора“.

Эта система постепеннаго расширенія правъ евреевъ въ зависимости отъ извѣстныхъ качествъ, присущихъ той или иной группѣ еврейскаго населенія, сказалась болѣе всего въ разрѣшеніи вопросовъ о правѣ жительства.

Борьба за право повсемѣстнаго жительства.

I.

Отношеніе имп. Александра II къ законамъ о жительствѣ.—Противодѣйствіе еврейскаго комитета смягченію этихъ законовъ.—Предоставленіе повсемѣстнаго жительства купцамъ і гильдіи.—Необходимость расширить территорію осѣдности евреевъ, въ виду ихъ бѣдственнаго состоянія.—Безуспѣшное выступленіе министровъ внутр. дѣлъ и просвѣщенія въ пользу этой мѣры.—Борьба старыхъ завѣтовъ съ новыми лозунгами.—Страхъ предъ „фанатизмомъ“ евреевъ.—Раздѣленіе группы лицъ съ высшимъ образованіемъ на „опасныхъ“ и „безопасныхъ“ для окружающаго населенія.—Характерное сужденіе Госуд. совѣта о лекаряхъ.—Предоставленіе повсемѣстнаго жительства евреямъ съ учеными степенями, но не съ высшимъ образованіемъ.

Находясь въ первое время по вступленіи на престолъ подъ воздѣйствіемъ общаго духа предшествующаго царствованія, имп. Александръ II относился боязливо къ попыткамъ ослабить законы о чертѣ осѣдности.

Такъ, когда въ маѣ 1855 г. по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, сдѣланному по соглашенію съ министрами военнымъ и финансовъ, комитетъ министровъ постановилъ дозволить евреямъ, въ виду военныхъ дѣйствій, производить маркитантскій торгъ повсюду, при войскахъ, не считаясь съ законами о жительствѣ, государь отклонилъ рѣшеніе комитета, положивъ резолюцію: „оставить на нынѣшнюю войну, гдѣ есть, но вновь не допускать“. Тогда-же государь разрѣшилъ полкамъ и военноучебнымъ заведеніямъ имѣть внѣ черты осѣдлости не болѣе, чѣмъ по одному портному и закройщику изъ евреевъ.

Однако, государь отнюдь не имѣлъ въ виду оставить въ силѣ всѣ старые запреты въ отношеніи жительства; положивъ въ основаніе правительственной дѣятельности о евреяхъ принципъ *постепенности*, имп. Александръ II, противясь немедленному упраздненію черты осѣдлости, поощрялъ правительство къ отмѣнѣ ограниченій въ отношеніи извѣстныхъ группъ еврейскаго населенія. Отклонивъ въ 1856 г. ходатайство рижскаго купца Брайнина о предоставленіи права повсемѣстнаго жительства *всѣмъ* евреямъ, государь повелѣлъ разсмотрѣть это ходатайство въ примѣненіи къ почетнымъ гражданамъ и купцамъ 1 и 2 гильдій. Вслѣдъ за тѣмъ онъ повелѣлъ обратить особое вниманіе на предположенія кievскаго генер.-губернатора кн. Васильчикова, который, высказываясь о мѣрахъ къ преобразованіи евреевъ, предложилъ разрѣшить почетнымъ гражданамъ и купцамъ право жительства и торговли во внутреннихъ губерніяхъ.

Министръ финансовъ Брокъ призналъ, что расширеніе правъ евреевъ-капиталистовъ въ отношеніи жительства не только не было бы въ противорѣчій съ государственной пользой, а, болѣе того, соответствовало бы коммерческимъ видамъ правительства. Правда, требованіе „осторожности, постепенности и соразмѣрности“ заставило его ввести намѣченныя имъ облегченія въ тѣсныя рамки: онъ предложилъ предоставить купцамъ право жительства не во всѣхъ внутреннихъ губерніяхъ, а лишь на площади, образуемой тогдашними желѣзнодорожными линіями, пограничными пунктами которой являлись бы Харьковъ, Орелъ и Курскъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это облегченіе должно было коснуться

не только первостатейныхъ купцовъ; Брокъ намѣревался распространить облегченіе на все торговое сословіе. Однако, этой попыткѣ пойти въ разрѣзъ съ идеей „разбора“ не суждено было осуществиться. Подъ формальнымъ предлогомъ его проектъ не получилъ движенія, а вскорѣ былъ выдвинутъ на очередь законопроектъ министра внутр. дѣлъ, предоставлявшій—впредь до выработки закона о купцахъ 2 гильдіи—право жительства по всѣмъ внутреннимъ губерніямъ однимъ лишь купцамъ 1 гильдіи.

Какъ ни было скромно это предложеніе, составлявшее въ сущности только часть намѣченныхъ государемъ облегченій, долженствовавшихъ распространиться и на купцовъ 2 гильдіи, еврейскій комитетъ, повидимому, подъ вліяніемъ своего предсѣдателя, съ крайней неохотой занялся раскрѣпощеніемъ евреевъ. Онъ счелъ своимъ долгомъ отмѣтить, что водвореніе евреевъ внѣ черты осѣдлости недопустимо, „доколѣ не совершится нравственное ихъ преобразование“; впрочемъ, не слѣдуетъ „смѣшивать съ этой массою народа непросвѣщеннаго и непроизводительнаго то небольшое число евреевъ, которое, обладая значительными капиталами и производя обширную торговлю заграничную и внутреннюю, рѣзко отдѣлились отъ своихъ единовѣрцевъ и средствами жизни, и своимъ положеніемъ въ обществѣ“; предоставленіе повсемѣстнаго жительства купцамъ должно было, по мнѣнію комитета, имѣть своеобразное воспитательное значеніе: эта мѣра „болѣе всего можетъ подѣйствовать на массу евреевъ и привести ихъ къ убѣжденію, что только честнымъ трудомъ и правильною торговлей они могутъ получить право на распространеніе торговой ихъ дѣятельности внѣ черты нынѣшней осѣдлости“.

Создавался заколдованный кругъ. Чтобы выйти за предѣлы черты осѣдлости, нужно было обладать капиталомъ, а между тѣмъ именно стѣсненія въ передвиженіи препятствовали нормальному развитію торгово-промышленной дѣятельности среди еврейскаго населенія, обрекая его на нищету. Чтобы воспользоваться свободой въ избраніи мѣста жительства, надо было достигнуть извѣстной степени общаго образованія; но именно тяжелое матеріальное положеніе и скученность тормозили дѣло просвѣщенія.

Раскрытіе воротъ гетто предъ купцами первой гильдіи,

число коихъ было незначительно, являлось шагомъ весьма скромнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что обѣщали евреямъ провозглашенные тогда освободительные лозунги. Но и выпуская эту горсть евреевъ по ту сторону черты осѣдлости, еврейскій комитетъ не могъ отказаться отъ старой привычки создавать фантомы. Какія только не были предложены предохранительныя мѣры, безъ которыхъ, какъ хотѣли думать, новый законъ угрожаетъ странѣ самыми опасными послѣдствіями отъ „нашествія“ евреевъ!

Однако подобные страхи были чужды департаменту государственной экономіи (Государственнаго совѣта). Указывая, что новый законъ имѣетъ цѣлью облегчить евреямъ доступъ во внутреннія губерніи, департаментъ отнесся отрицательно къ стѣсненіямъ, поставленнымъ на этомъ пути еврейскимъ комитетомъ: нѣтъ надобности, чтобы до выхода изъ черты осѣдлости евреи находились предварительно десять лѣтъ въ первой гильдіи; нельзя, чтобы причастность еврея къ дѣлу о контрабандѣ лишала его права воспользоваться новымъ закономъ, если онъ не былъ признанъ судомъ виновнымъ; нѣтъ основанія заставлять евреевъ имѣть во внутреннихъ губерніяхъ приказчиковъ и слугъ непременно изъ числа христіанъ, такъ какъ это постановленіе было бы тяжеле, чѣмъ существующее противоположное запрещеніе евреямъ имѣть въ услуженіи христіанъ; нельзя также принуждать къ возвращенію въ черту осѣдлости тѣхъ евреевъ, которые послѣ десятилѣтняго пребыванія въ первой гильдіи утратятъ возможность продолжать платить первую гильдію.

Разнорѣчіе между еврейскимъ комитетомъ и департаментомъ госуд. экономіи нашло свой откликъ и въ засѣданіяхъ соединенныхъ департаментовъ законовъ и экономіи. И здѣсь раздавались голоса, естественно или искусственно дрожавшіе, когда рѣчь шла о допущеніи евреевъ въ центръ Россіи, и высказывавшіеся за систему предохранительныхъ мѣръ.

Но все-же побѣда склонилась въ пользу болѣе прогрессивныхъ элементовъ, и законъ 1859 г. ⁶⁶⁾ разрѣшилъ евреямъ, пробывшимъ пять лѣтъ въ первой гильдіи въ чертѣ осѣдлости, приписываться, на общемъ основаніи, ко всѣмъ городамъ Имперіи и жить тамъ со своими семьями и определеннымъ числомъ слугъ изъ евреевъ; непрерывное же 10-ти

лѣтнее пребываніе въ первой гильдіи внѣ черты осѣдлости предоставляло право оставаться въ данномъ городѣ и по выbytіи изъ гильдіи.

Такимъ образомъ, даже раскрѣпощеніе купцовъ первой гильдіи, пользовавшихся особымъ расположеніемъ правительства, вызвало мелкую, но вмѣстѣ съ тѣмъ настойчивую борьбу между завѣтами прошлаго царствованія и лозунгами новаго. Легко было, при такихъ условіяхъ, предвидѣть, сколь болѣе значительными затрудненіями будутъ встрѣчены попытки облегчить законы о жительство въ отношеніи другихъ группъ еврейскаго населенія.

Въ 1856 г. государь повелѣлъ обратить особое вниманіе на докладъ виленскаго ген.-губернатора Назимова, констатировавшаго, что, несмотря на принимаемая правительствомъ мѣры къ матеріальному и нравственному улучшенію быта евреевъ, послѣдніе представляютъ въ краѣ самую печальную картину. Вслѣдствіе этого министры внутр. дѣлъ Ланской и народнаго просвѣщенія генераль-адъютантъ гр. Путятинъ занялись вопросомъ объ ихъ духовномъ и экономическомъ возрожденіи.

Важнѣйшую причину бѣдственнаго состоянія евреевъ въ краѣ они усмотрѣли въ ненормальномъ количественномъ соотношеніи между евреями, по преимуществу, торгово-промышленнымъ элементомъ, и остальной земледѣльческой массой, также находящейся въ жалкомъ положеніи: крестьянство при этомъ условіи неизбежно дѣлается жертвою евреевъ, будучи какъ бы обязано отдавать часть своихъ средствъ на ихъ содержаніе. Съ другой стороны, конкуренція среди самихъ евреевъ настоль чрезмѣрна, что ставитъ ихъ „почти въ невозможность снискивать себѣ законными путями средства къ существованію“. И нравственный упадокъ, и невѣжество евреевъ, заявили министры, являются результатомъ стѣсненій въ жительство и занятіяхъ—„только съ постепенною отмѣной сихъ ограниченій, т. е. съ предоставленіемъ евреямъ возможности снискивать себѣ законными путями средства къ существованію и вообще съ улучшеніемъ ихъ матеріальнаго благосостоянія можно будетъ рассчитывать и на распространеніе между ними образованія и на возвышеніе ихъ нравственнаго уровня. Ставитъ же постепенное улуч-

мненіе нравственности евреевъ условіемъ постепеннаго предоставленія имъ общихъ правъ другихъ подданныхъ, по занятіямъ, значитъ на вѣки осудитъ евреевъ на настоящее ихъ положеніе не только къ собственному ихъ несчастью“, но и къ бѣдствію территоріи, входящей въ составъ черты осѣдлости. Поэтому оба министра сочли нужнымъ предоставить право повсемѣстнаго жительствова, кромѣ купцовъ 1 гильдіи, также 2 и 3 гильдій, а равнымъ образомъ всѣмъ окончившимъ курсъ средняго или высшаго учебнаго заведенія, съ семьями и слугами.

О необходимости облегчить правовое положеніе евреевъ вообще и, въ частности лицъ, получившихъ образованіе, высказался въ это время и кіевскій, волынскій и подольскій генераль-губернаторъ кн. Васильчиковъ. Предлагая даровать право повсемѣстнаго жительствова ремесленникамъ, онъ писалъ: „Это самое право слѣдуетъ, по моему мнѣнію, распространить и на евреевъ, окончившихъ въ казенныхъ училищахъ. Въ этомъ предстоитъ, какъ мнѣ кажется, *самая неотразимая необходимость*. Молодые люди, выходя изъ заведеній, видятъ себя совершенно оторванными отъ еврейскихъ обществъ... Не находя среди своихъ обществъ занятій, сообразныхъ съ полученнымъ ими образованіемъ, они привыкаютъ къ праздности и нерѣдко роняютъ въ глазахъ общества образованіе, коего они являются недостойными представителями. Между тѣмъ какъ, получивъ большій просторъ для своей дѣятельности, молодые люди могли бы легко отыскивать для себя кругъ дѣйствій, болѣе соответствующій ихъ новому образу мыслей, сдѣлавшись истинно честными и вѣрными гражданами. Такая обстановка, съ преобразованіемъ еврейскаго быта, въ свою очередь, могла бы служить вѣщимъ побужденіемъ для евреевъ къ воспріятію гражданственности и къ большому сочувствію интересамъ нашего правительства“.

Однако вышеуказанное мнѣніе двухъ министровъ, по долгу службы заинтересованныхъ въ матеріальномъ и духовномъ благополучіи еврейскаго населенія, оказалось въ несоотвѣтствіи со взглядами предсѣдателя еврейскаго комитета Блудова, который уже привелъ еврейскій вопросъ зъ тупикъ, требуя, чтобы право повсемѣстнаго жительствова слу-

жило наградой тѣмъ, кто успѣлъ развить свою торгово-промышленную дѣятельность или достигъ извѣстной степени образованія. Еврейскій комитетъ нашелъ правильными объясненія министровъ по поводу бѣдственнаго, невѣжественнаго состоянія евреевъ; онъ также призналъ, что „главная причина печальнаго во всѣхъ отношеніяхъ положенія евреевъ“ таится въ законодательствѣ, которое, сосредоточивая ихъ въ сравнительно малой части Имперіи, ограничиваетъ ихъ, сверхъ того, въ предѣлахъ черты осѣдлости „почти во всѣхъ отрасляхъ промышленной дѣятельности“; еврейскій комитетъ согласился, вмѣстѣ съ тѣмъ, что только отмѣна ограниченій приведетъ къ возрожденію еврейскаго народа. Но все же комитетъ снялъ съ очереди предложеніе министровъ, ссылаясь на предстоящій пересмотръ торговаго устава.

Еврейскій комитетъ сдѣлалъ лишь одну уступку—онъ выразилъ готовность предоставить право повсемѣстнаго жительства, кромѣ докторовъ и магистровъ ⁶⁷⁾, уже пользовавшихся таковымъ, однимъ только кандидатамъ университетовъ, но отнюдь не лекарямъ, хотя бы ихъ медицинскія званія соответствовали званію кандидата другихъ факультетовъ, что и было высочайше утверждено (1861 г.).

Это предложеніе ясно указывало, что въ нѣдрахъ еврейскаго комитета происходила глухая борьба между носителями идей предшествующаго царствованія и провозвѣстниками новой государственной жизни. Исключеніе лекарей изъ группы лицъ, коимъ образованіе должно было открытъ доступъ за предѣлы черты осѣдлости, свидѣтельствовало, что призывъ правительства къ просвѣщенію былъ еще для многихъ государственныхъ людей пустымъ звукомъ. Болѣе того, мысль, что евреи дѣйствительно устремятся къ общему образованію вспугнула реакціонные правительственные круги. Чтобы сохранить ограниченія, было рѣшено прибѣгнуть къ старому пугалу, которое, казалось бы, должно было утратить при свѣтѣ дня свой ночной обликъ; этимъ страшилищемъ явился—„фанатизмъ“ евреевъ.

Страхъ правительства предъ „фанатизмомъ“ евреевъ, будто угрожающимъ прочему населенію, былъ особенно силенъ въ царствованіе Николая I; однажды было даже произведено по губерніямъ черты осѣдлости особое изыс-

каніе, въ чемъ заключается „фанатизмъ“; однако донесенія мѣстныхъ властей разсѣяли всякія опасенія; „заблужденія“ евреевъ оказались совершенно безвредными для государства и христіанскаго населенія; для того же, чтобы искоренить въ еврействѣ такъ называемые предрасудки, мѣстные власти рекомендовали одно средство—распространить среди него просвѣщеніе ⁶⁸). Теперь же, спустя десятилѣтія, прибѣгли къ миѳическому, лишенному всякой конкретности „фанатизму“, чтобы, въ злобномъ безсиліи предъ духомъ времени, раздѣлить даже группу евреевъ, которые получили высшее образованіе, на „опасныхъ“ и „безопасныхъ“.

Предвидя, что дарованіе права повсемѣстнаго жительства лицамъ съ образованіемъ побудитъ евреевъ устремиться въ учебныя заведенія, Государственный совѣтъ нашелъ необходимымъ соблюсти въ данномъ случаѣ ту-же постепенность, которая была примѣнена къ купцамъ; право повсемѣстнаго жительства можно предоставить евреямъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда „ими пріобрѣтены обширныя основательныя познанія и когда вообще они получили образованіе, могущее служить ручательствомъ въ отступленіи ихъ отъ заблужденій фанатизма и въ удаленіи отъ вредныхъ, къ сожалѣнію, обычныхъ непросвѣщеннымъ евреямъ дѣйствій и самихъ правилъ.“ Лишь такое „истинное просвѣщеніе, основанное не на поверхностномъ обученіи“, можетъ искоренить въ евреяхъ тѣ предрасудки, которые издавна побуждали правительство принимать мѣры противъ водворенія евреевъ во внутреннихъ губерніяхъ; эти мѣры окажутся недѣйствительными, если пустить туда евреевъ, окончившихъ гимназіи. Впрочемъ, не только курсъ гимназіи, но и университета, оказался въ глазахъ Государств. совѣта недостаточнымъ для превращенія еврея въ просвѣщеннаго человѣка: при настоящемъ состояніи просвѣщенія въ Россіи, заявилъ Государственный совѣтъ, едва ли можно безъ опасенія признать, чтобы еврей, обучавшійся въ высшемъ учебномъ заведеніи, но не получившій степени кандидата, магистра или доктора, чтобы такой еврей былъ совершенно свободенъ отъ предрасудковъ! Право повсемѣстнаго жительства не должно быть поэтому предоставлено окончившимъ университетъ со степенью дѣйствительнаго студента или со званіемъ лекаря, „такъ какъ

вообще медики, не получившіе степени доктора медицины, по односторонности своихъ знаній, не могутъ быть признаваемы людьми, достаточно образованными для того, чтобы пользоваться правомъ, предоставляемымъ евреямъ, получившимъ ученые степени доктора, магистра или кандидата“!

Это мнѣніе Государственнаго совѣта было одобрено свыше и легло въ основаніе закона 27 ноября 1861 года, предоставившаго право повсемѣстнаго жительства однимъ лишь евреямъ, удостоеннымъ ученыхъ степеней, но отнюдь не вообще окончившимъ высшее учебное заведеніе.

II.

Предложенія министра финансовъ Рейтерна и внутр. дѣлъ Валуева о дарованіи права повсемѣстнаго жительства торгово-промышленному сословію и ремесленникамъ, въ совокупности граничившія съ отмѣной черты осѣдлости.—Черта осѣдлости понижаетъ нравственный уровень евреевъ.—Мнѣніе мѣстныхъ властей.—Отрицательное отношеніе комитета министровъ къ обоимъ представленіямъ.—Новый благопріятный анкетный матеріалъ по вопросу о чертѣ осѣдлости.—Ходатайство Астраханскаго губернатора.—Законъ 1865 г. о ремесленникахъ и мастерахъ.—Предоставленіе отставнымъ нижнимъ чинамъ права повсемѣстнаго жительства (1867 г.).—Исторія закона 1879 г. о лицахъ съ высшимъ образованіемъ и медицинскихъ профессій.

Надежда еврейскаго комитета отсрочить на болѣе далекое время вопросъ о повсемѣстномъ жительствѣ еврейскаго торгово-промышленнаго сословія не оправдалась. Уже въ 1862 г. министръ финансовъ Рейтернъ, представивъ Государственному совѣту проектъ новаго Положенія о пощлинахъ, высказался за необходимость дозволить евреямъ, занимающимся торговлей, промыслами и ремеслами, селиться повсемѣстно и пользоваться торговыми и промышленными правами наравнѣ съ прочимъ населеніемъ. Государственный совѣтъ согласился съ доводами Рейтерна въ пользу расширенія для евреевъ раіона жительства, на которомъ они могли-бы найти поле для торгово-промышленной дѣятельности; но въ виду того, что затронутый вопросъ находится въ тѣсной связи съ другими законами, касающимися гражданскаго положенія евреевъ, Государственн. совѣтъ предложилъ Рейтерну направить свой проектъ въ еврейскій комитетъ.

Въ своемъ представленіи комитету Рейтернъ обратилъ

вниманіе на то, что крайній нравственный упадокъ еврейскаго населенія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ весьма неблагопріятныхъ условій, въ которыя евреи поставлены въ отношеніи пріобрѣтенія средствъ къ существованію. Поэтому первою заботою правительства должно быть „устраненіе тѣхъ матеріальныхъ препятствій, которыя еврей встрѣчаетъ на каждомъ шагу въ попыткахъ къ улучшенію своей участи; умственное же образованіе и нравственное развитіе евреевъ будутъ несомнѣннымъ послѣдствіемъ улучшенія ихъ матеріальнаго быта, съ устраненіемъ тѣхъ ограниченій, которымъ они подлежатъ въ производствѣ торговли и разныхъ промысловъ“. Еврей, по своему основному характеру и вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, говорилъ Рейтернъ, вообще не склоненъ къ прочной осѣдлости. Онъ, по преимуществу, торговецъ, промышленникъ. Промышленный элементъ, вносимый имъ на рынокъ, оказываетъ значительную пользу тамъ, гдѣ удовлетворяетъ требованіямъ рынка, гдѣ предложеніе услугъ соотвѣтствуетъ спросу. Но въ Западномъ краѣ—средоточіи постоянной осѣдлости евреевъ—соразмѣрность эта давно уже нарушена. Тамъ они составляютъ отъ 10 до 12 процентовъ общей массы населенія. При такихъ обстоятельствахъ, когда въ мѣстностяхъ, не богатыхъ производительностью, изъ девяти человѣкъ коренныхъ жителей одинъ вынужденъ снискивать себѣ средства къ пропитанію преимущественно посредничествомъ между производителями и потребителями, притомъ съ разными ограниченіями въ этомъ занятіи,—заработки эти, въ общей массѣ, до того скудны, что почти не представляютъ евреямъ возможности существовать законными способами пріобрѣтенія. Конкуренція между евреями Западнаго края, указывалъ Рейтернъ, развилась до крайнихъ предѣловъ. При такомъ условіи евреи обречены на крайнюю бѣдность, а прочее населеніе лишено возможности принять участіе въ промышленности, такъ какъ соперничество евреевъ сильно понизило размѣръ прибыли. Чтобы устранить это, необходимо, по словамъ министра финансовъ, расширить для евреевъ рынокъ, направить ихъ промышленную дѣятельность туда, гдѣ чувствуется потребность въ ней. Въ большей части внутреннихъ губерній, особенно въ мѣстностяхъ земе-

дѣльческихъ, промышленная дѣятельность развита чрезвычайно слабо. Тамъ замѣчаются также недостатокъ въ капиталахъ и полное отсутствіе предприимчивости въ населеніи. Внѣдреніе торгово-промышленнаго еврейскаго элемента въ земледѣльческую массу принесло бы, заявилъ Рейтернъ, неисчислимую пользу, съ одной стороны, самимъ евреямъ, облегчая и обезпечивая имъ средства къ существованію, а съ другой, какъ Западному краю, который освободился бы отъ излишка еврейскаго населенія, такъ и прочимъ мѣстностямъ Имперіи, куда евреи внесли бы капиталы, предприимчивость и полезную конкуренцію.

Опасеніе, что евреи отстранятъ русскихъ отъ торговли, удалятъ ихъ отъ рынка, говорилъ Рейтернъ, не имѣетъ основанія. Напротивъ, государство выиграло бы: „правильнымъ распредѣленіемъ народонаселенія; увеличеніемъ казенныхъ податей; уменьшеніемъ контрабанды; полезною конкуренціею при подрядахъ, поставкахъ и проч.; улучшеніемъ благосостоянія сельскаго населенія въ Западномъ краѣ, съ одновременнымъ оживленіемъ промышленности и въ прочихъ частяхъ Имперіи“.

По этимъ причинамъ министръ финансовъ предложилъ постановить: „Евреямъ русскимъ подданнымъ, занимающимся торговлею, промыслами и ремеслами, дозволяется селиться во всѣхъ мѣстностяхъ Имперіи и пользоваться торговыми и промышленными правами наравнѣ съ кореннымъ населеніемъ“⁶⁹).

Въ это время на разсмотрѣніе еврейскаго комитета была внесена министерствомъ внутреннихъ дѣлъ записка о правѣ повсемѣстнаго жительства ремесленниковъ.

Вопросъ о бѣдственномъ положеніи ремесленниковъ былъ поднятъ тогда-же, когда правительство признало необходимою постепенную эмансипацію. Ланской немедленно вступилъ (1856 г.) въ переписку съ генераль-губернаторами и губернаторами о стѣсненіяхъ, препятствующихъ ремесленному труду среди евреевъ, и тогда раздались голоса, что важнѣйшей причиной, парализующей въ этомъ отношеніи благіе результаты, является существованіе черты осѣдлости.

Могилевскій губернаторъ отмѣтилъ, что со времени введенія въ губерніи ремесленныхъ цеховъ, между евреями

оказалось очень много отличныхъ мастеровъ, произведенія которыхъ отличаются изяществомъ и прочностью; но ихъ искусство остается бесплоднымъ главнымъ образомъ вслѣдствіе весьма значительнаго числа мастеровъ, несоразмѣрнаго съ потребностями бѣднаго края; евреи „отъ недостатка заказовъ терпятъ большую нужду и, при полученіи работы, вынуждены прибѣгать къ обману“, вслѣдствіе чего они часто становятся вредными членами общества, между тѣмъ какъ при другихъ условіяхъ еврей-ремесленники могли бы быть полезными „и для себя, и для общества“; въ виду этого губернаторъ предложилъ дозволить ремесленникамъ проживать внѣ черты осѣдлости.

Черниговскій губернаторъ, ссылаясь на то, что мѣстные евреи почти совершенно слились во внѣшней жизни съ прочимъ населеніемъ, ходатайствовалъ, чтобы для евреевъ Малороссіи были вообще отмѣнены всѣ ограниченія.

Кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ объяснилъ, что въ городахъ Западнаго края, переполненныхъ евреями, имѣется много мастеровыхъ, которые, вслѣдствіе чрезмѣрной конкуренціи, лишены „всѣхъ средствъ къ честному труду“ и потому „готовы на всякое предпріятіе, лишь бы добыть себѣ пропитаніе“. Между тѣмъ, съ разрѣшеніемъ ремесленникамъ водворяться во внутреннихъ губерніяхъ, еврейскія общества освободились бы отъ тягостной для нихъ уплаты податей за неимущихъ членовъ, а мѣстности, лежащія внѣ черты осѣдлости, получили бы рабочія руки, въ которыхъ тамъ ощущается такой недостатокъ.

Новороссійскій генералъ-губернаторъ гр. Строгановъ высказался въ пользу немедленной полной эмансипаціи.

Лифляндскій, эстляндскій и курляндскій генералъ-губернаторъ гр. Шуваловъ, указавъ на то, что существующее запрещеніе евреямъ вновь водворяться въ краѣ фактически не осуществляется въ силу мѣстныхъ торговыхъ условій, ходатайствовалъ объ отмѣнѣ этого запрета, какъ въ интересахъ Прибалтійскаго края, такъ и во избѣжаніе нарушенія закона; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ вообще разрѣшить евреямъ повсемѣстное жительство.

Одновременно изъ внутреннихъ губерній поступили под-

держанная министерствомъ финансовъ ходатайства о разрѣшеніи повсемѣстнаго жительства техникамъ, винокурамъ, дестилляторамъ и пивоварамъ, такъ какъ въ нихъ ощущается крайній недостатокъ.

Всѣ эти представленія побудили министра внутреннихъ дѣлъ Валуева внести въ еврейскій комитетъ (октябрь 1862 г.) предложеніе о дозволеніи ремесленникамъ и другимъ техникамъ селиться по всей Имперіи.

Къ указаннымъ документамъ была приложена также приведенная выше записка еврейскихъ купцовъ, и какой же убогой, эгоистической представилась она наряду съ требованіями администраторовъ! Еврейскіе ходатаи сами это поняли и они вручили теперь (1862 г.) предсѣдателю еврейскаго комитета и министру внутреннихъ дѣлъ новыя записки, въ которыхъ выразили сожалѣніе, что принятая правительствомъ система постепенности, вмѣсто того, чтобы примѣняться къ категоріямъ запретовъ, въ извѣстной послѣдовательности снимаемыхъ со *всего* народа, ограничилась освобожденіемъ лишь отдѣльныхъ личностей отъ правовыхъ стѣсненій, вслѣдствіе чего еврейское населеніе „не получило ощутительнаго облегченія“. При этомъ еврейскіе представители просили объ уравниеніи евреевъ, окончившихъ гимназическій курсъ, въ гражданскихъ правахъ съ коренными русскими.

Записки Рейтерна о торговомъ сословіи и Валуева о ремесленникахъ не успѣли еще быть разсмотрѣны, когда еврейскій комитетъ былъ закрытъ (1864 г.), и онѣ были переданы въ комитетъ министровъ. Здѣсь проекты не нашли достаточнаго сочувствія, и обоимъ министрамъ было предложено, если они пожелаютъ, внести законопроекты въ Государственный совѣтъ, пересмотрѣвъ таковыя.

Являлось ли, однако, такое отрицательное отношеніе къ расширенію правъ евреевъ господствующимъ въ то время среди администраціи? Отнюдь нѣтъ. Лишь отдѣльные представители власти на мѣстахъ были официально освѣдомлены о направленіи новой политики, клонящейся къ постепенной эмансипаціи, а потому большинство администраторовъ не имѣли повода коснуться вопроса о евреяхъ. Но когда въ 1862 г., по высочайшему повелѣнію, испрошенному главно-

управляющимъ вторымъ отдѣленіемъ С. Е. И. В. канцеляріи бар. Корфомъ, была разослана по различнымъ учрежденіямъ записка Евзеля Гинцбурга, (впослѣдствіе барона), въ которой онъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ различныхъ ограниченій, многіе представители власти высказались въ пользу облегченія правового положенія евреевъ.

С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій, подойдя къ вопросу исключительно съ точки зрѣнія интересовъ государства, заявилъ, что назначенныя для жительства евреевъ мѣстности заключены въ слишкомъ тѣсныя предѣлы, въ сравненіи съ численностью еврейскаго народонаселенія, простирающагося до 1¹/₂ милліона душъ—„будучи по природѣ склонными заниматься ремеслами и торговлею, евреи, по чрезмѣрной густотѣ своего населенія, особенно въ Западномъ краѣ, лишены возможности пропитываться сими средствами;—тогда какъ допущеніе еврейскихъ ремесленниковъ и мастеровыхъ проживать временно во внутреннихъ губерніяхъ, какъ я убѣдился во время своей службы въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, принесло-бы большую пользу мѣстному населенію, имѣющему въ нихъ большой недостатокъ и въ то-же время избавило-бы мѣста постоянной осѣдлости евреевъ отъ излишняго скопленія мастеровыхъ, чрезмѣрная и ненормальная конкуренція которыхъ на родинѣ ввергаетъ ихъ часто въ нищету“; ограниченія въ отношеніи торговли во внутреннихъ губерніяхъ, можетъ быть, и служатъ къ удержанію евреевъ отъ захвата торговли въ свои руки, въ ущербъ русскимъ купцамъ; но въ такомъ случаѣ почему бы недопустить купцовъ евреевъ и ихъ приказчиковъ пріѣзжать для торговыхъ дѣлъ, наравнѣ съ иногородними русскими купцами, въ столицы и портовые города, куда имѣютъ доступъ и всѣ иностранцы.

Графъ Суворовъ обратилъ также вниманіе на то, что солдаты изъ евреевъ, по выходѣ въ оставку, обязаны возвращаться на родину, гдѣ они, отвыкнувъ во время службы отъ мѣстныхъ обычаевъ, иногда потерявъ и всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ, часто бываютъ не въ состояніи пріискать себѣ какого-либо занятія; между тѣмъ, свыкшись съ образомъ жизни въ мѣстностяхъ, гдѣ они находились на службѣ, они легче могли бы найти тамъ средства къ суще-

ствованію. Что касается лицъ съ высшимъ образованіемъ, то графъ Суворовъ нашель, что право повсемѣстнаго жительства должно быть предоставлено и лекарямъ—„лекаръ-еврей, вполне соответствуя по своей ученой степени кандидату другихъ факультетовъ, можетъ, при томъ, своимъ знаніемъ принести болѣе послѣдняго пользы обществу“.

• Новый новороссійскій и бессарабскій генер.-губернаторъ Коцебу, котораго никакъ нельзя причислить къ друзьямъ евреевъ, писалъ: „Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что усиливающаяся аггломерация и стѣсненіе еврейскаго населенія въ извѣстныхъ только мѣстностяхъ Имперіи—послѣдствіе существующаго ограниченія осѣдлости евреевъ—имѣетъ вредное вліяніе на матеріальный и нравственный бытъ какъ самихъ евреевъ, такъ и въ особенности остальной массы мѣстнаго населенія. Вращаясь почти исключительно въ торговыхъ и промышленныхъ занятіяхъ, умножившееся еврейское населеніе помянутыхъ мѣстностей не находитъ уже достаточной пищи для такой предприимчивости, чтобы вести торговлю и промыслы въ предѣлахъ, законами установленныхъ; а потому дѣятельность евреевъ въ мѣстахъ настоящей осѣдлости часто увлекаетъ ихъ къ занятіямъ, имѣющимъ характеръ скорѣе обмана и преступленія, чѣмъ дозволенной торговли и промышленной предприимчивости. Отсюда, весьма естественно, усиливается между евреями бѣдность и даже нищета.—Остальная масса населенія, конечно, не можетъ не страдать въ свою очередь подъ гнетомъ эксплуатированія, въ которомъ, по необходимости, приходится изощряться евреямъ вслѣдствіе безвыходнаго ихъ положенія. Фактъ этотъ неизбѣженъ по самому теоретическому выводу, но онъ еще болѣе очевиденъ для всякаго, кто, живя въ мѣстахъ, заселенныхъ евреями, могъ близко присмотрѣться къ ихъ быту. Съ другой стороны, несомнѣнно и то, что концентрированіе еврейскихъ обществъ и скопленіе евреевъ массами въ извѣстныхъ только мѣстностяхъ способствуетъ поддержанію между евреями того религіознаго фанатизма и духа отчужденія, которые становятся непреодолимой преградой на пути сліянія ихъ съ коренными подданными Имперіи.“

„Поэтому, руководствуясь принятымъ правиломъ постепенности въ дѣлѣ эмансипаціи евреевъ, слѣдуетъ прежде

всего дозволить имъ селиться, пріобрѣтать недвижимость и заниматься промыслами, ремеслами и торговлею, на первое время—только въ городахъ и посадахъ Имперіи, наравнѣ съ коренными русскими подданными. Говорю: только въ городахъ и посадахъ—потому, что дозволеніе осѣдлости евреямъ въ мѣстечкахъ и селеніяхъ поставило бы ихъ въ непосредственное соприкосновеніе съ земледѣльческимъ нашимъ населеніемъ, которое, въ настоящемъ его матеріальномъ и нравственномъ состояніи, готово скорѣе сдѣлаться жертвою спекулятивной дѣятельности евреевъ, чѣмъ извлечь для себя пользу изъ ближайшихъ непосредственныхъ съ ними сношеній.

„По моему мнѣнію, можно надѣяться, что стѣсненные въ настоящихъ мѣстахъ осѣдлости и становящіеся по себѣ тягостію и вредомъ для мѣстнаго кореннаго населенія, евреи *принесутъ*, наоборотъ, *пользу* тѣмъ городамъ и посадамъ, гдѣ имъ дозволено будетъ вновь расселяться. Они могутъ содѣйствовать тамъ развитію духа промышленной предпримчивости, лично оставаясь между тѣмъ почти незамѣтными въ средѣ кореннаго населенія. Но если-бы даже предполагать, что, селясь во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ, евреи не удовлетворяютъ требованіямъ ожидаемой отъ нихъ пользы, то нужно тѣмъ не менѣе желать, чтобы приносимый ими нынѣ вредъ разсѣивался, такъ сказать, по всей Имперіи, а не сосредоточивался исключительно въ однѣхъ и притомъ пограничныхъ, производительнѣйшихъ нашихъ областяхъ“.

Начальникъ Астраханской губерніи, той, которая почти тридцать лѣтъ назадъ была принудительными мѣрами освобождена отъ евреевъ, отвѣчая на предложенный ему вопросъ о дозволеніи пріѣзжать въ Астрахань купцамъ третьей гильдіи, писалъ:

„Сообразивъ этотъ вопросъ съ интересами мѣстныхъ торговцевъ, съ которыми по этому предмету я входилъ въ совѣщанія, я пришелъ къ тому положительному убѣжденію, что допущеніе евреевъ пріѣзжать въ Астрахань, для закупки товаровъ не только не представляетъ никакихъ неудобствъ, но даже принесетъ самой Астрахани не малую пользу, ибо нѣтъ сомнѣнія, что при предпримчивости евреевъ въ торговлѣ, они не ограничатся одною закупкою товаровъ въ

Астрахани но войдутъ въ торговля сношенія съ торговцами Персіи, Бухары и Хивы и оживятъ упадающую съ нѣкотораго времени заграничную торговлю Астрахани... Независимо отъ вопроса о допущеніи въ Астрахань евреевъ купцовъ 3 гильдіи, я полагаю бы полезнымъ допустить прибытіе и евреевъ-ремесленниковъ, потому что въ сихъ послѣднихъ Астрахань очень нуждается“.

Особенно тщательно разработанную записку представилъ харьковскій губернаторъ, графъ А. Сиверсъ. Ему былъ предложенъ на разрѣшеніе частный вопросъ о проживаніи евреевъ въ Харьковѣ, но онъ счелъ своимъ долгомъ связать его съ общимъ положеніемъ евреевъ въ странѣ и высказать съ возможной полнотою свои соображенія. Освѣтивъ еврейскій вопросъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, Сиверсъ, между прочимъ, писалъ относительно проживанія евреевъ внѣ черты осѣдлости:

„Въ экономическомъ отношеніи законодательный актъ *полнаго* уравниенія евреевъ въ правахъ жительства и торговли съ прочими подданными является мѣрою не только вредною, но существенно полезною для общихъ интересовъ государства. За исключеніемъ той незначительной доли жителей, которая образуетъ между евреями ихъ чернь, все остальное ихъ населеніе представляетъ энергическую массу болѣе или менѣе полезныхъ дѣятелей. Эта масса сосредоточиваетъ въ себѣ, слѣдовательно, значительныя экономическія силы, которыя, при правильномъ ихъ распредѣленіи, могли бы несомнѣнно служить важнымъ пособіемъ въ дѣлѣ развитія общаго экономическаго благосостоянія, чрезъ доставленіе ему по всѣмъ отраслямъ народнаго труда, путемъ полезной конкуренціи, могущественнаго обезпеченія противъ разныхъ монопольныхъ злоупотребленій. Между тѣмъ въ настоящее время вся разнообразная дѣятельность евреевъ ограничена чертою настоящей ихъ осѣдлости.

„Эта мѣра, сама собою, образуетъ въ государствѣ двѣ экономическія неправильности въ мѣстахъ, закрытыхъ для постояннаго жительства евреевъ: она устраняетъ со стороны ихъ всякую конкуренцію и чрезъ это, прямымъ и положительнымъ образомъ, устанавливаетъ монополию въ пользу дѣятелей всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій; въ мѣстахъ же

осѣдлости евреевъ она учреждаетъ монополію въ пользу ихъ самихъ, если не прямымъ, то косвеннымъ образомъ, такъ какъ тамошнее коренное населеніе не въ состояніи состязаться съ евреями ни въ какомъ родѣ экономической дѣятельности, особенно же въ дѣлахъ денежныхъ и торговыхъ оборотовъ. Это неправильное распредѣленіе закономъ трудовыхъ силъ государства имѣетъ естественнымъ послѣдствіемъ всѣ тѣ общественныя невыгоды, которыми сопровождаются обыкновенно другія подобныя явленія духа исключительныхъ льготъ и привилегій, а именно: неправильное отношеніе между спросомъ и предложеніемъ, отсутствіе конкуренціи, установленіе произвольныхъ цѣнъ, крайне обременительныхъ для жителей, затруднительный сбытъ произведеній, непомерное увеличеніе задѣльной платы, злоупотребленіе капиталистовъ и обогащеніе однихъ классовъ на счетъ другихъ, неустройство частнаго и поземельнаго кредита, вообще ослабленіе трудовой энергіи, общій застой въ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ и вслѣдствіе всего этого повсемѣстное уменьшеніе жизненныхъ средствъ существованія въ ущербъ финансовыхъ и экономическихъ интересовъ страны. Уничтоженіе же черты осѣдлости евреевъ и предоставленіе имъ гражданской свободы наравнѣ съ прочими подданными должно существенно измѣнить это неблагоприятное положеніе вещей; съ этимъ вмѣстѣ сами собою водворятся въ экономическомъ бытѣ и тѣ условія, при которыхъ только мыслимо правильное развитіе экономическихъ силъ государства и прочное благосостояніе народа.

„Въ административномъ отношеніи дарованіе евреямъ гражданской свободы наравнѣ съ прочими подданными могло бы повлечь за собою нѣкоторыя затрудненія въ томъ только случаѣ, еслибы это преобразование было произведено въ видѣ исключительной мѣры для какого-либо отдѣльнаго пункта или цѣлой даже мѣстности государства, особенно пограничныхъ съ чертою постоянной осѣдлости евреевъ, какъ, на примѣръ, городъ Харьковъ съ Харьковскою губерніею. Въ этомъ случаѣ тому пункту или мѣстности могло бы угрожать чрезмерное скопленіе праздною еврейскою черни въ самое непродолжительное время, и упомянутая мѣра имѣла бы значеніе скорѣе включенія того города или всей

губерніи въ черту постоянной осѣдлости евреевъ, чѣмъ основательнаго улучшенія ихъ гражданскаго быта. Но эта опасность совершенно устранится, если гражданская свобода будетъ дарована евреямъ въ порядкѣ общихъ преобразований по еврейскому вопросу. При одновременномъ разрѣшеніи евреямъ права свободнаго водворенія на всемъ пространствѣ Имперіи можно ожидать болѣе правильнаго распредѣленія ихъ народонаселенія въ различныхъ частяхъ государства; въ разсѣянномъ же состояніи еврейская чернь будетъ, безъ сомнѣнія, представлять для правительства несравненно менѣе затрудненій, чѣмъ въ состояніи сосредоточенномъ, въ какомъ она нынѣ находится. За симъ, общія мѣры полицейскаго надзора, облегченіе для евреевъ способовъ жизни и успѣхи просвѣщенія будутъ вполне достаточнымъ обезпеченіемъ противъ беспорядковъ, какіе происходятъ нынѣ, отъ чрезмѣрнаго развитія среди евреевъ числа ихъ черни...

„Опытъ свидѣтельствуетъ, что рядъ исключительныхъ узаконеній, направленный, въ большей или меньшей степени, къ ограниченію гражданской свободы какого-либо класса подданныхъ, не имѣетъ другого результата, какъ крайнее усложненіе естественнаго хода въ государствѣ законодательныхъ, судебныхъ и исполнительныхъ дѣлъ. Къ разряду этого рода узаконеній принадлежатъ и исключительныя постановленія о евреяхъ. Не говоря о происходящихъ отъ этого общихъ затрудненіяхъ, достаточно указать на тѣ неудобства, которыя представляютъ для мѣстной администраціи правила о временномъ пребываніи евреевъ въ мѣстахъ, закрытыхъ для ихъ постояннаго жительства. Этими правилами прожительство евреевъ въ столицахъ и другихъ внутреннихъ городахъ, въ томъ числѣ и городѣ Харьковѣ, обусловлено, во-первыхъ, законнымъ поводомъ пріѣзда, во-вторыхъ, опредѣленнымъ срокомъ временнаго пребыванія, въ третьихъ—точнымъ выполненіемъ торговыхъ уставовъ. Исключительный этотъ порядокъ стѣснителенъ не только для евреевъ, но отчасти и для самихъ мѣстныхъ жителей, которые имѣютъ естественное расположеніе пользоваться оборотливостью торговыхъ евреевъ и умѣньемъ ихъ сбывать товары по несравненно дешевѣйшимъ цѣнамъ. Слѣдить за каждымъ шагомъ жителей и пріѣзжихъ евреевъ мѣстному полицей-

скому и городскому начальству нѣтъ никакой возможности. Отсюда безпрестанныя нарушенія упомянутыхъ правилъ, которыя, въ сущности, остаются поэтому во многихъ случаяхъ одною мертвою буквою...

„Примѣры этого встрѣчались нерѣдко не только въ губернскихъ городахъ, но и самихъ столицахъ. Это способствовало разнаго рода послабленіямъ и потворствамъ со стороны самаго полицейскаго начальства, которое нельзя, однако, за это строго осуждать, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимость безпощаднаго преслѣдованія евреевъ не оправдывается дѣйствительными потребностями общихъ и мѣстныхъ интересовъ государства, а именно въ случаяхъ такого рода, какъ уклоненіе евреевъ изъ отставныхъ солдатъ отъ немедленнаго выѣзда изъ города, въ которомъ они проживали, съ семействомъ, весьма продолжительное время, случайная продажа не контрабандныхъ товаровъ, ухищренія на счетъ сроковъ проживания такихъ лицъ изъ еврейскаго купечества, которыя болѣе или менѣе пользуются всеобщимъ уваженіемъ, и т. п.

„Эти обстоятельства возбуждаютъ неудовольствія и жалобы со стороны только одного мѣстнаго купечества, которое, опираясь на законъ, постоянно отстаиваетъ свои монопольныя преимущества предъ евреями, вслѣдствіе чего происходитъ общее замѣшательство по дѣламъ этого рода, которое усложняетъ переписку и нерѣдко ставитъ высшее губернское начальство въ затруднительное положеніе.

„Коренныя преобразованія по еврейской части, въ основаніи которыхъ лежитъ современная мысль политическаго и гражданскаго равенства подданныхъ, должны положить конецъ этому порядку вещей и вмѣстѣ съ другими подобными реформами, отчасти уже выполненными правительствомъ, устранить всѣ тѣ условія, которыя стѣсняли до сихъ поръ частную и общественную дѣятельность подданныхъ, поселяли въ нихъ недовѣріе къ правительству, усложняли обязанности исполнительныхъ властей, замедляли оффиціальную переписку и чрезъ это нарушали въ государствѣ правильное и безостановочное теченіе судебныхъ и административныхъ дѣлъ“.

Такимъ образомъ, отрицательное отношеніе, которое записки Рейтерна и Валуева встрѣтили въ комитетѣ министровъ, не находило поддержки въ настроеніи мѣстныхъ властей; администраторы, начальствовавшіе въ предѣлахъ черты осѣдлости, и тѣ, которые находились внѣ ея, одинаково настаивали на необходимости сбросить съ евреевъ въ той или иной мѣрѣ цѣпи, мѣщавшія ихъ торгово-промышленной дѣятельности и препятствовавшія благосостоянію прочаго населенія. Особливое же, конечно, значеніе имѣли въ данномъ случаѣ представленія новороссійскаго ген.-губернатора Коцебу, во многомъ раздѣлявшаго взглядъ своего предшественника гр. Строганова, и раньше приведенное ходоатайство, кіевскаго, подольскаго и волынскаго ген.-губернатора кн. Васильчикова, такъ какъ въ управляемыхъ ими губерніяхъ была сосредоточена значительнѣйшая часть еврейскаго населенія.

Приведенныя представленія должны были бы укрѣпить министра финансовъ Рейтерна въ его стремленіи освободить отъ оковъ черты осѣдлости торгово-промышленную группу евреевъ. Но оказалось, что онъ не далъ хода своей запискѣ когда комитетъ министровъ предложилъ ему внести ее въ Госуд. совѣтъ. Это случилось не потому, чтобы Рейтернъ измѣнилъ свой прежній взглядъ на положеніе евреевъ. Онъ былъ вынужденъ отказаться отъ своего проекта лишь потому, что въ это время имп. Александръ II совершенно опредѣленно высказался противъ уничтоженія черты осѣдлости; на всеподданнѣйшемъ докладѣ новороссійскаго ген.-губернатора Строганова, указавшаго на то, что необходимо дозволить евреямъ селиться по всему пространству Имперіи и что, если права евреевъ должны быть расширяемы только постепенно, то именно съ этого слѣдуетъ начать, государь написалъ: „Я съ этимъ никакъ не согласенъ“ (1863 г.). Эта резолюція предопредѣлила судьбу записки Рейтерна; его проектъ охватывалъ столь многочисленную группу еврейскаго населенія, что близко подходилъ къ отмѣнѣ черты, осуществленіе же подобной мѣры стало невозможнымъ послѣ того, какъ государь рѣшительно высказался противъ нея.

Записка же Валуева касалась лишь класса ремесленниковъ, и онъ внесъ ее въ Государственный совѣтъ, подчер-

кнувъ, что разселеніе ремесленниковъ принесетъ пользу не только евреямъ, но и христіанамъ-ремесленникамъ, живущимъ въ губерніяхъ черты осѣдлости, которые освободятся такимъ образомъ отъ чрезмѣрной конкуренціи.

Главноуправляющій вторымъ отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріи бар. Корфъ счелъ нужнымъ предоста- вить ремесленникамъ имѣть при себѣ внутри Россіи и слугъ изъ евреевъ, но Валуевъ воспротивился этому, такъ какъ такое правило, по его мнѣнію, было бы равносильно безус- ловному дозволенію всѣмъ вообще евреямъ водворяться внѣ черты осѣдлости; онъ, впрочемъ, призналъ возможнымъ, чтобы ремесленники, кромѣ женъ и дѣтей, брали съ собою несовершеннолѣтнихъ братьевъ и сестеръ. На этихъ осно- ваніяхъ и состоялся законъ 28 іюня 1865 г. о дозволеніи механикамъ, пивоварамъ и вообще мастерамъ и ремеслен- никамъ проживать повсемѣстно въ Имперіи безъ права, однако, приписываться къ мѣстнымъ обществамъ; каждый оставался принадлежащимъ къ своему старому обществу.

Слѣдующей группой евреевъ, отпущенныхъ изъ черты осѣдлости на волю, явились нижніе чины, отбывшіе много- лѣтнюю въ ту пору военную службу ⁷⁰). Это было сдѣлано не сразу, не безъ борьбы. Еще въ 1858 г. еврейскій коми- тетъ, намѣреваясь предоставить отставнымъ нижнимъ чи- намъ право жить всюду въ Имперіи, поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ собрать свѣдѣнія объ ихъ числѣ; но государь отмѣнилъ это рѣшеніе, написавъ на журналѣ комитета: „Я рѣшительно на это не согласенъ“. Въ связи съ этимъ, когда министръ статсъ-секретарь Царства Польскаго обратился къ государю съ запросомъ: слѣдуетъ ли оставить въ силѣ тѣ льготы, которыми нижніе чины изъ евреевъ пользуются въ Царствѣ Польскомъ (гдѣ для еврейскаго населенія существовали спеціальныя мѣстныя ограни- ченія) или распространить указанную запретительную высо- чайшую резолюцію также на мѣстныхъ нижнихъ чиновъ, государь одобрилъ послѣднее предложеніе (впрочемъ, нѣ- сколько позже, вслѣдствіе объясненій совѣта управленія, государь согласился на сохраненіе льготъ). Однако, въ 1860 г. государь сдѣлалъ исключеңіе для отставныхъ ниж- нихъ чиновъ, служившихъ въ гвардіи, и разрѣшилъ имъ

жить въ Петербургѣ (въ томъ-же году отставные нижніе получили право жить въ Николаевѣ). Но когда великій князь генераль-адмиралъ обратился въ комитетъ министровъ съ предложеніемъ распространить эту льготу и на немногочисленную категорію евреевъ, служившихъ въ морскихъ командахъ въ Петербургѣ и Кронштадтѣ, государь положилъ резолюцію: „Его Высочеству генераль-адмиралу не слѣдовало съ подобнымъ представленіемъ и входить въ Комитетъ Министровъ, не испросивъ на это моего разрѣшенія, такъ какъ резолюція моя ясно относилась только до гвардіи“.

Все-же закономъ 1867 г. объ устройствѣ вообще отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ было отмѣнено запрещеніе евреямъ поселяться внѣ черты осѣдлости⁷⁴).

Хотя и съ трудомъ, облегчительные законы были такимъ образомъ постепенно распространены на значительныя группы еврейскаго населенія. Но характерно, что именно та категорія, которая по первоначальному плану, намѣченному правительствомъ, имѣла больше, чѣмъ другія, право на свободу передвиженія, все еще, за немногими исключеніями, продолжала быть прикованной къ чертѣ осѣдлости—то были лица, получившія образованіе въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вопросъ объ окончившихъ курсъ средней школы былъ рано снятъ съ очереди. Когда кн. Васильчикову сообщили, что его соотвѣтствующее предложеніе не можетъ получить движеніе, такъ какъ еще недавно законъ предоставилъ повсемѣстное жительство лишь лицамъ съ учеными степенями, причемъ еврейскій комитетъ не пожелалъ распространить это право даже на врачей, кн. Васильчиковъ заявилъ, что, даже считаясь съ этимъ затрудненіемъ, онъ все же находитъ необходимымъ настаивать на своемъ прежнемъ ходатайствѣ въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, вызвавшихъ таковое. Однако старанія Васильчикова оказались напрасными. Идея о постепенной эмансипаціи была настолько искажена, что, даже лицамъ съ высшимъ образованіемъ суждено было еще ждуть своей очереди у воротъ черты осѣдлости. Когда министръ народнаго просвѣщенія задумалъ въ 1862 г. возбудить вопросъ о повсемѣстномъ жительствѣ врачей и провизоровъ, Валуевъ воспротивился этому, объяснивъ, что такимъ путемъ была бы на-

рушена постепенность— „опытъ всего лучше долженъ показать, насколько таковая постепенность будетъ существенно полезна для науки и въ какой мѣрѣ оправдаютъ евреи предоставляемые имъ правительствомъ права“!

Лишь послѣ объясненія съ главноуправляющимъ вторымъ отдѣленіемъ С. Е. И. В. канцеляріи бар. Корфомъ Валуевъ согласился возбудить ходатайство о предоставленіи права повсемѣстнаго жительствова лекарямъ, получившимъ эту степень съ отличіемъ ⁷²). Такова была его крайняя уступка. Инициативы въ дальнѣйшемъ смягченіи ограничительнаго законодательства онъ не проявилъ, и такимъ образомъ вопросъ о лицахъ съ высшимъ образованіемъ заглохъ, пока случай не выдвинулъ его на очередь.

Въ 1867 г. московскій генер.-губернаторъ кн. Долгоруковъ предложилъ распространить право повсемѣстнаго жительствова на зубныхъ врачей и изучающихъ фармацію; Госуд. совѣтъ нашелъ эту мѣру справедливой, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поставилъ на видъ, что цѣлесообразнѣе было бы придать ей болѣе общій характеръ, распространивъ ее на всѣхъ вообще лицъ, имѣющихъ медицинскія, фармацевтическія и ветеринарныя степени и званія, а также и на подготовляющихся къ этой дѣятельности. Запрошенныя по этому поводу учрежденія присоединились къ взгляду Государств. совѣта; одновременно министръ финансовъ возбудилъ ходатайство о предоставленіи права повсемѣстнаго жительствова окончившимъ технологической институтъ „въ видахъ содѣйствія преуспѣянію отечественной промышленности“, что, въ свою очередь, было охотно принято Государственнымъ совѣтомъ ⁷³). Тогда главноуправляющій вторымъ отдѣленіемъ С. Е. И. В. канцеляріи, кн. Урусовъ, выступилъ (1872 г.) съ предложеніемъ распространить, въ силу справедливости, это облегченіе и на лицъ съ высшимъ образованіемъ, вообще, не имѣющихъ ученыхъ степеней.

Всѣ эти вопросы были переданы на предварительное разсмотрѣніе „комиссіи по устройству быта евреевъ“. Здѣсь была сдѣлана попытка нѣсколько ограничить выработанный комиссіей же соотвѣтствующій законопроектъ съ тѣмъ, чтобы право повсемѣстнаго жительствова было предоставлено только лицамъ, прошедшимъ курсъ наукъ въ самомъ учебномъ

заведеніи, а не тѣмъ, которыя выдержать экзаменъ, подготовившись къ нему дома. Въ этомъ случаѣ ярко сказался призракъ „фанатизма“: — пребываніе въ школѣ, связанное съ постояннымъ общеніемъ съ русской молодежью, вырываетъ евреевъ „изъ той тѣсной и вредной среды, въ которой они чахнутъ и извращаются умственно и нравственно“; тѣ-же, которые занимаются дома, „продолжаютъ вращаться въ еврейской средѣ, и въ силу этого вращенія нравственно воспитываются въ духѣ, враждебномъ христіанскому ученію и гражданскому строю государства“....

Однако, эта поправка не была принята въ дальнѣйшемъ во вниманіе и законъ 19 января 1879 г. предоставилъ право повсемѣстнаго жительства всѣмъ окончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, аптекарскимъ помощникамъ, дантистамъ, фельдшерамъ и повивальнымъ бабкамъ и изучающимъ фармацію, фельдшерское и повивальное искусства.

Мѣстныя облегченія.

Упраздненіе московскаго гетто.—Отмена запретовъ въ Ковнѣ, Житомирѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Трокахъ.—Борьба изъ-за стѣсненій въ Вильнѣ.—Представленіе кіевскихъ властей о смягченіи мѣстныхъ ограниченій, такъ какъ удаленіе евреевъ изъ Кіева нанесло городу ущербъ.—Николаевъ, Севастополь и Ялта. — Эмансипація евреевъ въ Царствѣ Польскомъ и маркизъ Вѣлепольскій.—Свободный переходъ изъ Имперіи въ Царство Польское и обратно. — Пограничная полоса. — Сибирь и Финляндія.

Когда въ историческомъ засѣданіи 31 марта 1856 г. еврейскій комитетъ отказался отъ прежней политики репрессій и пошелъ по пути облегчительныхъ мѣръ, онъ намѣтилъ рядъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ должно было послѣдовать по полученіи свѣдѣній и мнѣній подлежащихъ властей. Но одно ограниченіе было столь явно несправедливымъ, что комитетъ не счелъ даже нужнымъ поднимать изъ-за него переписки: московское гетто, въ теченіе десятилѣтій бережно охранявшееся первопрестольной администраціей, должно было явиться первой жертвой новаго режима.

Еще въ 1852 г. еврейскій комитетъ заявилъ, что „неприлично и несообразно съ достоинствомъ правительства“ требовать отъ евреевъ сліянія съ окружающимъ населеніемъ,

а вмѣстѣ съ тѣмъ отдалять ихъ отъ него запираніемъ въ гетто. Однако московскій ген.-губернаторъ Закревскій продолжалъ въ то время пользоваться въ высшихъ сферахъ исключительнымъ авторитетомъ и комитету пришлось продлить существованіе подворья еще на три года, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи срока ген.-губернаторъ вновь представилъ свои соображенія. Но и въ 1855 г. министръ внутр. дѣлъ Ланской не рѣшился идти противъ желанія Закревскаго и предложилъ еврейскому комитету сохранить подворье до тѣхъ поръ, когда будутъ произведены всѣ преобразованія въ бытѣ евреевъ. Однако Киселевъ рѣшительно настоялъ на необходимости немедленно упразднить его и соответствующее постановленіе комитета было высочайше утверждено.

Одновременно комитетъ обратилъ „особенное вниманіе на то, что отдѣленіе евреевъ въ особыя кварталы, не соответствуя, ни духу времени, ни видамъ слиянія евреевъ съ общимъ населеніемъ, вредно не только для евреевъ, но и для христіанъ и даже для правительства въ томъ отношеніи, что препятствіе въ пріобрѣтеніи домовъ въ такомъ или другомъ кварталѣ, ограничивая число покупателей, роняетъ въ городахъ цѣнность недвижимой собственности въ ущербъ какъ евреямъ, такъ и христіанамъ, а чрезъ то и самая казна, при продажѣ залоговъ, можетъ подвергнуться убыткамъ“. Въ виду этого министру внутр. дѣлъ было поручено заняться затронутымъ вопросомъ.

Указанное рѣшеніе находилось, вѣроятно, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что когда, при проѣздѣ чрезъ Шавли, государь потребовалъ объясненій, почему Ковна не застраивается, генер.-губернаторъ Назимовъ и губернаторъ сказали, что единственной причиной этого являются мѣстныя ограниченія въ отношеніи жительства евреевъ, вслѣдствіе чего государь разрѣшилъ сдѣлать соответствующее официальное представленіе. Въ это-же время помѣщики-дворяне, чиновники и купцы, проживавшіе въ Ковнѣ, въ числѣ 52 лицъ обратились къ губернатору съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ стѣсненій для евреевъ, такъ какъ отъ этого страдаетъ и христіанское населеніе; губернаторъ, съ своей стороны, отмѣтилъ, что такимъ путемъ не только будетъ достигнута

быстрая застройка города, но христіане будутъ облегчены въ обременительной квартирной повинности; тогда-же Назимовъ въ представленіи министру подтвердилъ все, сказанное имъ лично государю.

Однако, когда Назимову стало извѣстно, что еврейскій комитетъ имѣетъ въ виду всюду въ городахъ отмѣнить спеціальныя ограниченія, онъ выступилъ въ пользу сохраненія стѣсненій, существующихъ въ Вильнѣ. Городъ достаточно застроенъ и населенъ, объяснялъ Назимовъ, и установленное здѣсь ограниченіе не слѣдуетъ отмѣнить „по мѣстнымъ обстоятельствамъ и нынѣшнему нравственному состоянію еврейскаго народа“. Улицы, запретныя для евреевъ, находятся въ центрѣ города; онѣ вмѣщаютъ лучшія зданія: три церкви, благородный институтъ, православный соборъ, монастыри, два римско-католическихъ костела и часовню у Острыхъ Воротъ съ иконою Божіей Матери, у которой на улицѣ бываетъ большое стеченіе молящихся, особенно по нѣкоторымъ праздникамъ. „При такихъ обстоятельствахъ водвореніе на помянутыхъ улицахъ евреевъ, сколь бы было вредно чистотѣ и благовидности самихъ улицъ, по закоренѣлой неопрятности этого народа, *столько же и неумѣстно, дозволяя евреямъ селиться среди христіанскихъ храмовъ и учрежденій духовнаго вѣдомства*“. Къ тому-же это ограниченіе, будто, вовсе не затруднитъ достиженія цѣли сліянія и не поведетъ къ обезцѣненію недвижимости въ городѣ.

Иначе отнесся къ вопросу о гетто кіевскій ген.-губернаторъ кн. Васильчиковъ; еще въ 1856 г. онъ снесся съ главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями о предоставленіи евреямъ въ Каменецъ-Подольскѣ общихъ правъ; онъ повторилъ это и въ слѣдующемъ году министру внутр. дѣлъ, указывая, что запрещеніе евреямъ приобрѣтать дома по всему городу, задерживая развитіе послѣдняго, „обратилось въ бесполезное стѣсненіе евреевъ, а чрезъ то и торговли“; благодаря этому уменьшилась цѣнность недвижимой собственности въ городѣ, отъ чего порою терпятъ интересы казны. Теперь же, настаивая и на отмѣнѣ ограниченій въ Житомирѣ, кн. Васильчиковъ заявилъ, что вообще отъ состоятельныхъ евреевъ „нѣтъ основанія ожидать бѣльшей нечистоты противу той, которая вообще замѣчается

въ домахъ торговыхъ городовъ“, слѣдовательно, отпадаетъ главная причина, вызвавшая ограниченія.

Противъ всякихъ стѣсненій евреевъ въ городахъ высказался и новороссійскій ген.-губернаторъ гр. Строгановъ.

Но все же дѣло шло медленно. Только въ 1858 г. послѣдовала отмѣна ограниченій въ Ковнѣ и Житомирѣ ⁷⁴⁾, а въ слѣдующемъ году, по настоянію кн. Васильчикова, были упразднены стѣснительныя правила въ Каменецъ-Подольскѣ.

Однако, при всей своей медлительности, эта ломка отдѣльныхъ архаическихъ привилегій, обнаживъ гнилую почву, на которой онѣ покоились, совершенно расшатала ихъ основу, и очередь настала и для Вильны. Когда вскорѣ видные виленскіе евреи представили Назимову записку о необходимости отмѣнить ограниченія, онъ прямодушно отказался отъ своего прежняго заблужденія и призналъ „вполнѣ справедливымъ и возможнымъ, согласно указаніямъ комитета и по примѣру Ковны и Житомира, дозволить евреямъ пріобрѣтать дома, жить и торговать во всѣхъ безъ изъятій частяхъ и улицахъ г. Вильны, что, кромѣ другихъ выгодъ, послужитъ еще несомнѣнно и къ большому развитію торговой и промышленной дѣятельности“.

Вслѣдствіе этого закономъ 27 октября 1861 г. всѣ ограниченія въ отношеніи жительства евреевъ въ Вильнѣ были отмѣнены.

Вслѣдъ затѣмъ были лишены силы и тѣ привилегіи, которымъ воспользовались караимы, чтобы изгнать евреевъ изъ Трока. Согласно представленію Назимова, еврейскій комитетъ провелъ въ 1862 г. ⁷⁵⁾ законъ, дозволившій евреямъ водворяться и жить въ Трокахъ на общемъ основаніи.

Относительно же Кіева еще въ 1857 г. послѣдовалъ указъ о закрытіи подворья, но оно все еще продолжало нѣкоторое время существовать; здѣсь, какъ и въ Москвѣ, играли роль финансовыя соображенія: подворье давало городу доходъ въ суммѣ свыше пяти тысячъ рублей ежегодно; для компенсаціи этого „убытка“ надо было установить особый сборъ съ евреевъ. Вообще гетто въ Кіевѣ не было совершенно уничтожено; оно, въ сущности, было только расширено; законъ 11 декабря 1861 года установилъ, чтобы евреи проживали въ Кіевѣ лишь въ Лыбедской и Плоской частяхъ; въ остальныхъ мѣст-

ностяхъ города можно было жить лишь съ особаго разрѣшенія главнаго мѣстнаго начальства.

Одновременно съ вопросомъ о подворьяхъ, кievскимъ ген.-губернаторомъ было возбуждено ходатайство о расширеніи вообще правъ евреевъ въ отношеніи жительства въ Кіевѣ. По этому поводу губернаторъ, генераль Гессе, представилъ донесеніе, въ которомъ указалъ, что цѣны на жизненные припасы стали подниматься въ городѣ со времени удаленія евреевъ, постепенно все болѣе и болѣе возрастаая; а затѣмъ, напомнивъ, что выселеніе евреевъ послѣдовало по просьбѣ мѣстнаго купечества, выставлявшаго ихъ дѣятельность вредной для населенія, губернаторъ писалъ: „Кіевское купечество не оправдало этой мѣры, ибо, стремясь къ монополіи на всѣ потребности ко вреду прочаго, болѣе значительнаго населенія,... даже и собственно для себя не извлекло изъ того никакихъ выгодъ, по недостатку предприимчивости, потребныхъ для торговли капиталовъ и затѣмъ несообразности частной всей жизни, поглощающей всѣ ихъ пріобрѣтенія на утоленіе развившейся между ними роскоши. Касательно же соблюденія выгодъ казны, то кievскіе граждане не только не принесли казнѣ никакой пользы со времени выселенія евреевъ, но, напротивъ того, начальство при производившихся торгахъ на всѣ значительные и экстренные подряды и поставки, видя явную склонность ихъ ко вреду казны, вынуждено было постоянно всѣ эти операціи отдавать евреямъ, дѣлавшимъ весьма выгодное пониженіе цѣнъ.

„...Изъ всего этого слѣдуетъ, что удаленіе евреевъ изъ Кіева остановило развитіе правильной торговли вообще въ семъ городѣ, ко вреду общей массы столь значительнаго населенія онаго... Нельзя предполагать, чтобы еврейское общество соединяло въ себѣ одни пороки и было совершенно бесполезно въ общемъ государственномъ устройствѣ; напротивъ, слѣдуетъ допустить со всей справедливостью, что евреи, бывъ преданы исключительно торговымъ промышленностямъ и ремесламъ, а нѣкоторые изъ нихъ, владѣя значительными капиталами и притомъ никогда почти не измѣняя простотѣ въ образѣ жизни, всегда довольствуются умѣренными барышами, а при способности своей къ непрерывнымъ оборотамъ капиталами и неутомимой дѣятель-

ности, болѣе другихъ въ состояніи оживить и развить торговлю и промышленность Кіева и заставить тѣмъ самымъ соревновать имъ купечество христіанскаго общества, принося городу и населенію онаго большую пользу, живя и торгуя въ ономъ и сосредоточивая здѣсь свои капиталы... Даже и теперь, съ удаленіемъ евреевъ изъ Кіева, вліяніе ихъ на торговлю не прекратилось, но только оказывается внѣ Кіева, а между тѣмъ они не удѣляютъ никакой пользы городу, какъ мѣсту, чуждому ихъ дѣятельности и выгодъ жизни. По опыту извѣстно, что почти всѣ кіевскіе торговцы по выселеніи изъ Кіева евреевъ и по развитіи сими послѣдними своей торговли въ городахъ Васильковѣ, Бердичевѣ, мѣстечкѣ Бѣлой Церкви и другихъ, пріобрѣтаютъ покупкой красные, галантерейные и проч. товары въ означенныхъ мѣстахъ у евреевъ.

„...Монополія вообще вредна для правильнаго развитія торговли, но, по крайней мѣрѣ, естественно бываетъ полезна для тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится; почти 30-лѣтній опытъ доказалъ, что кіевское купеческое общество не можетъ похвалиться даже тѣмъ, на что естественно было разчитывать, и, стѣсняя купцовъ-евреевъ и покупателей, жителей Кіева, они не умѣли даже быть полезными самимъ себѣ“ ⁷⁶).

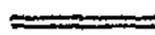
Управляющій краемъ, кн. Васильчиковъ, подтвердилъ соображенія Гессе, но все же потребовались долгіе хлопоты, пока купцы 1 и 2 гильдій получили (1861 г.) право постоянного жительства въ городѣ, а нѣкоторыя категоріи—временнаго ⁷⁷).

Въ это время были смягчены и ограниченія, установленныя въ отношеніи Николаева, Севастополя и Ялты. Съ удаленіемъ евреевъ Николаевъ и Севастополь лишились торговаго и ремесленнаго сословія, вслѣдствіе чего купцамъ и ремесленникамъ изъ христіанъ были дарованы (1838 г.) разныя льготы, дабы привлечь ихъ въ эти города. Но, очевидно, этимъ путемъ цѣль не была достигнута и вотъ почему въ 1859 г. послѣдовало разрѣшеніе водворяться въ Николаевѣ и Севастополѣ купцамъ всѣхъ трехъ гильдій съ ихъ семьями и извѣстнымъ числомъ приказчиковъ (нѣкоторымъ группамъ было дано право временнаго пребыванія) ⁷⁸); въ слѣдующемъ году льгота была распространена и на Ялту ⁷⁹); законъ 1860 г. предоставилъ отставнымъ нижнимъ чинамъ

постоянное жительство въ Николаевѣ съ дозволенія мѣстнаго военнаго начальства ⁸⁰); въ 1861 г. Севастополь и Николаевъ были открыты для ремесленниковъ ⁸¹), а въ 1866 г. доступъ въ Николаевъ былъ предоставленъ евреямъ-мѣщанамъ, послѣ чего въ Николаевѣ уже не существовало никакихъ ограниченій въ отношеніи евреевъ.

Послѣдняя законодательная мѣра была вызвана желаніемъ пріостановить постоянное возрастаніе дороговизны на предметы первой необходимости, происходившее главнымъ образомъ отъ недостатка конкуренціи въ торговлѣ и промыслахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣстная власть имѣла въ виду избѣгнуть злоупотребленій, неизбежныхъ при существованіи запретовъ ⁸²).

Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ указанныхъ городахъ были въ значительной степени смягчены или вовсе отмѣнены стѣснительныя мѣры, осуществленія которыхъ столь энергично добивалась высшая власть въ предшествовавшее царствованіе.

Имп. Александръ II неоднократно обращалъ вниманіе правительства на необходимость подчинить евреевъ Царства Польскаго тѣмъ-же постановленіямъ, какія существовали въ отношеніи ихъ единовѣрцевъ въ Имперіи. Однако, начавшаяся по этому поводу переписка между петербургскимъ и варшавскимъ правительствами мало двигала дѣло осуществленія реформы—въ Царствѣ Польскомъ расширеніе правъ евреевъ не находило особаго сочувствія. Но въ это время появился государственный дѣятель, который смѣло и энергично приступилъ въ эмансипаціи евреевъ. То былъ маркизь Вѣлепольскій. Еще до вступленія во власть онъ высказывался за отмѣну ограниченій, ставъ же главнымъ директоромъ юстиціи Ц. Польскаго, онъ выработалъ (1861 г.) законопроектъ, отмѣнявшій различныя правовыя ограниченія, поскольку таковыя принадлежали къ кругу его вѣдомства. Въ частности, онъ выступилъ въ пользу полной отмѣны стѣсненій въ жительство и передвиженіи.

Ограниченіе еврейскаго населенія — гласила объяснительная записка къ его законопроекту — въ средствахъ къ заработкамъ при обременительности податей и сборовъ, при увеличивающихся потребностяхъ и возвышеніи цѣнъ на

предметы первой необходимости, влечетъ за собою нищету среди евреевъ и побуждаетъ ихъ къ обходу законовъ и къ обманамъ; ограничительные законы о жительствѣ ставятъ евреевъ въ зависимость отъ чиновниковъ, распространяя среди послѣднихъ взяточничество. Привилегіи, предоставляющія многимъ городамъ не допускать къ себѣ евреевъ, даны были въ то время, когда народонаселеніе управлялось не на основаніи общихъ законовъ, обязательныхъ для всѣхъ гражданъ, а когда каждое сословіе или классъ жителей, и даже отдѣльныя мѣстности, имѣли свои привилегіи и особыя права. Помимо господствовавшаго класса дворянъ, во многихъ городахъ христіанское населеніе, преимущественно нѣмецкаго происхожденія, испрашивало привилегіи противъ евреевъ, издавна уравненныхъ въ правахъ съ прочими горожанами. Однако, жизнь произнесла свой приговоръ надъ подобными стѣсненіями—въ 90 городахъ, которые пользуются привилегіей *de non tolerandis judaeis* (право не терпѣть у себя евреевъ), евреи фактически составляютъ болѣе одной трети населенія. Ограниченія въ правѣ передвиженія и жительства служатъ орудіемъ для грабительства и незаконныхъ доходовъ въ рукахъ людей, у которыхъ безправные евреи вынуждены вымаливать то, что на основаніи общаго закона должно принадлежать всѣмъ.

Законопроектъ Вѣлепольскаго вспугнулъ главнаго директора внутреннихъ дѣлъ: Варшава, до сихъ поръ строго оберегавшаяся отъ наплыва евреевъ, станетъ теперь совершенно доступной для нихъ; вѣдь если даже при существующихъ ограниченіяхъ еврейское населеніе столь сильно возрастаетъ, что уже не далекъ день, когда оно численно превыситъ христіанское, то что же произойдетъ по отмѣнѣ всѣхъ предупредительныхъ мѣръ! Къ тому-же есть еще другое весьма важное обстоятельство—городская казна, обремененная долгами, получаетъ съ иногороднихъ евреевъ ежегодно около 84.000 рублей въ видѣ билетнаго сбора, — теперь же, съ ужасомъ говорилъ директоръ внутреннихъ дѣлъ, она должна лишиться этого дохода, играющаго важную роль въ городскомъ бюджетѣ.

Разногласія между директорами внутреннихъ дѣлъ и юстиціи нашли отзвукъ въ Государственномъ совѣтѣ Цар-

ства Польскаго. Въ это время положеніе Вѣлепольскаго, состоявшаго вице-предсѣдателемъ Госуд. совѣта, но находившагося въ Петербургѣ, пошатнулось; въ Варшавѣ ждали его паденія; тѣмъ не менѣе его взгляды все же восторжествовали въ Госуд. совѣтѣ: было признано, что нельзя жертвовать основной идеей во имя матеріальныхъ выгодъ Варшавы, а вмѣстѣ съ тѣмъ были отмѣнены и всѣ прочія ограниченія въ отношеніи передвиженія евреевъ въ Ц. Польскомъ ⁸³).

Это постановленіе было настойчиво поддержано въ Петербургѣ Вѣлепольскимъ, достигшимъ въ тотъ моментъ наибольшей высоты своего вліянія, и въ результатѣ законъ 1862 г., упразднивъ различные существовавшіе въ Царствѣ Польскомъ ограничительные законы о евреяхъ, отмѣнилъ, въ частности, и тѣ изъ нихъ, которые касались жительства.

Одновременно, идея о сліяніи евреевъ съ окружающимъ населеніемъ должна была остановить вниманіе правительства на томъ обстоятельстве, что евреи Царства Польскаго, будучи лишены права водворяться въ Имперіи, менѣе другихъ могли пріобщаться къ русской жизни, находясь въ связи исключительно съ польскимъ народомъ. Первый шагъ, направленный къ ослабленію этой изолированности, былъ сдѣланъ весьма осторожно: право водворенія въ Имперіи, и то лишь въ предѣлахъ черты осѣдлости, было предоставлено только немногочисленнымъ, сравнительно, группамъ ⁸⁴).

И только въ 1868 г. евреямъ Царства Польскаго былъ разрѣшенъ свободный переходъ во всѣ мѣста, находящіяся въ чертѣ осѣдлости, а евреямъ Имперіи—въ предѣлы Царства Польскаго; тогда-же на евреевъ Царства Польскаго были распространены общіе законы. о правѣ евреевъ на повсемѣстное жительство ⁸⁵).

Облегченія коснулись и пограничной полосы: въ 1857 г., въ виду снятія границы между Имперіей и Царствомъ Польскимъ, евреямъ было дозволено жительство въ 50-верстномъ пространствѣ вдоль этой бывшей границы ⁸⁶). А въ слѣдующемъ году послѣдовала отмѣна прежнихъ распоряженій объ удаленіи евреевъ изъ 50-верстной полосы вдоль всей западной границы: приписанные къ мѣстнымъ обществамъ, а также прочіе, владѣющіе тамъ недвижимой собствен-

ностью, могли оставаться на постоянное жительство; однако новое причисленіе къ обществамъ и пріобрѣтеніе недвижимой собственности было запрещено ⁸⁷⁾.

Въ Сибири закономъ 1860 г. были отмѣнены ограничительныя правила о евреяхъ-поселенцахъ, допущено водвореніе ссыльныхъ евреевъ наравнѣ съ прочими ссыльными во всѣхъ сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ ⁸⁸⁾ и прекращено выселеніе сыновей ссыльно-поселенцевъ въ губерніи черты осѣдлости. Но вмѣстѣ съ тѣмъ законъ установилъ новое ограниченіе, примѣнявшееся, впрочемъ, въ то время ко всѣмъ ссыльнымъ: евреямъ было запрещено поселяться на стоверстномъ разстояніи отъ Китая и вообще отъ границъ съ народами, неподвластными Россіи; повидимому, это распоряженіе послѣдовало по тѣмъ-же соображеніямъ о контрабандѣ, какими была вызвана запретная полоса вдоль западной границы Россіи. Однако, уже вскорѣ (1863 г.) главное управленіе Восточной Сибири, а согласно съ нимъ и генер.-губернаторъ, высказались въ пользу отмѣны этого запрета, пояснивъ между прочимъ, что по договору съ Китаемъ на всемъ протяженіи границы допущена беспошлинная торговля и, кромѣ того, русскому купечеству (съ мелкимъ капиталомъ) дозволено беспошлинно торговать и въ Монголіи, такъ что вопросъ о контрабандномъ промыслѣ отпадаетъ. Одновременно мѣстныя власти указали, что, если отъ допущенія евреевъ въ край и не предвидится особой выгоды, то, съ другой стороны, къ этому не встрѣчается какихъ-либо препятствій; отдѣльные же чиновники сочли нужнымъ подчеркнуть, что притокъ евреевъ, не изъ числа ссылаемыхъ, принесъ бы краю пользу. Впрочемъ, всѣ эти мнѣнія не привели къ практическимъ результатамъ.

Общая тенденція облегчить евреямъ въ той или иной степени свободу въ передвиженіи слегка коснулась и Финляндіи—евреямъ было предоставлено временное пребываніе въ краѣ, по усмотрѣнію мѣстнаго губернатора, хотя и было подтверждено старое запрещеніе поселяться здѣсь ⁸⁹⁾.

На рубежѣ.

Борьба за эмансипацію евреевъ.—Комиссія по устройству быта евреевъ.—Записка криминалиста Неклюдова въ пользу гражданскаго равенства еврейскаго населенія и вызванное ею закрытіе комиссіи.—Ограниченіе, введенное въ Области Войска Донскаго, обрываетъ „эпоху облегченій“.

Въ 1872 г. была образована, подъ предсѣдательствомъ кн. Лобанова-Ростовскаго, междувѣдомственная „Комиссія по устройству быта евреевъ“, задачей которой было поставлено уничтоженіе обособленности евреевъ. Въ числѣ ея членовъ находились, между прочимъ, извѣстный криминалистъ, будущій товарищъ министра внутр. дѣлъ, занимавшій въ то время постъ старшаго юрисконсульта министерства юстиціи Н. А. Неклюдовъ и состоявшій при министерствѣ внутр. дѣлъ В. Карповъ. Среди различныхъ вопросовъ еврейской жизни, комиссія поручила одному изъ своихъ членовъ, тайн. сов. Григорьеву, составить записку о желательномъ измѣненіи законовъ о жительствоу. Этотъ докладъ, какъ онъ былъ охарактеризованъ впоследствии, въ документѣ, относящемся къ царствованію имп. Александра III, былъ „составленъ въ смыслѣ неблагопріятномъ для стремленій евреевъ: въ проектированныхъ Григорьевымъ мѣрахъ прежде всего приняты въ расчетъ интересы кореннаго русскаго и инородческаго населенія Имперіи, находящіяся въ противорѣчій съ интересами евреевъ“. При обсужденіи этого вопроса, какъ сообщаетъ цитированный документъ, въ комиссіи возникли сильныя разногласія,—такъ какъ большинство членовъ склонилось къ мысли о необходимости *„уравненія евреевъ въ правахъ съ прочими жителями“*.

Въ противовѣсъ запискѣ Григорьева о жительствоу, Неклюдовъ и Карповъ, съ согласія комиссіи, внесли новый докладъ, авторство котораго приписывается главнымъ образомъ Неклюдову ⁹⁰⁾.

Не ограничившись сравнительно узкими рамками затронутаго вопроса, Неклюдовъ посвятилъ первыя страницы своей записки защитѣ идеи объ эмансипаціи евреевъ. Исходя изъ соображенія, что существенное отличіе еврейскаго вопроса отъ другихъ соціальныхъ вопросовъ, какъ, напр., освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, заключается

въ томъ, что онъ возникъ и развился не на почвѣ матеріальныхъ и экономическихъ отношеній, а на почвѣ чисто нравственной, Неклюдовъ считалъ, что при разрѣшеніи вопроса объ уравненіи евреевъ въ гражданскихъ правахъ слѣдуетъ принимать во вниманіе лишь требованія нравственности и справедливости: „эмансипаціею евреевъ не нарушаются нисколько права прочихъ подданныхъ Имперіи, не наносится ущерба ничьимъ матеріальнымъ интересамъ; вслѣдствіе этого предоставленіе евреямъ общихъ гражданскихъ правъ не можетъ вызвать ни малѣйшаго потрясенія въ государственномъ строѣ Имперіи и является простымъ актомъ справедливости“. Можетъ ли и должно ли правительство „останавливаться предъ опасеніями, предъявляемыми противъ эмансипаціи евреевъ, когда всѣ историческіе антецеденты безусловно свидѣтельствуютъ въ пользу эмансипаціи“...

Противники эмансипаціи евреевъ въ Россіи не признаютъ достаточно убѣдительнымъ примѣръ прочихъ европейскихъ государствъ на томъ основаніи, что въ Западной Европѣ сравнительная малочисленность еврейскаго населенія дѣлаетъ равноправность его менѣе опасною, чѣмъ въ Россіи, гдѣ евреевъ считается нѣсколько милліоновъ, — „доводъ этотъ едва-ли не слѣдуетъ понимать въ обратномъ смыслѣ, такъ какъ очевидно, что стѣсненіе гражданской свободы и ограниченіе личныхъ правъ, будучи примѣнены къ немногочисленному классу населенія, не могутъ имѣть тѣхъ вредныхъ для государства послѣдствій, которыя обусловливаются безправностью цѣлаго народа“.

Указавъ далѣе на высочайшую волю, чтобы отмѣна ограниченій послѣдовала съ извѣстной постепенностью, Неклюдовъ подчеркнул, что это ограничительное условіе „не можетъ быть, конечно, понимаемо въ томъ смыслѣ, что предстоящая реформа еврейскаго быта должна ограничиться лишь улучшеніемъ положенія нѣкотораго и, притомъ, по возможности, незначительнаго числа евреевъ;.. реформа гражданскаго быта евреевъ должна заключаться въ постепенномъ уничтоженіи отдѣльныхъ группъ и категорій ограничительныхъ законовъ относительно *всего* еврейскаго народа вообще, а отнюдь не о созданіи льготъ и привилегій для отдѣльныхъ личностей этого населенія“.

Съ этой точки зрѣнія Неклюдовъ разсмотрѣлъ въ подробности и вопросъ объ отмѣнѣ ограничительныхъ законовъ о жительствѣ евреевъ.

Опираясь на представленіе многихъ администраторовъ о необходимости уравнивать евреевъ въ правѣ передвиженія съ другими подданными, Неклюдовъ доказывалъ, что торгѳовыя, промышленныя и ремесленныя занятія, а также посредническая дѣятельность евреевъ не должны быть признаваемы трудомъ непроизводительнымъ: торгово-промышленная дѣятельность евреевъ страдаетъ отъ существованія черты осѣдлости и потому надо дать еврейской массѣ возможность расселиться, — „этого одинаково требуютъ не только польза самихъ евреевъ, но и въ гораздо большей мѣрѣ выгоды нееврейскаго населенія Западнаго края и тѣхъ мѣстностей внутренней Россіи, которыя нуждаются въ оживленіи торговой и промышленной дѣятельности“.

Выступая далѣе противъ обвиненія евреевъ въ эксплуатациіи окружающаго населенія, Неклюдовъ указывалъ, что, если отъ нихъ кто либо страдаетъ, то только конкурренты, ищущіе непомѣрныхъ барышей. Само же еврейское населеніе бѣдствуетъ.

А въ заключеніе Неклюдовъ обратилъ вниманіе на слѣдующія соображенія: „а) право на повсемѣстное жительство почитается прирожденнымъ, естественнымъ правомъ каждаго гражданина и признается таковымъ всѣми цивилизованными государствами Европы: б) лишеніе кого-либо этого права опредѣляется во всѣхъ законодательствахъ, а въ томъ числѣ и въ нашемъ, лишь въ видѣ наказанія за нѣкоторыя уголовныя преступленія, но и въ этомъ случаѣ оно заключается лишь въ воспрещеніи жительства только въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ мѣстностяхъ и притомъ не вѣчно, а лишь въ теченіи указаннаго въ судебномъ приговорѣ срока; в) разумокъ не допускаетъ такихъ соображеній, которыя оправдывали бы постановленіе многомилліоннаго населенія еврейскаго въ тѣ-же самыя рамки, въ которыя законъ ставитъ уголовного преступника, и тѣмъ болѣе въ рамки болѣе худшія, въ которыхъ находится оно нынѣ, будучи вѣчно прикрѣплено къ извѣстному мѣсту.“

„Признавая, такимъ образомъ, что дарованіе еврейскому

населенію права повсемѣстнаго жительствова являється не только своевременнымъ, какъ первый шагъ къ уравненію правъ евреевъ съ остальными подданными Имперіи, не бесполезно оговорить, что право это должно быть предоставлено имъ безъ всякихъ ограниченій“...

Ознакомившись съ докладомъ Неклюдова, новый председатель комиссіи, товарищъ министра вн. дѣлъ, сенаторъ Мартыновъ, „находя приводимые въ эмансипаціонномъ проектѣ доводы слабыми и имѣя въ виду могущій произойти вредъ прочему населенію Имперіи отъ предоставленія евреямъ одинаковыхъ со всѣми правъ“, поручилъ составить новый докладъ противоположнаго характера.

Но нельзя было не предвидѣть, что контръ-докладъ не повліяетъ на мнѣніе большинства. Сенаторъ Мартыновъ былъ уволенъ. На его мѣсто никто не былъ назначенъ председателемъ комиссіи и, такимъ-то образомъ, дѣятельность учрежденія, большинство членовъ котораго высказалось за уравненіе евреевъ въ правахъ, вообще, и въ частности, за уничтоженіе ограничительныхъ законовъ о жительствова, была пресѣчена.

А между тѣмъ въ это-же время появился ограничительный законъ, печально завершившій „эпоху облегченій“ и какъ бы возвѣстившій начало новаго періода въ законодательствѣ о евреяхъ.

Около 1874 года областное правленіе Области Войска Донского обратило вниманіе на то, что со времени передачи Грушевской желѣзной дороги въ распоряженіе еврея-концессионера, въ краѣ стали поселяться евреи въ качествѣ поставщиковъ, ремесленниковъ, агентовъ и др.; они развили крупные торговые обороты, особенно по каменноугольной промышленности, и вмѣстѣ съ тѣмъ вступили въ разнообразныя сдѣлки съ крестьянами. Такая энергичная дѣятельность, по заявленію администраціи, пріостановила развитіе промышленности и торговли среди казаковъ, которыя обѣщали достигнуть значительныхъ размѣровъ; съ этой-то точки зрѣнія евреи были признаны элементомъ вреднымъ и областное правленіе выступило съ ходатайствомъ о запрещеніи всѣмъ евреямъ, вообще, безъ изъятія, селиться въ области. Отмѣтивъ исключительное положеніе Донской области, казачье

населеніе которой поголовно обязано воинскою повинностью—областное правленіе заявило, что единственный и вѣрный способъ спасти отъ разоренія хозяйство казаковъ и только—что начинающіе развиваться въ области промыслы и торговлю — это воспрещеніе евреямъ имѣть здѣсь жительство и пріобрѣтать недвижимую собственность. А военный совѣтъ заявилъ по этому поводу, что слишкомъ поспѣшная эксплоатація мѣстныхъ богатствъ и быстрое развитіе промышленности вовсе нежелательны, такъ какъ это сопровождается обогащеніемъ однихъ и обѣдненіемъ другихъ; между тѣмъ казаки должны обладать достаткомъ, такъ какъ отбываютъ воинскую повинность на собственныхъ лошадяхъ и съ собственнымъ снаряженіемъ; развитіе промышленности и торговли въ средѣ казачьяго населенія должно идти поэтому медленно и казаки не могутъ бороться въ этомъ отношеніи съ евреями; съ другой же стороны, донскіе землевладѣльцы находятся въ весьма стѣсненномъ матеріальномъ положеніи, что дастъ, молъ, евреямъ возможность сосредоточить въ своихъ рукахъ земельную собственность. Поэтому—необходимы ограничительныя мѣры.

Главноуправляющій II отдѣленіемъ Собств. Е. И. В. канцеляріи, допуская даже, что въ отношеніи евреевъ, быть можетъ, необходимо принять исключительныя мѣры, высказался противъ изданія новаго спеціальнаго закона и предложилъ лишь временно пріостановить въ отношеніи Донской Области дѣйствіе общаго закона, разрѣшавшаго повсемѣстное жительство извѣстнымъ группамъ еврейскаго населенія, но военный министръ Милютинъ высказался за то, чтобы былъ изданъ *постоянный* законъ, дѣйствіе котораго не прекращалось бы, пока существуетъ военное казачье сословіе. И вотъ, закономъ 22 мая 1880 г., впредь до общаго пересмотра законодательства о евреяхъ, имъ было воспрещено водворяться и имѣть въ области постоянное жительство (за исключеніемъ лицъ, имѣющихъ ученые степени доктора медицины, магистра или кандидата по прочимъ факультетамъ, и нѣкоторыхъ другихъ категорій) ⁹¹⁾.

Къ старымъ завѣтамъ.

Гр. Игнатъевъ и „Временныя правила“ 1882 г.

Анти-еврейскіе беспорядки 1881 года.—Жертвы погромной катастрофы, евреи устами гр. Игнатъева объявляются ея виновниками.—Широкій планъ репрессій.—Борьба комитета министровъ съ реакціоннымъ движеніемъ.—Записка министра финансовъ Бунге.—Пораженіе гр. Игнатъева.—„Временныя правила“ 1882 г.—запрещеніе водворяться въ селахъ и деревняхъ.—Пересмотръ законовъ о евреяхъ.

Трагическая кончина Александра II, усиливъ реакціонные элементы въ правящихъ кругахъ и въ обществѣ, побудила правительство импер. Александра III направить свою дѣятельность къ укрѣпленію самодержавной власти, вслѣдствіе чего многое изъ того, что было сдѣлано въ эпоху великихъ реформъ, подверглось коренной ломкѣ. Еврейскому вопросу, въ связи съ этимъ, также предстояло въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ получить новое направленіе; но разившіеся на югѣ Россіи въ апрѣлѣ 1881 года погромы въ значительной степени ускорили перемѣну правительственной политики по отношенію къ евреямъ и вообще обострили еврейскій вопросъ.

Сперва правительство взглянуло на погромы, какъ на одно изъ проявленій революціоннаго движенія. Признавая, что „въ преступныхъ беспорядкахъ на югѣ Россіи евреи служатъ только предлогомъ, что это дѣло рукъ анархистовъ“, имп. Александръ III заявилъ еврейской депутаціи, что онъ одинаково относится ко всѣмъ вѣрноподаннымъ безъ различія племени и вѣроисповѣданія⁹³). Но взглядъ на погромы круто измѣнился, когда постъ министра вн. дѣлъ занялъ гр. Н. П. Игнатъевъ. Мѣстныя власти объяснили возникновеніе этого движенія совокупными причинами: экономическимъ господствомъ евреевъ, обнищаніемъ

крестьянъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій земледѣлія и торговли, религіозной непріязнью русскаго населенія къ инородцамъ и, наконецъ, колебаніемъ умовъ, вызваннымъ трагической кончиной Александра II. Но гр. Игнатъевъ, остановивъ свое вниманіе лишь на одномъ изъ этихъ указаній, придавъ факту погромовъ такое объясненіе, которое должно было превратить еврея изъ жертвы погромовъ въ ихъ виновника.

„Признавая вредныя для христіанскаго населенія страны послѣдствія экономической дѣятельности евреевъ, ихъ племенной замкнутости и религіознаго фанатизма,—гласилъ его всеподданнѣйшій докладъ 21 августа 1881 г.—правительство въ послѣднія 20 лѣтъ цѣлымъ рядомъ предпринятыхъ мѣръ старалось способствовать сліянію евреевъ съ остальнымъ населеніемъ и почти уравнило евреевъ въ правахъ съ коренными жителями“. Между тѣмъ анти-еврейское движеніе „неопровержимо доказываетъ, что, несмотря на всѣ старанія правительства, ненормальность отношеній между еврейскимъ и кореннымъ населеніемъ этихъ мѣстностей продолжаетъ существовать попрежнему“. Главная причина погромовъ коренится, по словамъ Игнатъева, въ обстоятельствахъ экономического характера: евреи за послѣднія 20 лѣтъ—т. е. со времени смягченія правовыхъ ограниченій—захватили въ свои руки не только торговлю и промыслы, но пріобрѣли значительную поземельную собственность, „причемъ, благодаря сплоченности и солидарности, они, за немногими исключеніями, направили всѣ свои усилія не къ увеличенію производительныхъ силъ государства, а къ эксплуатаціи преимущественно бѣднѣйшихъ классовъ окружающаго населенія... Подавивъ энергично бывшіе безпорядки и самоуправство для огражденія евреевъ отъ насилія, *правительство признаетъ справедливымъ и неотложнымъ принять не менѣе энергичныя мѣры къ устраненію нынѣшнихъ ненормальныхъ условій, существующихъ между коренными жителями и евреями, и для огражденія населенія отъ той вредной дѣятельности евреевъ, которая, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, вызвала волненіе*“.

Гр. Игнатъевъ учредилъ въ губерніяхъ черты осѣдлости особыя комиссіи, которыя должны были отвѣтить главнымъ образомъ на вопросы, поставленные министромъ въ такой

формѣ, которая заранѣе опредѣлила характеръ отвѣтовъ „Основная почва для разработки и преній комиссій,—какъ отмѣтила впоследствии „высшая комиссія по пересмотру законовъ о евреяхъ“, — была какъ бы заранѣе не только намѣчена, но и установлена въ программѣ, данной комиссіямъ; а именно—вредъ отъ евреевъ, ихъ дурныя качества и свойства были уже какъ бы заранѣе признаны, и комиссіи приглашались только указать средства суровой борьбы съ еврейскимъ зломъ“. Но и при этихъ столь благопріятныхъ условіяхъ гр. Игнатъевъ не намѣревался считаться съ сужденіями комиссій⁹³). Еще до полученія отъ нихъ матеріаловъ Игнатъевымъ былъ учрежденъ для обсужденія еврейскаго вопроса во всей его совокупности особый „комитетъ о евреяхъ“, который спѣшно приступилъ къ работѣ.

Вновь образованный комитетъ, руководимый товарищемъ министра внутр. дѣлъ Готовцевымъ и имѣвшій среди своихъ немногочисленныхъ членовъ извѣстнаго профессора Андреевскаго, уже вскорѣ формулировалъ новую точку зрѣнія на еврейское населеніе, которой правительство должно было бы впредь придерживаться, совершенно отличную отъ той, которая установилась въ „эпоху великихъ реформъ“.

Записка, составленная этимъ комитетомъ, представляла собою гимнъ архаическому укладу давней русской государственной жизни и проклятіе общественному прогрессу.

„Недавнія прискорбныя столкновенія коренного населенія съ евреями и трудность разрѣшенія запутаннаго еврейскаго вопроса вынуждаютъ обратиться за указаніями къ *старинѣ*, къ тому времени, когда разныя новшества еще не проникли ни въ чужеземное, ни въ наше законодательство и не успѣли еще принести съ собой тѣхъ печальныхъ послѣдствій, которыя обыкновенно наступаютъ, когда къ данной странѣ, къ данному обществу примѣняются начала, противныя духу народному“. Евреи издавна почитаются въ Россіи инородцами, а между тѣмъ имъ предоставлены права, которыя не должны принадлежать имъ, какъ таковымъ: „отказаться поэтому отъ не принесшихъ пользы новшествъ въ воззрѣніяхъ и строго придерживаться выработанныхъ всей предшешей исторіей государства началъ, выраженныхъ въ стародавнемъ законѣ, по которому евреи считаются инородцами, казалось

бы и есть тотъ путь, котораго слѣдовало бы держаться въ осложнившемся еврейскомъ вопросѣ“.

Въ связи съ этимъ была выработана обширная программа репрессій, среди коихъ были намѣчены въ отношеніи жительства слѣдующія ограниченія: запретить выѣздъ за предѣлы черты осѣдлости всѣмъ вообще евреямъ, не исключая тѣхъ, которымъ это дозволено законами; выселить изъ внутреннихъ губерній ремесленниковъ, механиковъ и другихъ, если „будетъ дознано полиціей или указано жителями, что они ремесломъ своимъ не занимаются, а добываютъ средства къ жизни посторонними занятіями“; удалить евреевъ изъ селъ и деревень, если того потребуютъ *сельскія общества*.

Такимъ образомъ, карательная власть надъ многотысячнымъ еврейскимъ населеніемъ была передана русскому населенію и притомъ преимущественно въ лицѣ наименѣе культурныхъ его слоевъ.

Всѣ эти мѣры, проходя обычнымъ законодательнымъ порядкомъ, потребовали бы много времени, а между тѣмъ заинтересованныя лица очень желали по возможности скорѣе провести хотя бы какія нибудь репрессіи—особые „политическіе“ виды побуждали ихъ „наглядно показать сельскому населенію, что правительство заботится объ огражденіи его отъ эксплуатаціи евреевъ“. И вотъ, комитетъ разбилъ намѣченныя мѣры на двѣ категоріи: „временныя-предупредительныя“, подлежащія немедленному осуществленію, внѣ обычнаго законодательнаго порядка, дабы предупредить, какъ угрожалъ комитетъ, возобновеніе погромовъ, и „основныя-законодательныя“, которыя слѣдовало провести установленнымъ законодательнымъ путемъ. Первой группѣ ограниченій предстояло позже войти въ составъ будущаго законодательства, и наименованіе „временныя“ было имъ дано не въ ожиданіи того, что они будутъ вскорѣ упразднены, а въ предположеніи, что они въ близкомъ будущемъ явятся составной частью новаго ограничительнаго законодательства.

Важнѣйшимъ изъ проектированныхъ правилъ являлось воспрещеніе евреямъ жительства внѣ городовъ и мѣстечекъ и производства тамъ питейной торговли, чѣмъ, по любопытному объясненію комитета, удовлетворялись не только

интересы крестьянъ, но, будто, и самихъ евреевъ, такъ какъ правительство не въ силахъ защищать ихъ отъ погромовъ по многочисленнымъ деревнямъ—комитетъ какъ бы забылъ, что погромы разразились преимущественно въ городахъ.

Мѣру освобожденія уѣздовъ отъ евреевъ комитетъ возложилъ на крестьянъ, предоставивъ сельскимъ обществамъ право выселять евреевъ по приговорамъ, принятымъ сходами простымъ большинствомъ голосовъ, а не $\frac{2}{3}$, какъ то требовалось для выселенія крестьянъ; сельскимъ обществамъ было также разрѣшено ходатайствовать о выселеніи евреевъ изъ помѣщичьихъ имѣній.

Одобривъ и даже дополнивъ эти предположенія комитета, гр. Игнатъевъ направилъ ихъ въ комитетъ министровъ. Но здѣсь его ждало разочарованіе.

Даже министръ государств. имуществъ Островскій, отнюдь не благорасположенный къ евреямъ, усомнился, допустимо ли, чтобы „временныя правила“, значительно ограничивающія права евреевъ, были осуществлены не законодательнымъ порядкомъ, а путемъ разсмотрѣнія ихъ только въ комитетѣ министровъ; при этомъ онъ отмѣтитъ, что исполненіе этихъ мѣръ должно было бы послѣдовать „съ наименьшими насиліями, съ возможнымъ спокойствіемъ и съ возможнымъ ограниченіемъ страданій“ десятковъ тысячъ душъ „хотя бы и евреевъ“, но правила этому отнюдь не соотвѣтствуютъ, а между тѣмъ значительная часть евреевъ, живущихъ въ деревняхъ, бѣдствуетъ „въ полномъ смыслѣ этого слова“ и не можетъ выселиться за неимѣніемъ средствъ.

Съ сильной и обоснованной критикой выступилъ противъ проекта и министръ финансовъ Бунге.

„Надлежитъ сознаться, писалъ онъ, что предлагаемыя мѣры не могутъ не возбуждать, при самомъ правильномъ исполненіи ихъ, весьма существенныхъ возраженій, особенно при томъ условіи, что онѣ предполагаются къ осуществленію немедленно и не какъ органическій законъ, а въ видѣ временныхъ правилъ, хотя правила эти должны примѣняться къ цѣлымъ сотнямъ тысячъ людей, имѣющихъ весьма обширныя торговыя сношенія и сдѣлки и съ участію которыхъ связаны, въ большинствѣ случаевъ, интересы и христіанскаго населенія“.

Приведя далѣе статистическія данныя о торгово-промышленной дѣятельности евреевъ, Бунге продолжалъ:

„Это (торговое) значеніе было причиною замѣчаемаго неоднократно колебанія въ правительственныхъ распоряженіяхъ относительно евреевъ. Неоднократно противъ евреевъ предписывались самыя крутыя мѣры и тѣмъ не менѣе мѣры эти въ послѣдствіи отмѣнялись, что происходило, безъ сомнѣнія, не отъ слабости Правительства, а по причинамъ, оправдывавшимся высшими государственными соображеніями... Многія изъ установленныхъ ограниченій были отмѣняемы, такъ какъ практика указывала, что эти ограниченія даютъ только поводъ къ злоупотребленіямъ низшихъ властей, не принося существенной пользы государству... За евреями узаконено было право селиться въ деревняхъ... Постепенно облегченъ переходъ евреевъ во внутреннія губерніи... Въ настоящее время министерство внутреннихъ дѣлъ предлагаетъ обращеніе къ противоположному направленію, притомъ, какъ уже сказано выше, не въ видѣ общаго закона, а въ видѣ отдѣльныхъ и временныхъ мѣръ, которыя, тѣмъ не менѣе, должны отмѣнить многія дѣйствующія постановленія, изданныя законодательнымъ порядкомъ и состоявшіяся на основаніи особыхъ, безъ сомнѣнія, весьма важныхъ соображеній.

„Допуская даже, что оставленіе евреевъ въ селеніяхъ нежелательно, и что нежелательно также сохраненіе за ними права раздробительной торговли питьями въ деревняхъ, нельзя не согласиться, что едва ли было бы удобно сразу установить такія мѣры, послѣдствіемъ которыхъ было бы неизбежное разореніе многихъ лицъ“.

Здѣсь Бунге сослался на новороссійскаго генералъ-губернатора Дондукова-Корсакова, указавшаго на то, что выселеніе евреевъ вызоветъ разстройство экономической жизни во всемъ краѣ, а также на харьковскаго ген.-губернатора Святополкъ Мирскаго, выступившаго противъ лишенія евреевъ права торговли питьями, такъ какъ толкая евреевъ, оставшихся безъ средствъ къ жизни, на путь обхода закона, эта мѣра приведетъ лишь къ тому, что „прибавится еще новый видъ эксплуататоровъ (христіанъ), извѣстныхъ подъ названіемъ цѣловальниковъ, заинтересованныхъ въ спаиваніи народа настолько-же, насколько и еврей“.

Что касается воспрещенія евреямъ торговли въ селеніяхъ и изгнанія ихъ оттуда по приговорамъ крестьянскихъ обществъ, то подобная мѣра—заявилъ Бунге—можетъ причинить вредъ торговлѣ и вызвать громадныя убытки, а вмѣстѣ съ тѣмъ—„дастъ поводъ къ разнаго рода злоупотребленіямъ со стороны крестьянскихъ обществъ, отдавая въ полный произволъ еврейское населеніе и открывая, такимъ образомъ, широкое поле для взятокъ, насилій и всякаго рода притѣсненій мірскими властями; составленіе приговоровъ крестьянскими обществами объ удаленіи евреевъ изъ селеній, безъ сомнѣнія, сопровождаться будетъ во многихъ случаяхъ подкупами, попойками и другими безобразіями“. Къ тому-же выселеніе евреевъ въ города можетъ поставить въ затрудненіе не только переселенцевъ, но и жителей городовъ; наконецъ, „настоящая крутая мѣра несомнѣнно причинитъ еще большія затрудненія для правительства и усложнитъ въ политическомъ отношеніи положеніе государства, создавая массу недовольныхъ лицъ не только между евреями, но и между прочимъ населеніемъ, имѣвшимъ торговыя сношенія съ ними, и нисколько не содѣйствуя улучшенію взаимныхъ отношеній евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, а, напротивъ, еще болѣе усиливая вражду первыхъ, что, безъ сомнѣнія, никакъ нельзя признать цѣлью, къ которой должно стремиться правительство“.

Вообще же мѣры, подчеркнул Бунге, которыми измѣняются существующія постановленія, не могутъ быть приняты безъ разсмотрѣнія ихъ въ законодательномъ порядкѣ; было бы осторожнѣе, не приступая къ разсмотрѣнію мѣръ, предлагаемыхъ гр. Игнатьевымъ, подвергнуть ихъ обсужденію въ Государственномъ совѣтѣ.

Министръ юстиціи Д. Набоковъ, ознакомившись съ запиской Бунге, всецѣло поддержалъ высказанный въ ней взглядъ на необходимость слѣдовать установленному законодательному пути.

Въ засѣданіи комитета министровъ гр. Игнатьевъ понялъ, что записка Бунге разрушила его замыслы, и онъ пошелъ на уступки: онъ отказался отъ выселенія евреевъ изъ селъ и деревень, заявивъ, что считаетъ достаточнымъ воспрещеніемъ *вредъ* тамъ водворяться. Этой поправкой были въ значи-

тельной степени смягчены „временныя правила“, такъ какъ тяжесть ихъ заключалась, главнымъ образомъ, въ насильственномъ удаленіи еврейской массы изъ уѣздовъ, противъ чего на протяженіи восьмидесяти лѣтъ многократно высказывались важнѣйшіе администраторы. Но опасаясь, что и это предложеніе не будетъ принято, гр. Игнатъевъ, въ заключеніе, въ цѣляхъ воздѣйствія на комитетъ министровъ, заявилъ, что, по сообщеніямъ генераль-губернаторовъ, отсрочка въ принятіи мѣръ противъ евреевъ угрожаетъ новыми погромами.

Однако въ оцѣнкѣ „временныхъ правилъ“ комитетъ министровъ во всемъ согласился съ Бунге, подчеркнувъ при этомъ, что принятіе репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ „евреямъ“ можетъ быть истолковано массою въ томъ смыслѣ, что правительство отступило предъ уличнымъ движеніемъ толпы.

Мѣры, предложенныя комитетомъ Готовцева, были отвергнуты. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ министровъ занялся обсужденіемъ заявленія, сдѣланнаго гр. Игнатъевымъ, въ засѣданіи комитета министровъ.

Все различіе между готовцевскимъ проектомъ, представленнымъ гр. Игнатъевымъ, и его личнымъ заявленіемъ заключалось въ томъ, что предполагавшаяся мѣра *выселенія* евреевъ изъ уѣздовъ была замѣнена запрещеніемъ евреямъ *впредь водворяться* тамъ. При такихъ условіяхъ, комитетъ министровъ могъ бы принять первоначальный проектъ, сдѣлавъ въ немъ соотвѣтствующее измѣненіе. Между тѣмъ комитетъ министровъ всецѣло отвергъ правила, выработанныя комитетомъ Готовцева, и сталъ обсуждать заявленіе гр. Игнатъева, какъ совершенно новое предложеніе. Этимъ путемъ комитетъ министровъ положилъ рѣзкую грань не столько между мѣрами, предлагавшимися въ обоихъ случаяхъ, сколько между тѣми соображеніями, которыми онѣ объяснялись. Проектъ комитета Готовцева обнималъ не только „временныя мѣры“, но и ту будущую законодательную реформу, органической частью которой онѣ являлись. Заявленіе же гр. Игнатъева въ комитетѣ министровъ касалось только уже смягченныхъ временныхъ мѣръ, которыми имѣлось въ виду будто предотвратить погромы. Такимъ образомъ, отвергнувъ проектъ Готовцева, комитетъ министровъ

осудилъ его общую точку зрѣнія на разрѣшеніе еврейскаго вопроса...

Комитетъ министровъ, быть можетъ, въ виду угрозы гр. Игнатьева, что погромы возобновятся, если не будутъ приняты мѣры противъ евреевъ, согласился на запрещеніе евреямъ *впредь* поселяться въ деревняхъ, такъ какъ эта мѣра не нарушала правъ тѣхъ, кто тамъ уже жилъ, а затѣмъ ею предотвращался дальнѣйшій наплывъ евреевъ въ уѣзды, что, при тогдашнихъ условіяхъ, могло бы вызвать возобновленіе беспорядковъ ⁹⁴).

Изъ широкаго проекта гр. Игнатьева осталось, сравнительно, немногое.

Но предстоялъ еще общій пересмотръ законовъ о евреяхъ, порученный комитету Готовцева. Комитетъ министровъ рѣшилъ парализовать его дѣятельность, и съ этой цѣлью счелъ нужнымъ учредить новый комитетъ, особую высшую комиссію, подъ предсѣдательствомъ лица, назначеннаго государемъ.

„Временныя правила“, а также указанное предложеніе комитета министровъ, были 3 мая 1882 г. Высочайше утверждены ⁹⁵).

Торжество реакціи.

Паленская комиссія: ея взгляды на эмансипацію евреевъ; безуспѣшное противодѣйствіе усиленію ограниченій; требованіе отмѣны „временныхъ правилъ“.—Новыя ограниченія въ отношеніи жительства: выселеніе изъ Москвы и Ялты; попытка прегражденія доступа въ Сибирь.—Иностранные евреи.—Усиленіе административныхъ репрессій: выселеніе изъ запретныхъ мѣстностей; усугубленіе „временныхъ правилъ“.—Возобновленіе представленій о смягченіи „временныхъ правилъ“.—

Палліативныя мѣры въ этомъ вопросѣ.

Разработка новаго законодательства о евреяхъ, вырван-ная комитетомъ министровъ изъ рукъ Готовцева, была передана образованной въ 1883 г. междувѣдомственной „Высшей комиссіи для пересмотра дѣйствующихъ о евреяхъ въ Имперіи законовъ“, предсѣдателемъ которой былъ по Высочайшему повелѣнію назначенъ графъ К. И. Паленъ.

Вслѣдъ за уходомъ гр. Игнатьева въ отставку, состоявшимся вскорѣ по изданіи „временныхъ правилъ“, наступилъ моментъ, когда мелькнула надежда, что нервность, внесенная правительствомъ въ разрѣшеніе вопросовъ еврейской жизни,

уступить мѣсто болѣе трезвой оцѣнкѣ создавшагося тревожнаго положенія.

Въ теченіе десятилѣтій евреи, гонимые нуждою, проникали въ запретныя поселенія и нерѣдко мѣстныя полиція и администрація относились къ этому снисходительно. Это явленіе столь явно представлялось неизбѣжнымъ результатомъ несоотвѣтствія между требованіемъ жизни и закономъ, что, въ виду предполагавшагося пересмотра законовъ о жительствѣ евреевъ, министръ внутр. дѣлъ циркуляромъ отъ 3 апр. 1880 г. даже предписалъ губернаторамъ не выселять евреевъ, хотя и не имѣющихъ права на жительство внѣ черты осѣдлости, но все же успѣвшихъ поселиться тамъ. Когда же, послѣ погромовъ 1881 г., въ атмосферѣ разыгравшихся страстей, послѣдовали массовыя высылки евреевъ изъ внутреннихъ губерній, гр. Толстой, замѣститель гр. Игнатьева, циркуляромъ 21 іюня 1882 г. напомнилъ о циркулярѣ 1880 г. и потребовалъ, чтобы губернаторы ограничились принятіемъ мѣръ только противъ дальнѣйшаго незаконнаго водворенія евреевъ.

Но уже вскорѣ стало яснымъ, что наступило время, неблагоприятное для разсмотрѣнія жгучаго вопроса. И общія условія политической жизни страны, а еще болѣе „временныя правила“, послужившія въ представленіи общества заслуженнымъ наказаніемъ для евреевъ за вызванные ими анти-еврейскіе погромы, создавали атмосферу, въ которой нельзя было ожидать безпристрастнаго отношенія къ евреямъ. О томъ, въ какихъ условіяхъ пришлось работать гр. Палену, краснорѣчиво говоритъ вскорѣ наступившая эпоха притѣсненій. И тѣмъ не менѣе паленская комиссія, въ лицѣ большинства ея членовъ, среди коихъ, помимо предсѣдателя, особенно выдѣляется имя Н. Н. Герарда, осталась глухой къ вліянію извнѣ. Послѣ пятилѣтняго изученія такъ называемаго „еврейскаго вопроса“ она высказала слово, которое явилось въ то время смѣлымъ протестомъ противъ надвинувшейся реакціи. Рѣшительно отвергнувъ анти-государственную точку зрѣнія на евреевъ, установленную комитетомъ Готовцева, паленская комиссія твердо заявила, что и законъ страны, и чувство справедливости, и наука государственнаго права поучаютъ, что всѣ подданные находятся подъ общимъ покровительствомъ законовъ, всѣ они имѣютъ одинаковыя гражданскія права, всѣ они.

пользуются свободою передвиженія и жительства. Когда населеніе нарушаетъ долгъ присяги, правительство, подавивъ даже вооруженное возстаніе, налагаетъ на него только временно нѣкоторыя ограниченія. Но сила этой кары не можетъ итти въ сравненіе съ ограниченіями, установленными для еврейскаго населенія: они имѣютъ характеръ безсрочной мѣры, хотя евреи по преимуществу мирный народъ. Если въ силу своего исключительнаго положенія, вызваннаго ограничительнымъ законодательствомъ, евреи и не выполняютъ государственныхъ обязанностей въ равной мѣрѣ съ другими подданными, то все же нельзя „лишать еврея тѣхъ основъ, на которыхъ зиждется его бытіе, его равноправіе, какъ подданнаго, его свобода, какъ гражданина“. И вотъ почему, даже соглашаясь съ тѣмъ, что нѣкоторыя стороны внутренней еврейской жизни требуютъ реформы, что отдѣльные виды дѣятельности евреевъ представляютъ эксплоатацію окружающаго населенія, паленская комиссія, извлекая урокъ изъ богатаго столѣтняго опыта русской власти, пришла къ заключенію, діаметрально противоположному тому, которое было высказано комитетомъ Готовцева. Въ разрѣшеніи еврейскаго вопроса, по мнѣнію паленской комиссії, нужно, правда, соблюдать „*постепенность и осторожность*“, но все же цѣлью законодательства можетъ служить лишь одно—„*постепенное уравненіе правъ евреевъ со всѣми другими подданными Имперіи*“. Не слѣдуетъ забывать,—гласила записка комиссії,—что, несмотря на самые сильные ограничительные законы, несмотря на цѣлыя десятилѣтія самаго суроваго взгляда на евреевъ, русское законодательство все-таки представляетъ постепенный рядъ смягченій. „Въ этомъ прогрессѣ проявилась сама жизнь, ростъ просвѣщенія и культуры, и едва-ли есть сила, могущая остановить это движеніе, могущая поставить ему преграду. Сама исторія законодательства, несмотря на то, что она слагалась, большей частью, подъ вліяніемъ самаго суроваго взгляда на евреевъ,—учить насъ, что существуетъ лишь одинъ исходъ и одинъ путь—правда медленный и постепенный, это—путь *освободительный* и объединяющій евреевъ со всѣмъ населеніемъ подъ сѣнью однихъ и тѣхъ-же законовъ. Обо всемъ этомъ свидѣтельствуется не теорія или доктрина, но живая,

столѣтняя практика... Конечная цѣль законодательства о евреяхъ, такимъ образомъ, не что иное, какъ его *упраздненіе*, вызванное требованіемъ жизни, ходомъ просвѣщенія и образованіемъ народныхъ массъ“⁹⁶).

Такимъ образомъ, паленская комиссія не поставила ребромъ вопроса о ближайшей эмансипаціи евреевъ; напротивъ, комиссія отодвинула ее къ отдаленному будущему. Тѣмъ не менѣе симптоматическое значеніе заявленія, сдѣланнаго паленской комиссіей, несомнѣнно велико; въ условіяхъ того момента оно должно оцѣниваться не съ точки зрѣнія положительныхъ дѣйствій комиссіи, а — отрицательныхъ. Видя, что безудержная волна вражды готова пройти черезъ головы еврейскаго населенія, большинство членовъ паленской комиссіи признало, что теперь не время говорить объ облегченіи участи евреевъ; наибольшее, что можно сдѣлать — отворотить отъ нихъ новыя ограниченія, предложенныя меньшинствомъ.

Провозгласивъ эмансипацію евреевъ лозунгомъ для правительственной дѣятельности въ отношеніи нихъ, паленская комиссія, въ лицѣ наиболѣе прогрессивно настроенныхъ членовъ, вынуждена была направить свои усилія къ тому, чтобы ограничительные законы не были усугублены. И когда по вопросу о жительствоу упорное меньшинство стало добиваться того, чтобы былъ отмѣненъ законъ 1865 г., предоставившій право повсемѣстнаго жительства многолюдной группѣ ремесленниковъ и другихъ, большинство было вынуждено ограничить свои пожеланія тѣмъ, чтобы законы о повсемѣстномъ жительствоу остались безъ измѣненія, чтобы черта осѣдлости не была ни сужена, ни расширена. Въ условіяхъ того момента, когда грубые инстинкты, не сдерживаемые силою безстрастныхъ законовъ, торжествуяще переступили всякія преграды, паленская комиссія сочла себя вынужденной остановиться только на такихъ предложеніяхъ, осуществленіе которыхъ являлось минимальнымъ требованіемъ реальной жизни, — а именно, чтобы право передвиженія и жительства евреевъ, какъ въ чертѣ осѣдлости, такъ и внѣ ее, не подверглось новымъ ограниченіямъ.

А между тѣмъ, если усиленіе стѣсненій за предѣлами черты осѣдлости служило пока только предметомъ домогательствъ со стороны отдѣльныхъ лицъ изъ бюрократическихъ круговъ,

то умаленіе прежнихъ правъ въ чертѣ осѣдлости было уже осуществлено „временными правилами“ 1882 года. Болѣе того, подѣ влияніемъ настроенія въ Петербургѣ, мѣстныя власти стали даже усугублять силу этого закона. Губернская администрація уже вскорѣ убѣдилась, что она бессильна фактически ввести законъ въ дѣйствіе, но, вмѣсто того, чтобы объяснить возникшія затрудненія несоотвѣтствіемъ между закономъ и жизнью, губернаторы пытались доказать, что неудача вызвана неполнотою закона 1882 г., что для достиженія цѣли, намѣченной правительствомъ, надо запретить евреямъ не только новое водвореніе въ деревняхъ и селахъ, но и жителство тѣмъ, кто уже тамъ поселенъ. Тѣмъ не менѣе паленская комиссія заявила, что запрещеніе селиться въ деревняхъ и селахъ ⁹⁷⁾ находится въ полномъ противорѣчій съ общимъ законодательствомъ о евреяхъ, ограничивая ихъ личную свободу въ мѣстахъ постоянной ихъ осѣдлости; прикрѣпленіе четырехмилліоннаго населенія къ городамъ и мѣстечкамъ, гдѣ уже ощущается такой избытокъ торговаго и ремесленнаго люда, обрекло бы массу еврейскаго населенія на крайнюю нищету и содѣйствовало бы еще большей обособленности евреевъ среди христіанъ и взаимной неприязни. Эта мѣра къ тому-же затрагиваетъ интересы не однихъ евреевъ,—отдѣленіе торговаго городскаго населенія отъ сельскаго имѣетъ важное экономическое значеніе. Еще болѣе нежелательнымъ явилось бы запрещеніе евреямъ вообще жить въ деревняхъ и селахъ—оно встрѣтило бы противодѣйствіе не только со стороны евреевъ, но, какъ сообщили губернаторы, и со стороны христіанъ. Категорически отвергнувъ цѣлесообразность и исполнимость „временныхъ правилъ“, паленская комиссія указала на то, что погромы 1881—82 гг., послужившіе основаніемъ для введенія закона 1882 г., произошли исключительно въ городахъ и мѣстечкахъ, а не среди сельскаго населенія, а потому запрещеніе евреямъ селиться въ деревняхъ, въ которыхъ безпорядковъ не было, не соотвѣтствуетъ имѣвшейся въ виду основной цѣли.

Увы, матеріалы комиссії были сданы въ архивъ; все продуманное и высказанное большинствомъ членовъ комиссії было оставлено безъ малѣйшаго вниманія.

А мечты Готовцева, окончательно, какъ могло казаться,

разрушенныя комитетомъ министровъ, не разсѣялись: безъ шума, безъ долгихъ размышленій, онѣ вскорѣ были въ извѣстной части осуществлены.

Ограниченіямъ подверглось, между прочимъ, и право жительства.

Прежде всего въ 1887 г. къ Области войска донского были присоединены Таганрогское градоначальство и Ростовскій н/Дону уѣздъ (отъ Екатеринославской губ.), вслѣдствіе чего эти мѣстности были оторгнуты отъ черты осѣдлости, причемъ, однако, законъ 1880 г., сдѣлавшій для евреевъ Область войска донского запретною, не былъ распространенъ въ этихъ новыхъ мѣстностяхъ на тѣхъ евреевъ, которые тамъ уже жили. Иной характеръ получило Высочайшее повелѣніе 1891 г. ⁸³⁾, въ силу котораго, въ изъятіе изъ закона 1865 г., предоставившаго ремесленникамъ право повсемѣстнаго жительства; имъ было запрещено пребываніе въ Москвѣ и Московской губерніи—всѣ тѣ, которые уже проживали здѣсь, должны были въ короткій срокъ выселиться; это распоряженіе было распространено въ слѣдующемъ году и на отставныхъ нижнихъ чиновъ, служившихъ по рекрутскому уставу (а позже и на лицъ, изучающихъ фармацію, фельдшерское и повивальное искусства). Печать того времени увѣковѣчила различные потрясающіе моменты драмы, которую пережили нѣсколько десятковъ тысячъ изгнанниковъ. Трагическое событіе нашло своего краткаго лѣтописца и въ лицѣ автора оффиціальной записки по еврейскому вопросу, отнюдь не принадлежащаго къ юдофиламъ; немногія строки, посвященныя имъ московскому изгнанію, даютъ представленіе о томъ, въ какихъ условіяхъ состоялся этотъ „исходъ“ евреевъ изъ Москвы — „по рассказамъ лицъ, сочувствующихъ антисемитизму, евреямъ не было даже дано времени выбраться изъ города, и такъ какъ ихъ ни въ какія гостиницы не принимали, то они вынуждены были проводить холодныя ночи передъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеньемъ подъ открытымъ небомъ на еврейскомъ кладбищѣ“.—По совершенно исключительнымъ соображеніямъ законъ 1893 г. подвергъ нѣкоторыя категоріи евреевъ выселенію изъ Ялты и запрещенію вновь селиться: въ то время въ Ялтѣ въ лѣтніе мѣсяцы проживала царская семья, а между тѣмъ

обнаружилось, что „усилившійся за послѣднее время наплывъ и прогрессивное умноженіе числа евреевъ въ г. Ялтѣ, въ связи съ замѣтнымъ среди нихъ стремленіемъ къ приобрѣтенію недвижимой собственности, грозитъ этому лечебному мѣсту обратиться въ чисто-еврейскій городъ“.

Нѣсколько ранѣе послѣдовало ограниченіе въ правѣ жительства въ Кубанской и Терской областяхъ: евреи, неприписанные къ мѣстнымъ обществамъ, совершенно утратили право жительства въ краѣ, а причисленные къ одному изъ здѣшнихъ городскихъ или сельскихъ обществъ могли впредь жить только въ мѣстѣ приписки—исключеніе было сдѣлано лишь для лицъ съ высшимъ образованіемъ ⁹⁹⁾. Стѣсненія коснулись и Кавказа—право жительства лицъ, поселившихся здѣсь издавна по особому разрѣшенію, было ограничено мѣстомъ приписки. Равнымъ образомъ и въ Сибири съ 1897 г. право жительства евреевъ, какъ отбывшихъ наказаніе, такъ и тѣхъ, кои прибыли сюда не въ качествѣ осужденныхъ, стало истолковываться въ томъ смыслѣ, что оно имѣетъ силу лишь въ мѣстѣ приписки. Но значительно болѣе важнымъ по своему широкому размаху, должно было явиться толкованіе Сената, будто право повсемѣстнаго жительства, предоставленное извѣстнымъ привилегированнымъ группамъ евреевъ, не распространяется на Сибирь.

Когда сенатъ, основываясь на одной статьѣ въ уставѣ о паспортахъ, возникшей еще до наступленія эпохи реформъ, ¹⁰⁰⁾ впервые высказался въ этомъ смыслѣ въ 1898 году, было предположено опубликовать его рѣшеніе во всеобщее свѣдѣніе, дабы оно имѣло руководящее значеніе для будущаго (новое стѣсненіе не должно было коснуться лицъ, которыя уже поселились въ Сибири). Но это ограничительное толкованіе закона встрѣтило сильную критику въ комитетѣ министровъ. Министръ финансовъ С. Ю. Витте указалъ, что, опираясь на указанную статью, сенатъ пытается окончательно разрѣшить возбужденный вопросъ, не принявъ во вниманіе тѣхъ общихъ соображеній, которыя послужили основаніемъ для предоставленія права повсемѣстнаго жительства извѣстнымъ категоріямъ евреевъ. А предсѣдатель департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Госуд. совѣта и государственный секретарь отмѣтили, что разъясне-

ніе Сената носить по существу законодательный характеръ, такъ какъ представляетъ собою обширное изъятіе изъ закона. Въ виду этого, а также нѣкоторыхъ другихъ соображеній, комитетъ министровъ призналъ, что вопросъ о жительствѣ евреевъ въ Сибири можетъ быть разрѣшенъ только въ законодательномъ порядкѣ и потому предложилъ пріостановить распубликованіе ограничительнаго опредѣленія Сената въ „Собраніи узаконеній и распоряженій правительства“, что и было Высочайше утверждено (11 іюля 1899 г.) ¹⁰¹).

Потокъ ограничительныхъ мѣропріятій захлеснулъ и зарубежныхъ евреевъ.—Впервые иностраннымъ евреямъ было воспрещено водворяться въ Россіи въ 1824 г.—за ними было сохранено право лишь временнаго пребыванія. Въ 1835 г., въ видѣ изъятія, доступъ въ губерніи черты осѣдлости получила малочисленная группа крупныхъ фабрикантовъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ; нѣсколько позже пріѣздъ во внутреннія губерніи былъ предоставленъ въ исключительныхъ случаяхъ, съ особаго каждый разъ разрѣшенія высшихъ властей, комиссіонерамъ извѣстныхъ фирмъ. Только въ эпоху реформъ при имп. Александрѣ II законы объ иностранныхъ евреяхъ были смягчены, особенно въ отношеніи евреекъ изъ Россіи, вышедшихъ замужъ за австрійскихъ евреевъ, и дѣтей отъ этихъ браковъ, въ то время часто заключающихся. Кромѣ того, было предоставлено жительство: банкирамъ и главамъ крупныхъ фирмъ — посемѣстное, а прочимъ иностраннымъ евреямъ, на правахъ русско-подданныхъ,—въ предѣлахъ черты осѣдлости; во внутреннія губерніи евреи послѣдней категоріи допускались лишь съ спеціального разрѣшенія.

Эти правила дѣйствовали не долго; начиная съ 80-хъ годовъ, въ связи съ общей политикой правительства по отношенію къ евреямъ, иностранные евреи стали подвергаться правоограниченіямъ. Для проживанія въ чертѣ осѣдлости отнынѣ слѣдовало каждый разъ испрашивать особое разрѣшеніе высшей власти, каковое прежде было установлено для внутреннихъ губерній; это-же стѣсненіе было распространено и на Царство Польское. А въ 1891—1893 гг., въ

періодъ наибольшаго развитія системы ограниченій, послѣдовали новыя стѣсненія; только представители извѣстныхъ фирмъ могутъ прїѣзжать въ Россію, на срокъ отъ трехъ до шести мѣсяцевъ, безъ предварительнаго разрѣшенія центральной власти; остальные же должны испрашивать разрѣшенія на каждый свой прїѣздъ.

Однако, наиболѣе чувствительными для евреевъ оказались вообще не столько новыя ограничительныя постановленія, введенныя въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, сколько административныя распоряженія относительно болѣе строгаго исполненія какъ старыхъ, такъ и новыхъ законовъ, по большей части примѣнявшихся очень слабо въ прежнее время ¹⁰²).

Эта суровость сказалась, въ частности, и въ отношеніяхъ администраціи къ тѣмъ евреямъ, которые водворились въ той или иной запретной мѣстности безъ законнаго основанія.

Циркуляромъ отъ 14 января 1893 г. министръ внутреннихъ дѣлъ отмѣнилъ приведенные выше циркуляры 1880 г. и 1882 г. и предписалъ губернаторамъ выселить всѣхъ евреевъ, противозаконно поселившихся. Это распоряженіе вызвало массу ходатайствъ не только со стороны евреевъ, но и христіанъ, которые въ теченіе долгаго времени вступали съ евреями въ разнообразныя отношенія, и тогда были установлены нѣкоторыя облегченія ¹⁰³).

Такъ, напр., въ исключительныхъ случаяхъ губернаторамъ было предоставлено ходатайствовать объ оставленіи евреевъ на мѣстѣ „до особаго распоряженія центральной власти, имѣющаго послѣдовать по разсмотрѣніи, въ законодательномъ порядкѣ, общаго вопроса о евреяхъ“; срокъ выселенія, назначенный на 1 іюня 1894 г., могъ быть продолженъ на одинъ годъ по ходатайствамъ губернаторовъ.

Въ особенно тяжкихъ формахъ выливался административный произволъ при истолкованіи и примѣненіи „временныхъ правилъ“ 1882 г.; недоразумѣнія, возникавшія въ кругу вопросовъ, связанныхъ съ проживаніемъ евреевъ въ деревняхъ и селахъ, разрѣшались въ направленіи, неблагопріятномъ для евреевъ. Ограниченія усугублялись двоякимъ образомъ — расширеніемъ понятія „сельскихъ мѣстностей“ и суженіемъ свободы передвиженія въ предѣлахъ самой сельской мѣстности. Съ цѣлью изгнанія евреевъ, поселившихся

въ мѣстечкахъ послѣ 3 мая 1882 года, администрація стала переименовывать многія изъ нихъ въ села, находя опору въ толкованіи Сената, что мѣстечками признаются лишь тѣ поселенія, въ которыхъ имѣется городское мѣщанское управленіе и взимается казенный налогъ съ городскихъ имуществъ; нерѣдко поселенія, фактически представлявшія торговые пункты, но не удовлетворявшія указаннымъ требованіямъ, освобождались отъ евреевъ путемъ переименованія въ селенія. Что касается евреевъ, уже жившихъ въ деревняхъ и селахъ въ моментъ изданія закона 1882 г., то они были чрезвычайно стѣснены въ передвиженіи. Первоначально въ нѣкоторыхъ мѣстахъ евреи этой категоріи могли переходить изъ одного села въ другое, но 29 декабря 1887 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, воспретившее такой переходъ. Вслѣдствіе этого еврей, желавшій сохранить за собою право жительства въ селѣ, оказывался прикрѣпленнымъ къ данному мѣсту: переѣздъ въ городъ, мѣстечко или другое село лишалъ его права вернуться въ мѣстность внѣ черты городскихъ поселеній. Для контроля полиція составила списки евреевъ, жившихъ по уѣздамъ ко времени изданія закона. Нарушеніе правилъ относительно проживанія въ уѣздахъ преслѣдовалось судомъ, но Выс. утвержд. мнѣніе Госуд. совѣта 1892 г. предоставило ¹⁰⁴⁾ полиціи право выселять евреевъ, незаконно поселившихся. Такимъ образомъ, всѣ жившіе въ селахъ евреи отданы были въ распоряженіе полиціи, и это открыло широкій просторъ для злоупотребленій. Усердіе въ дѣлѣ выселенія евреевъ какъ бы вмѣнялось полиціи въ заслугу.

Территорію сельской мѣстности, въ предѣлахъ которой еврей можетъ мѣнять мѣсто своего пребыванія, Сенатъ устанавливалъ то въ зависимости отъ предѣловъ власти сельскаго старосты или границъ помѣщичьяго имѣнія, то отъ близости или дальности селенія, изъ котораго еврей выбылъ, отъ того, въ которомъ онъ поселился, причемъ разстояніе, однажды признанное близкимъ, въ другихъ случаяхъ почиталось дальнимъ.

При примѣненіи закона 1882 г. возникъ вопросъ, распространяется ли онъ на всѣхъ вообще евреевъ, или же категоріи, пользующіяся правомъ повсемѣстнаго жительства, изъяты изъ его дѣйствія. По отношенію къ отставнымъ

нижнимъ чинамъ, купцамъ и ремесленникамъ вопросъ былъ разрѣшенъ отрицательно, но въ отношеніи лицъ съ образовательнымъ цензомъ Сенатъ призналъ, что законодатель не могъ имѣть ихъ въ виду въ числѣ евреевъ, вызывающихъ недовольство мѣстнаго населенія своею экономической дѣятельностью.

На долю Сената выпала тяжкая работа по разрѣшенію безконечныхъ мелочныхъ вопросовъ, искусственно создававшихся мѣстной администраціей; въ видѣ примѣра достаточно отмѣтить, что дѣлались попытки признать за нарушение закона обычную перемѣну квартиры въ данной мѣстности или отъѣздъ для отбыванія воинской повинности.

Новые ограничительные законы, а еще болѣе административныя мѣропріятія, привели къ тому, что еврейское населеніе, скученное въ городахъ черты осѣдлости, тѣснимое внѣ ея, ограниченное въ гражданской правоспособности, отѣсненное отъ общей школы, было ввергнуто въ бездну нищеты и душевныхъ страданій. А между тѣмъ явленія—бѣдность и невѣжество окружающаго населенія,—которыя должны были исчезнуть цѣною еврейскихъ кровавыхъ жертвъ, по-прежнему омрачали русскую жизнь.

При такихъ условіяхъ невольно возникала мысль о необходимости пересмотра законодательства о евреяхъ. Но это громадное дѣло не налаживалось и евреи не печалились, потому что, при общемъ тогдашнемъ политическомъ настроеніи, нельзя было ожидать, чтобы новое законодательство облегчило ихъ участь. Даже скромные выводы, къ которымъ пришла паленская комиссія, были признаны не отвѣчающими реакціоннымъ требованіямъ дня. Равнымъ образомъ и пересмотръ частнаго вопроса еврейской жизни—„временныхъ правилъ“ 1882 г., не привелъ къ практическимъ результатамъ. А между тѣмъ образованная въ 1899 г. комиссія подъ предсѣдательствомъ барона Иксуль-фонъ-Гильденбандта, не считая себя, согласно Высочайшему повелѣнію, вправѣ отмѣнить „временныя правила“, признала необходимымъ смягчить ихъ; такъ, запрещеніе вновь водворяться должно было впредь распространяться только на крестьянскія земли и тѣ, которыя къ нимъ прилегаютъ, но отнюдь не на помѣщичьи,—землевладѣльцы, стѣсненные въ своихъ

дѣйствіяхъ закономъ 1882 года, вынуждались, заодно съ евреями, прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ, дабы обойти его; признавъ полезнымъ предоставить сельскимъ обществамъ право выселять порочныхъ евреевъ, комиссія вмѣстѣ съ тѣмъ сочла необходимымъ разрѣшить проживаніе въ селахъ и деревняхъ тѣмъ группамъ еврейскаго населенія, которымъ законъ даровалъ право повсемѣстнаго жительства.—Но и этимъ соображеніямъ не было дано хода.

Отрицательная оцѣнка закона 1882 г. была дана виленскимъ генераль-губернаторомъ Святополкъ-Мирскимъ во всеподданѣйшемъ отчетѣ за 1902—3 гг.: протекшія съ изданія „временныхъ правилъ“ двадцать лѣтъ привели къ „самымъ неблагопріятнымъ о нихъ выводамъ“; вслѣдствіе вынужденной скученности евреевъ въ городахъ развилась „бѣдность, граничащая съ полной нищетой общей массы еврейскаго населенія“; борьба за существованіе среди него дошла до крайнихъ предѣловъ; не осталось „сомнѣній въ необходимости возможнаго расселенія его“; условія жизни евреевъ въ городахъ таковы, что „дальнѣйшее оставленіе евреевъ безъ права водворяться въ селеніяхъ едва-ли возможно“; къ тому-же, въ связи съ введеніемъ казенной продажи питей, опасность экономической эксплуатаціи евреями сельскаго люда въ значительной степени парализована; въ виду этихъ и другихъ соображеній кн. Святополкъ-Мирскій ходатайствовалъ объ отмѣнѣ закона 1882 г. и тѣхъ законоположеній, которыя являются прямыми его послѣдствіями. Но такое коренное разрѣшеніе вопроса не встрѣтило сочувствія. Пришлось прибѣгнуть къ палліативнымъ мѣрамъ.

Въ 1902 г. министръ внутр. дѣлъ Сипягинъ внесъ въ комитетъ министровъ записку объ измѣненіи „временныхъ правилъ“ въ томъ смыслѣ, чтобы отдѣльные поселки, не принадлежащіе къ числу городовъ и мѣстечекъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ утратившіе характеръ сельскихъ мѣстностей (расположенные преимущественно у желѣзныхъ дорогъ и фабрикъ), были изъяты изъ дѣйствія закона 3 мая 1882 г. Это предложеніе было поддержано также новымъ министромъ внутр. дѣлъ Плеве, а предсѣдатель департамента гражд. и духовныхъ дѣлъ Государственнаго совѣта заявилъ по этому поводу, что эти предложеніе слѣдуетъ считать лишь *первымъ*

шагомъ, за которымъ долженъ послѣдовать полный пересмотръ „временныхъ правилъ“, „принесшихъ много стѣсненій для евреевъ и все же не достигшихъ той умиротворительной цѣли, ради которой они были изданы“. Вслѣдствіе этого комитетъ министровъ постановилъ: повергнуть на Высочайшее благоусмотрѣніе списокъ 101 поселенія, въ коихъ, въ изъятіе отъ закона, допускается жительство евреевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить министру внутр. дѣлъ, когда онъ признаетъ это необходимымъ, входить въ комитетъ министровъ съ представленіями о пополненіи первоначальнаго списка. Это положеніе комитета было Высочайше утверждено 10 мая 1903 г. (въ это-же время Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Гос. совѣта было разъяснено, что даже евреи съ высшимъ образованіемъ не вправѣ вновь селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ черты осѣдлости). Вскорѣ Плеве предложилъ комитету министровъ новый списокъ 57 поселеній, „предназначенныхъ для свободнаго жительства евреевъ; въ комитетѣ была сдѣлана попытка уменьшить число таковыхъ поселеній, но Плеве воспротивился этому, отмѣтивъ, что города и мѣстечки „переполнены евреями, по большей части не находящими себѣ достаточнаго заработка, а эта скученность въ отдѣльныхъ пунктахъ еврейскаго населенія, часто доведеннаго до нищеты, неминуемо является постоянною угрозою для общественнаго спокойствія“¹⁰⁵).

Вслѣдъ затѣмъ Высочайшимъ указомъ 11 августа 1904 г.— дѣйствіе „временныхъ правилъ“ было отмѣнено въ отношеніи тѣхъ группъ, которыя пользуются правомъ повсемѣстнаго жительства¹⁰⁶).

Послѣдніе годы.

Облегчительные законы 1904 г.: отмѣна 50-ти верстной пограничной полосы; расширеніе правъ привилегированныхъ группъ; предоставленіе права на повсемѣстное жительство нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ дѣйствующей арміи на Дальнемъ Востокѣ.—Представленіе совѣта министровъ объ отмѣнѣ ограничительныхъ законовъ, носящихъ мѣстный характеръ, а также „временныхъ правилъ“.—Циркуляръ 1907 г. о невысылкѣ евреевъ, незаконно поселившихся въ запретныхъ мѣстностяхъ.—Отмѣна циркуляра.—Стремленіе преградить доступъ въ Сибирь.—Выселеніе бухарскихъ евреевъ.—Внесеніе въ Государственную Думу законодательнаго предположенія объ отмѣнѣ ограничительныхъ законовъ о жительство евреевъ.

Вообще, 1904 годъ могъ оставить по себѣ въ еврейскомъ населеніи добрую память; если принесенные имъ облегчи-

тельные законы о жительствѣ были слишкомъ ничтожны, чтобы улучшить положеніе еврейской массы, то все-же фактъ ихъ изданія представляетъ исключительное явленіе на фонѣ предшествующихъ и послѣдующихъ годовъ.

Въ 1904 г. пала преграда, оттѣснявшая евреевъ отъ пятидесяти-верстной пограничной полосы. Съ 1858 года, когда новый законъ разрѣшилъ проживать тамъ всѣмъ, кто до того приписался къ мѣстнымъ еврейскимъ обществамъ и пріобрѣлъ недвижимость, система массового выселенія уступила мѣсто хроническому частичному выселенію. Здѣсь, какъ вообще въ области передвиженія евреевъ, репрессивныя постановленія чрезвычайно усиливались на практикѣ; мѣстная власть создавала разнообразнѣйшія „сомнѣнія“; судьба тысячъ людей ставилась въ зависимость отъ изслѣдованія, входитъ ли данное мѣсто въ 50-ти-верстную полосу, отъ правильности плановъ селеній, отъ полноты списка лицъ, своевременно приписанныхъ къ обществу въ полосу, и проч. Наряду съ этимъ было истолковано, что лица, пользующіяся правомъ повсемѣстнаго жительства, подлежатъ въ 50-ти-верстной полосѣ общимъ ограниченіямъ. — Еще въ 1869 г. министръ финансовъ заявилъ, что законъ о 50-ти-верстной полосѣ не достигаетъ намѣченной цѣли. Паленская комиссія также признала необходимымъ отмѣнить этотъ законъ, являющійся, по ея мнѣнію, анахронизмомъ. Но полоса продолжала существовать, все болѣе и болѣе наполняясь незаконно селившимся еврейскимъ населеніемъ. И правительство мирилось съ этимъ нарушеніемъ закона, будучи безсильно предъ экономическими условіями, толкавшими еврейскую массу въ запретныя мѣстности. Даже при имп. Александрѣ III власти вынуждались дѣлать послабленія. Наконецъ, министръ внутр. дѣлъ призналъ необходимымъ упразднить законы о пограничной полосѣ и пріостановилъ выселеніе на два года, впредь до законодательнаго разрѣшенія вопроса; этотъ срокъ былъ потомъ продленъ, а въ 1895 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе не подвергать болѣе выселенію евреевъ, незаконно поселившихся въ городахъ и мѣстечкахъ полосы, и принять мѣры лишь противъ дальнѣйшаго незаконнаго водворенія. Но численность еврейскаго населенія въ полосу все-же возрастала; такъ, въ началѣ 90-хъ годовъ насчитывалось

30.000 незаконно проживавшихъ евреевъ, а черезъ 10 лѣтъ ихъ было уже свыше 100.000. Наконецъ, въ 1904 г., безъ особаго обсужденія вопроса, запретная полоса была упразднена по предложенію министра внутр. дѣлъ Плеве ¹⁰⁷). Въ томъ-же 1904 году, въ виду Русско-японской войны, было пріостановлено (циркуляромъ 6 марта) выселеніе евреевъ, незаконно проживающихъ въ той или иной мѣстности, а именно тѣхъ, которые, поселившись на законномъ основаніи, впослѣдствіи утратили право жительства, или къ тѣмъ, которые проживаютъ тамъ уже продолжительное время, имѣя семью и домообзаводство, если эти евреи не вызываютъ неудовольствія со стороны окружающаго населенія.

Одновременно было образовано особое совѣщаніе съ цѣлью подготовить разработку законодательства о евреяхъ, но въ виду смерти Плеве работа была прервана. Однако, настаивая на необходимости общаго пересмотра законовъ о евреяхъ, Плеве вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ своевременнымъ, и по соображеніямъ государственнаго порядка, и съ точки зрѣнія справедливости, немедленно освободить хотя бы нѣкоторыя категоріи евреевъ отъ стѣсненій, которымъ они подвергаются, главнымъ образомъ вслѣдствіе неясности постановленій.

И результатомъ предложенія Плеве явился законъ 1904 г., которымъ было нѣсколько расширено право повсемѣстнаго жительства привилегированныхъ категорій; такъ, женамъ евреевъ, получившихъ высшее образованіе, а также женамъ коммерціи или мануфактуръ-совѣтниковъ было дано пожизненное право повсемѣстнаго жительства какъ при жизни мужа, такъ и послѣ его смерти, если не вступили въ новое супружество. Этимъ-же закономъ къ категоріямъ евреевъ, пользующихся правомъ повсемѣстнаго жительства, была по Высочайшему повелѣнію присоединена также группа воинскихъ чиновъ, „кои, участвуя въ военныхъ дѣйствіяхъ на Дальнемъ Востоку, удостоились пожалованія знаками отличія или вообще безпорочно несли службу въ дѣйствующихъ войскахъ“ ¹⁰⁸).

По окончаніи войны нѣкоторые губернаторы вновь приступили къ выселенію евреевъ, незаконно проживавшихъ въ запретныхъ мѣстностяхъ. Тогда министръ внутр. дѣлъ распро-

странилъ дѣйствию облегчительнаго циркуляра 1904 г. на евреевъ, незаконно поселившихся до 1 авг. 1906 г. Однако, мѣстная администрація продолжала массовыя выселенія.

Между тѣмъ въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о пересмотрѣ законовъ о евреяхъ не сходилъ съ очереди.

Высочайшимъ указомъ 14 декабря 1904 г. было повелѣно, между прочимъ, произвести пересмотръ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ съ тѣмъ, чтобы были сохранены лишь тѣ запреты, которые вызываются насущными интересами государства и пользой русскаго народа. Въ виду этого совѣтъ министровъ остановился на вопросѣ о пересмотрѣ законовъ, ограничивающихъ права евреевъ. Признавая, что это сложное законодательство открываетъ просторъ для толкованія и, въ частности, для произвола со стороны низшихъ административныхъ властей, совѣтъ нашелъ необходимымъ учредить особое совѣщаніе для подготовительной работы по пересмотру законовъ. Но въ виду послѣдовавшаго тогда-же учрежденія Государственной думы, въ связи съ чѣмъ былъ установленъ новый порядокъ обсужденія законодательныхъ предположеній, совѣщаніе не было образовано. Работа Государственной Думы уже скоро обнаружила, что разрѣшеніе еврейскаго вопроса можетъ явиться дѣломъ лишь будущаго, а между тѣмъ правительство признавало, что нѣкоторыя постановленія о евреяхъ, не касающіяся существенныхъ отношеній еврейскаго народа къ окружающему населенію и потому не являющіяся „дѣломъ народной совѣсти“, а вмѣстѣ съ тѣмъ вселяющія лишь раздраженіе и явно отжившія, могутъ быть упразднены немедленно. И, согласно съ этимъ, совѣтъ министровъ предложилъ отмѣнить въ отношеніи евреевъ вообще—ограниченія въ правѣ жительства, существующія въ предѣлахъ черты осѣдлости, а въ отношеніи лицъ, пользующихся правомъ повсемѣстнаго жительства—упразднить стѣсненія, дѣйствующія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Такимъ образомъ въ чертѣ осѣдлости предстояло отмѣнить „временныя правила“ 1882 г., а также ограниченія, установленныя въ нѣкоторыхъ городахъ (Кіевъ, Ялта и др.), а за предѣлами черты должны были пасть запреты, существующіе въ Сибири и др. мѣстахъ (кромѣ Области Войска

Донского, вопросъ о которой по особымъ политическимъ соображеніямъ былъ отложенъ). Дѣйствіе новаго закона должно было, между прочимъ, распространиться и на евреевъ, незаконно поселившихся внѣ дозволенныхъ мѣстъ: они могли оставаться тамъ на жительство впредь до общаго пересмотра законодательства о евреяхъ.

Въ виду этого министръ внутр. дѣлъ, П. А. Столыпинъ, съ одобренія совѣта министровъ, издалъ новый циркуляръ (22 мая 1907 года) о невыселеніи евреевъ, незаконно водворившихся въ закрытыхъ для нихъ мѣстностяхъ. Циркуляръ указывалъ, что разновременныя распоряженія министерства внутр. дѣлъ и различныя болѣе или менѣе строгія мѣропріятія мѣстныхъ властей, направленные къ возстановленію силы ограничительныхъ законовъ и къ удаленію незаконно поселившихся въ черту осѣдлости, не приводили въ большинствѣ случаевъ къ желаемымъ результатамъ, но сопровождались весьма тяжелыми послѣдствіями для выселяемыхъ, а также нарушеніемъ интересовъ окружающаго населенія; невозможно порвать весьма сложныя экономическія отношенія, создавшіяся между евреями и лицами другихъ исповѣданій, безъ значительнаго потрясенія имущественныхъ интересовъ обѣихъ сторонъ; заслуживаютъ вниманія и заявленія выселяемыхъ евреевъ о грозящемъ имъ разореніи и о крайней затруднительности пріисканія занятій и средствъ къ жизни въ чертѣ постоянной осѣдлости вслѣдствіе скученности и бѣдности населенія въ городахъ и мѣстечкахъ; хотя давность незаконнаго поселенія не можетъ создавать для евреевъ никакого права, однако, необходимо считаться съ послѣдствіями этого закона, которыя представляютъ явленіе жизненное, какъ считалось съ ними правительствомъ и ранѣе, въ цѣляхъ устраненія всего, что можетъ нарушить нормальное теченіе внутренней жизни Имперіи и вызывать неудовольствіе цѣлыхъ группъ населенія; поэтому необходимо пріостановить, выселеніе евреевъ впредь до пересмотра въ законодательномъ порядкѣ общаго вопроса о правѣ жительства евреевъ.

Однако, предположенія совѣта министровъ не получили дальнѣйшаго движенія. Это обстоятельство не могло не создать въ бюрократическихъ кругахъ увѣренности, что

настроение въ высшихъ сферахъ неблагопріятно для евреевъ. Быть можетъ, съ этимъ связано и то, что Сенатъ, несмотря на актъ 1898 г., отмѣнившій его опредѣленіе о запрещеніи евреямъ водворяться въ Сибири, воспользовался новымъ поводомъ для пересмотра этого вопроса. И если въ 1898 г. онъ оставилъ въ сторонѣ лицъ съ высшимъ образованіемъ, то теперь онъ задумалъ лишить и ихъ права водворенія въ Сибири—его опредѣленіе, послѣдовавшее въ 1907 г., хотя и не разрѣшило окончательно возбужденнаго вопроса, истолковало законъ въ томъ смыслѣ, что право повсемѣстнаго жительства, предоставленное нѣкоторымъ группамъ евреевъ, не распространяется на Сибирь¹⁰⁹).

Вскорѣ, съ усиленіемъ реакціи, Государственной думой третьяго созыва былъ сдѣланъ запросъ о незаконности указаннаго циркуляра; кромѣ того, представители нѣсколькихъ націоналистическихъ организацій выступили съ жалобой на министра внутр. дѣлъ за изданіе циркуляра, будто противорѣчащаго закону. При обсужденіи этого вопроса въ Сенатѣ произошло разногласіе, вслѣдствіе чего дѣло поступило въ Государственный совѣтъ. Но еще до рѣшенія вопроса о законности циркуляра министерство отказалось отъ дальнѣйшаго примѣненія его, и въ связи съ этимъ во многихъ мѣстахъ возобновились массовыя выселенія. Особенныя строгости были въ этомъ отношеніи проявлены въ Кіевѣ, гдѣ ночныя облавы на еврейскіе кварталы не прекращаются въ теченіе ряда десятилѣтій.

Мѣра выселенія была примѣнена въ это время и къ группѣ иностранныхъ евреевъ, издавна пользовавшихся привилегированнымъ положеніемъ въ Россіи, такъ называемымъ средне-азіатскихъ евреевъ. Еще до присоединенія средне-азіатскихъ владѣній къ Россіи тамошніе евреи свободно допускались для торговыхъ цѣлей въ предѣлы Россіи не въ примѣръ прочимъ иностраннымъ евреямъ. Устроитель туркестанскаго края фонъ-Кауфманъ высоко цѣнилъ торговое значеніе бухарскихъ евреевъ и потому въ договорѣ о протекторатѣ Россіи надъ Бухарой было оговорено, что тамошніе евреи могутъ водворяться въ Россіи. Однако, позже послѣдовало распоряженіе объ удаленіи бухарскихъ евреевъ сперва—къ 1905 году, а послѣ отсрочекъ—къ 1910 г.—изъ

предѣловъ страны; имъ, впрочемъ, было разрѣшено жительство въ немногочисленныхъ пограничныхъ пунктахъ, куда они могли переселиться изъ прочихъ мѣстностей ¹¹⁰).

31-го мая 1910 г. въ Государственную думу за подписью многихъ депутатовъ внесено законодательное предположеніе (основное положеніе законопроекта) объ отмѣнѣ черты осѣдлости:

„Статья 14 внесеннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Государственную Думу законопроекта о неприкосновенности личности (соотвѣтствующая статьѣ 15-ой законопроекта комиссіи) устанавливаетъ, что „никто не можетъ быть ограничиваемъ въ избраніи мѣста пребыванія или передвиженія съ одного мѣста на другое, за исключеніемъ случаевъ, особо въ законѣ указанныхъ“. Изъ послѣдней оговорки явствуетъ, что всѣ ограниченія въ правѣ избранія мѣста пребыванія, установленныя дѣйствующимъ закономъ для русскихъ гражданъ еврейской національности, останутся въ силѣ и тогда, когда законопроектъ о неприкосновенности личности получитъ одобреніе и войдетъ въ жизнь. Такимъ образомъ, создается положеніе, при которомъ законъ, изданный въ осуществленіе манифеста 17-го октября, въ защиту правъ личности всѣхъ россійскихъ гражданъ, въ части его, касающейся свободы передвиженія, не будетъ распространяться на многомилліонное еврейское населеніе Имперіи.

„Ненормальность подобнаго явленія не могла, повидимому, не сознаваться и правительствомъ. Такъ, изъ объяснительной записки министра внутреннихъ дѣлъ къ законопроекту о неприкосновенности личности (стр. 29) видно, что вопросъ объ ограниченіяхъ въ избраніи мѣста жительства, установленныхъ дѣйствующимъ закономъ для евреевъ, былъ поставленъ въ междувѣдомственной комиссіи, обсуждавшей законопроектъ, которая признала, „что инициатива отмѣны этихъ ограниченій должна исходить не отъ правительства, а отъ народныхъ представителей“.

„Въ виду вышеизложеннаго, признавая: что существованіе въ обновленной Россіи черты еврейской осѣдлости, являясь крайней несправедливостью по отношенію къ многомилліон-

ному еврейскому населению Россіи, несущему всѣ тяготы государства наравнѣ съ другими частями населенія, противорѣчитъ духу манифеста 17 октября и основнымъ принципамъ государственности; что это, въ моральномъ отношеніи, наиболѣе унижительное изъ существующихъ ограниченій, наноситъ государству прямой вредъ, насильственно ограничивая для огромной массы гражданъ поле приложенія труда; что государство, эконоическое развитіе котораго только еще начинается, заинтересовано въ томъ, чтобы промышленная и торговая инициатива всѣхъ гражданъ, безъ различія вѣроисповѣданія и національности, не встрѣчала искусственныхъ географическихъ помѣхъ къ своему свободному проявленію; что существованіе черты осѣдлости, при неизбѣжныхъ и вызываемыхъ экономическими условіями попыткахъ со стороны евреевъ проникать за черту, способствуетъ правовой деморализаціи значительной части администраціи, пользующейся этими ограничительными законами для взиманія съ нихъ противозаконныхъ поборовъ; что, наконецъ, существованіе черты осѣдлости воспитываетъ въ массахъ русскаго населенія вредное въ государственномъ отношеніи сознаніе правомѣрности угнетенія цѣлыхъ національностей, составляющихъ часть населенія Имперіи,—мы, нижеподписавшіеся, предлагаемъ Государственной думѣ принять слѣдующій законопроектъ:

„Существующія въ нашемъ нынѣ дѣйствующемъ законодательствѣ ограниченія евреевъ въ правѣ избранія мѣсто-пребыванія и передвиженія съ одного мѣста на другое—отмѣнить“.

Примѣчанія.

1) Юл. Гессенъ, „О жизни евреевъ въ Россіи“, Спб., 1906 г. (глава „Итоги“, здѣсь нѣсколько переработанная); предназначенная для членовъ первой Государственной думы, книга вслѣдствіе роспуска первой думы была рѣденадепутатамъ второго созыва. Позже книга вошла въ составъ сборнаго труда: Гр. Ив. Ив. Толстой и Ю. Гессенъ, Факты и мысли (Спб. 1907 г.).

2) Архивъ Госуд. Совѣта, Деп. Зак., 1835 г., № 11, кн. I.

3) Перв. Полн. Собр. Закон., № 8840—16 декабря 1743 г.

4) Кн. Голицынъ, „Исторія русскаго законодательства о евреяхъ“, стр. 57—59 и примѣч. № 101.

5) И. Іоффе, „Изъ жизни первой еврейской общины въ Ригѣ“, сборн. „Пережитое“, т. II, стр. 190 и слѣд.; также Anton Buchholtz, „Geschichte der Juden in Riga“, 1899, стр. 57—58.

6) Buchholtz, стр. 59.

7) Голицынъ, стр. 61 и примѣч. № 107. Екатерина II писала Дидро: „Впрочемъ, впускъ ихъ (евреевъ) въ Россію могъ бы принести большой убытокъ нашимъ мелкимъ торговцамъ, такъ какъ эти люди все притягиваютъ къ себѣ, и могло бы статься, что при ихъ возвращеніи (послѣ изгнанія при Елизаветѣ) было бы больше жалобъ, чѣмъ пользы“

8) Buchholtz, стр. 60—61,

9) Перв. Полн. Собр. Зак., № 16146.

10) См. статистическую таблицу, приложенную въ концѣ книги, вслѣдъ за примѣчаніями.

11) Манифестъ приведенъ въ книгѣ Н. Градовскаго „Торгов. и др. права евреевъ“. Утвержденіе Градовскаго, будто плакатъ уравнилъ евреевъ во всѣхъ правахъ съ христіанами, не соотвѣтствуетъ содержанию цитируемаго манифеста.

Удивительно, какъ кн. Голицынъ рѣшился заявить, что словами „по званіямъ своимъ“ государыня хотѣла сказать въ качествѣ неполноправныхъ гражданъ (см. его „Ист. русск. законод. о евр.“, стр. 107). Бѣлорусскія власти не извратили словъ государыни, понявъ ихъ въ такомъ смыслѣ, что евреи будутъ пользоваться милостями, пока будутъ обращаться „въ торгахъ и промыслахъ своихъ по принадлежащему обыкновенію“. При присоединеніи Подоліи и Волыни манифестъ былъ повторенъ съ незначительными измѣненіями, и въ немъ было сказано: „занимаясь, какъ до сихъ поръ, торговлею и промыслами“.

12) Гессенъ, „Евреи въ Россіи“, (Спб., 1906 г.); очеркъ „Общественное самоуправленіе“.

13) Перв. Полн. Собр. Закон., № 16391.

14) М. Шугуровъ, „Исторія евреевъ въ Россіи“. Русск. Арх. 1894 г., кн. I—V, стр. 163 и слѣд.

15) Перв. Полн. Собр. Закон., № 17224. Дословно такой же указъ встрѣчается и въ XXIV т. П. С. З. (№ 18015); здѣсь онъ помѣченъ 23 іюня 1797 г., т. е. относится къ царствованію Павла I. Но этотъ указъ 1797 г. никогда не существовалъ. Появленіе этого указа объясняется тѣмъ, что Сперанскій, составляя Полное Собраніе Законовъ, нашелъ среди поступившаго къ нему разрозненнаго законодательнаго матеріала копію Екатерининскаго указа, въ которой цифра „4“ 1794 года была принята за 7. Подробныя доказательства — см. Гессенъ, „Евреи въ Россіи“, стр. 364, примѣч.

16) Тамъ-же: очеркъ „Дарованіе гражданскихъ правъ евреямъ въ Курляндіи“, стр. 391. Право записываться въ газенпотское купечество было предоставлено не только пильтенскимъ евреямъ, но вообще всѣмъ, кто пожелаетъ, но это облегчило положеніе лишь единичныхъ личностей.

17) Этимъ разрѣшеніемъ вопроса курляндскіе евреи обязаны барону Карлу-Генриху Гейкингу (род. 1751 г.), который одно время былъ очень близокъ къ государю. Тамъ-же, стр. 395—396.

18) Тамъ-же, очеркъ „Выселеніе“, стр. 291 и др.

19) Перв. Полн. Собр. Закон. № 17327, п. 3.

20) Въ другихъ губерніяхъ выселеніе евреевъ въ это время, по видимому, также не возобновилось. Достоинно вниманія, что новороссійское губернское правленіе само обратилось въ Сенатъ съ ходатайствомъ о невыселеніи евреевъ изъ уѣздовъ, такъ какъ „нѣтъ слѣдовъ заключать, чтобы тѣ евреи составляли какое-либо для крестьянъ отягощеніе; напротивъ того, ежели удалить ихъ, евреевъ, изъ селеній въ города... то, лишивъ ихъ профикта, должно лишить не только промысловъ сіе состояніе ихъ заключающихъ, но по времени останутся они въ самомъ бѣдственномъ положеніи“.

21) Бершадскій, „Положеніе о евреяхъ 1804 г.“, Восходъ, 1895 г., IV, 107.

22) Гессенъ, „Евреи въ Россіи“, 311.

23) В. Никитинъ, „Еврей-земледѣльцы“ (Спб., 1887 г.), стр. 16.

24) И. Оршанскій, „Русское законодательство о евреяхъ“. Спб., 1877 г. стр. 271.

25) Какъ, напр., запрещеніе давать водку въ долгъ, подъ закладъ скота, одежды и проч.

26) Докладъ комитета напечатанъ въ Русск. Архивѣ, 1903, кн. II. О помѣткахъ на докладѣ, приписываемыхъ имп. Александру I,—см.: Гессенъ, „Евреи въ Россіи“, стр. 335—337, примѣч.

27) Гессенъ, „Депутаты еврейскаго народа при Александрѣ I“, Еврейская Старина, 1909 г., кн. 3 и 4.

28) Перв. Полн. Собр. Зак., №№ 29420 и 29443.

29) Втор. Полн. Собр. Зак., № 3778.

30) Тамъ-же, № 6348.

31) Тамъ-же, № 6554.

- 32) Тамъ-же, № 7905.
- 33) „Справка къ докладу по еврейскому вопросу С. А. Панчулидзева“ (составлена канцеляріей Совѣта Объединенныхъ Дворянскихъ Обществъ), стр. 8—10 (извлечено изъ архива Государственнаго Совѣта.
- 34) Тамъ-же, стр. 18—19, Законъ 8 февраля 1865 г. о правѣ евреевъ на питейную торговлю на общемъ основаніи въ губерніяхъ черты осѣдлости оговорилъ, что въ Витебской и Могилевской губерніяхъ жительство евреевъ въ селахъ дозволяется, но лишь временное, «по установленнымъ билетамъ, безъ водворенія въ оныхъ въ качества осѣдлыхъ жителей».
- 35) Втор. Полн. Собр. Зак., № 13305.
- 36) Тамъ-же, № 16823.
- 37) Рукописные матеріалы; также Втор. Полн. Собр. Зак., № 29902.
- 38) Рукоп. Отд. Петерб. Публичной библ. F II 195.
- 39) Факсимиле извѣщенія напечатано въ сборникѣ „Пережитое“, т. I.
- 40) Гессенъ, „Историческія замѣтки“, Еврейскій Міръ, 1910 г., № 11 и 13; см. также ст. о Вильнѣ въ „Еврейской Энциклопедіи“, т. V. Въ отношеніи евреевъ, владѣвшихъ недвижимостью на запретныхъ улицахъ, сенатъ въ 1838 г. установилъ особыя правила для ликвидаціи этой собственности. Указомъ сената 1840 года улица Новые Амбары была объявлена „заодно съ Остробрамскою“, причемъ къ послѣдней была присоединена часть другой улицы.
- 41) Рукописн. матеріалы.
- 42) Втор. Полн. Собр. Зак. № 6418.
- 43) „Справка къ докладу Панчулидзева“, стр. 33—36.
- 44) Втор. Полн. Собр. Зак. № 28079.
- 45) Рукописные матеріалы.
- 46) Втор. Полн. Собр. Зак. № 3703.
- 47) Тамъ-же, № 16767.
- 48) Тамъ-же № 2558 (28 декабря 1828 г.); см. также № 5224, п. 2.
- 49) Положеніе 1835 г. признало право проживанія въ Ригѣ и Шлокѣ за тѣми евреями, которые тамъ водворились до изданія этого Положенія; законъ 1841 г. распространилъ это право на поселившихся въ Ригѣ до 17 декабря 1841 г. Втор. Полн. Собр. Зак. № 15126.
- 50) Тамъ-же № 2884.
- 51) Тамъ-же № 4591.
- 52) „Г'елейтъ-цолль“, Евр. Старина, 1910 г., вып. I.
- 53) Гессенъ, „Въ эфемерномъ государствѣ. Евреи въ Герцогствѣ Варшавскомъ“, Сиб., 1910 г.; см. также статью о Варшавѣ въ „Евр. Энциклопедіи“, т. V, 318—322.
- 54) Втор. Полн. Собр. Зак. № 5282.
- 55) „Справка къ докладу Панчулидзева“, стр. 21—26.
- 56) Положеніе о евреяхъ 1835 г., § III.
- 57) Втор. Полн. Собр. Зак., № 21858.
- 58) Тамъ-же, № 22057.
- 59) Тамъ-же, № 25106..
- 60) Ю. Гессенъ, „Московское гетто“, сборн. „Пережитое“, т. I.

- 61) Втор. Полн. Собр. Зак., № 8481.
- 62) Тамъ-же, № 9843 и 10242.
- 63) Евреи, находившіеся тамъ до 15 мая 1837 г. и ихъ дѣти мужскаго пола, какъ родившіеся въ Сибири, такъ и отправленные туда вмѣстѣ съ родителями по распоряженію правительства. Вт. Полн. Собр. Зак., № 21701.
- 64) Тамъ-же, № 5016.
- 65) Гессенъ, „Попытка эмансипаціи евреевъ въ Россіи“, сборн. „Пережитое, т. I; его-же статья объ Александрѣ II въ „Еврейской Энциклопедіи“, т. I.
- 66) Втор. Полн. Собр. Зак., № 34248.
- 67) См. выше стр. 101. Фактически этимъ правомъ евреи не долго пользовались, такъ какъ въ 1844 г. конфиденціально послѣдовало высочайшее повелѣніе, запретившее принимать евреевъ на государственную службу. Этотъ запретъ былъ отмѣненъ имп. Александромъ II.
- 68) Гессенъ, „Изъ прошлаго. О фанатизмѣ евреевъ“, Восходъ, 1904 г., № 3.
- 69) Рукописные матеріалы.
- 70) Запрещеніе солдатамъ водворяться внѣ черты было установлено закономъ 1838 г.—Втор. Полн. Собр. Зак., № 11386.
- 71) Втор. Полн. Собр. Зак., № 44745.
- 72) Закономъ 30 янв. 1867 г. было разрѣшено принимать врачей, хотя бы они и не имѣли высшей ученой степени, на службу по вѣдомству министерства внутр. дѣлъ, повсемѣстно, кромѣ С.-Петербурга и Москвы съ ихъ губерніями. Вт. Полн. Собр. Зак., № 44195.
- 73) Собр. узакон. и распоряж. правительства, 1872 г. № 176.
- 74) Вт. Полн. Собр. Зак., № 32921. Любопытно дѣло о выселеніи евреевъ изъ г. Книшина, гродн. губ.—тамъ-же, № 32721.
- 75) Втор. Полн. Собр. зак. № 38215.
- 76) Даревскій, „Къ исторіи евреевъ въ Кіевѣ“; см. также Гессенъ, „Многострадальная община“, Евр. Міръ, 1910. № 22.
- 77) Позже, съ общимъ смягченіемъ законодательства о жительствѣ, доступъ въ Кіевъ былъ предоставленъ новымъ группамъ евреевъ, причемъ тѣ категоріи, которыя пріобрѣли право повсемѣстнаго жительства, были освобождены отъ необходимости жить въ гетто, единственномъ нынѣ въ Россіи.
- 78) Втор. Полн. Собр. Зак., № 34691.
- 79) Тамъ-же, № 36029.
- 80) Тамъ-же, № 36264.
- 81) Тамъ-же, № 37080.
- 82) Мышь, „Руководство къ русск. законамъ о евреяхъ“, III изд., стр. 238.
- 83) Рукописные матеріалы.
- 84) Приписываться къ здѣшнимъ еврейскимъ обществамъ могли тѣ, кто проживаетъ въ Имперіи съ давняго времени; раввины, выписываемые правительствомъ изъ Царства Польскаго; гильдейскіе купцы и нѣкоторые другіе; въ 1860 г. купцы первой гильдіи получили право приписываться къ купечеству первой же гильдіи по всѣмъ городамъ

Имперіи при соблюденіи правилъ, установленныхъ для прочихъ евреевъ-купцовъ; впрочемъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требовалось разрѣшеніе правительственной комисіи внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго и министерства внутр. дѣлъ. Втор. Полн. Собр. Зак., № 35317.

85) Тамъ-же, № 46038.

86) Тамъ-же, № 32513.

87) Тамъ-же, № 33659.

88) Тамъ-же, № 35922. Также: Г. Бѣлковскій, „Русское законодательство о евреяхъ въ Сибири“, Спб., 1905 г.

89) Мышь, Руководство etc., стр. 143.

90) См. мое предисловіе къ брошюрѣ, изданной на средства бар. Г. О. Гинцбурга, «О равноправіи евреевъ. Записка Н. А. Неклюдова и В. Д. Карпова“, Спб. 1907. Записка напечатана по копіи, хранившейся въ архивѣ бар. Гинцбурга.

91) Запретъ не былъ распространенъ также на назначаемыхъ на службу по опредѣленію правительства, на владѣющихъ въ области недвиж. имуществами на правѣ собственности, или содержащихъ ихъ въ наймѣ или арендѣ, причемъ первые сохраняютъ право жительства до отчужденія имущества, а послѣдніе—до прекращенія арендныхъ договоровъ; отставные нижніе чины, отбышіе службу по рекрутскому уставу, подлежатъ общему ограниченію.

92) Разсвѣтъ, 1881 г., № 20.

93) Учрежденіе комиссій было только внѣшней данью ходкому въ то время обращенію къ „свѣдущимъ людямъ“. Характерно, что гр. Игнатьевъ циркулярно ознакомилъ губернаторовъ, т. е. будущихъ предсѣдателей комиссій, съ содержаніемъ всеподданѣйшаго доклада, ясно опредѣлившаго новое направленіе политики по еврейскому вопросу, но въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ (№ 194) было только сообщено объ учрежденіи комиссій изъ представителей разныхъ сословій и обществъ для выясненія вредныхъ сторонъ экономической дѣятельности евреевъ; такимъ образомъ, казалось, что центральное правительство ждетъ указаній съ мѣстъ, что оно самостоятельно ничего не предприметъ. Это побудило тогдашній органъ русскихъ евреевъ привѣтствовать образованіе комиссій, такъ какъ еврейскій вопросъ изымается такимъ путемъ изъ сферы „личнаго усмотрѣнія“ (Русскій Еврей, 1881 г., № 37).

94) Комитетъ министровъ также принялъ предложеніе о томъ, чтобы евреямъ сейчасъ же было запрещено вновь вступать во владѣніе или пользованіе недвижимымъ имуществомъ внѣ городовъ и мѣстечекъ, такъ какъ, пока состоится пересмотръ законовъ о евреяхъ, многіе евреи, опасаясь возможнаго запрета, поспѣшили бы овладѣть новыми имѣніями. Комитетъ министровъ одобрилъ и запрещеніе евреямъ производить торговлю въ христіанскіе праздники, съ тѣмъ, однако, чтобы еврейская торговля прекращалась въ тѣ дни и въ теченіе того-же срока, какъ христіанская, отнюдь не болѣе.

95) Гессенъ, „Графъ Н. П. Игнатьевъ и „Временныя правила“ о евреяхъ 3 мая 1882 г.“, „Право“, 1908 г. №№ 30, 31.

96) Подъ этимъ заключительнымъ заявленіемъ подписались: гр. Палецъ, Н. Герардъ, Н. Колошинъ, А. Георгіевскій, А. Мицкевичъ, Ф. Мартенсъ, В. Лозино-Лозинскій, кн. Н. Н. Голицынъ. Четыре члена комиссіи остались при особомъ мнѣніи.

97) Обзоръ постановленій высшей комиссіи, стр. ХСІV.

98) Опубликовано 28 марта.

99) Высоч. утвержд. 18 іюня 1892 г. (мнѣніе Госуд. совѣта. Законъ не былъ распространенъ и на лицъ, владѣющихъ недвижим. имуществомъ по срокъ соотвѣтствующихъ актовъ.

100) Ст. 30 уст. о паспорт. по прод. 1886 г.; 23 ст. уст. о паспорт. изд. 1890 г. Въ основаніе статьи легъ, между прочимъ, законъ 5 февр. 1859 г. Вт. Полн. Собр. Зак. № 34128, п. 3.

101) О позднѣйшемъ запретѣ—см. ниже.

102) „Къ столѣтію Комитета министровъ“, стр. 183—4. Это мнѣніе приписывается Бунге; однако, оно извлечено изъ записки, авторство которой, быть можетъ, не принадлежитъ Бунге, а другому неизвѣстному лицу.

103) Выс. пов. 21 іюля 1893 г.; внесло облегченія въ особенности въ лифляндской и курляндской губ.

104) 17 февр. 1892 г. Трет. Полн. Собр. Зак. ак. № 8346.

105) Нынѣ число мѣстностей, изъятыхъ изъ дѣйствія „временныхъ правилъ“, достигаетъ 300. См. „Еврейская Энциклопедія“—статки: Александръ II; Александръ III; Временныя правила; Жительство; Жительство на льготномъ основаніи и др.

106) Новый законъ, отмѣнившій стѣсненіе въ деревняхъ и селахъ, былъ распространенъ на евреевъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, ихъ женъ и дѣтей: сыновей до совершеннолѣтія или до окончанія курса въ высшихъ учебн. заведеніяхъ (но не долѣе 25-лѣтняго возраста), а дочерей до замужества; 2) на купцовъ 1-й гильдіи и членовъ ихъ семействъ, включенныхъ въ ихъ сословное купеческое свидѣтельство, а также на бывшихъ купцовъ 1-й гильдіи, въ теченіе 15 лѣтъ состоявшихъ въ сей гильдіи, и членовъ ихъ семействъ (обѣ эти группы могутъ имѣть при себѣ домашнихъ слугъ и приказчиковъ евреевъ-же); 3) на аптекарскихъ помощниковъ, дантистовъ, фельдшеровъ и повивальныхъ бабокъ; 4) на ремесленниковъ (упомянутыхъ въ ст. 17 прилож. къ статьѣ 68 Устава о паспортахъ, изд. 1903 года), а также каменщиковъ, плотниковъ и др., пока они занимаются своими ремеслами и мастерствами; 5) на отставныхъ нижнихъ чиновъ, поступившихъ на службу по рекрутскому уставу. Именной Высоч. указъ 11 августа 1904 г.

107) Выс. утв. 7 іюня 1904 г. мнѣніе Гос. совѣта.

108) Именной Высочайшій указъ 11 августа 1904 г.

109) Циркуляръ мин. вн. дѣлъ 26 іюля 1903 г., № 12972, поставилъ вопросъ о водвореніи въ Сибири даже правоспособныхъ евреевъ въ зависимость отъ усмотрѣнія мѣстной власти. См. Г. Бѣлковскій, „Русск. законодат. о евреяхъ въ Сибири“, стр. 14.

110) См. „Евр. Энциклопедія“.—Иностранные евреи.

Еврейскій и христіанскій городскіе торгово-промышленные классы, по даннымъ 1800 года.

ГУБЕРНІИ:	ХРИСТІАНЕ.				Е В Р Е И.			
	Купцы.	Мѣщане.	ВСЕГО.	Уплачено подати въ руб.	Купцы.	Мѣщане.	ВСЕГО.	Уплачено подати въ руб.
Бѣлорусская	1.423	18.264	19.687	57.535	627	23.926	24.553	119.444
Минская	260	9.220	9.480	25.954	205	14.055	14.260	71.018
Подольская	614	11.597	12.111	33.466	316	22.594	22.910	110.108
Волынская	192	9.252	9.444	26.187	726	24.441	25.167	121.565
Кіевская	453	11.269	11.822	33.067	104	19.744	19.848	95.462
Малороссійская	4.446	37.223	41.669	128.178	79	4.234	4.313	20.497
Новороссійская *)	3.334	16.184	19.518	69.640	94	1.306	1.400	7.503
Всего . . .	10.722	113.009	123.731	374.027	2.151	110.300	112.451	545.597

*) О христіанскомъ торгово-промышленномъ классѣ Литовскихъ губерній нѣтъ свѣдѣній

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ АВТОРА.

стр.

- ВСТУПЛЕНІЕ.** Характеръ русскаго ограничительнаго законодательства о евреяхъ.—Отсутствіе планомѣрности и опредѣленности въ цѣляхъ.—Безсиліе законодательства въ борьбѣ съ требованіями жизни.—Роль правительства и общества въ созиданіи ограниченій. 3—11
- Ростъ ограничительнаго законодательства.** . . . 11—106
- Періодъ до перехода въ русское подданство.**—Давность еврейскаго поселенія въ Россіи.—Стремленіе Верховной власти въ 18 в. удалить евреевъ изъ страны.—Вынужденное повтореніе соотвѣтствующихъ повелѣній.—Ходатайство малороссійскихъ и рижскихъ властей объ отмѣнѣ выселенія.—Тайное содѣйствіе имп. Екатерины II водворенію евреевъ въ Россіи.—Просьба рижскаго депутата о допущеніи ихъ въ городъ. 11—20
- Возникновеніе черты осѣдлости.**—Присоединеніе Бѣлоруссіи къ Россіи и манифестъ имп. Екатерины II о принятіи евреевъ въ русское подданство (1772 г.).—Гражданское равенство.—Жалоба московскаго купечества на евреевъ.—Указъ 1791 г., давшій основаніе для установленія черты еврейской осѣдлости.—Переѣзна въ отношеніи имп. Екатерины II къ евреямъ.—Присоединеніе Курляндіи къ Россіи.—Стремленіе мѣстной власти къ выселенію евреевъ изъ края.—Предоставленіе имп. Павломъ I гражданскихъ правъ курляндскимъ евреямъ (1799 г.). 20—30
- Деревни и села. I.**—Попытка переселить евреевъ, въ числѣ прочихъ русскихъ купцовъ и мѣщанъ, изъ уѣздовъ въ города (1782 г.).—Несоотвѣтствіе этой мѣры съ мѣстнымъ хозяйственнымъ строемъ.—Крайняя острота вопроса въ отношеніи евреевъ.—Роль евреевъ въ бѣдствіи крестьянъ.—Противорѣчіе въ правительственныхъ дѣйствіяхъ.—Еврейскій комитетъ 1802 г.; его мудрыя теоретическія положенія и безплодныя практическія мѣры.—Опасеніе облегчить положеніе крѣпостного крестьянства и вытекавшая отсюда необходимость направить репрессивныя преобразованія противъ евреевъ.—Возобновленіе выселенія (1807 г.).—Бѣдственные послѣдствія.—Сознаніе представителей власти въ необходимости отмѣнить эту мѣру и ихъ безсиліе предъ твердой волей государя.—Высочайшее повелѣніе о пріостановленіи выселенія и образованіе новаго комитета для разрѣшенія этого вопроса (1809 г.). 30—50
- II.** Значеніе дѣятельности комитета.—Сопоставленіе его спокойнаго разсмотрѣнія вопроса съ рѣшительными мѣрами противъ евреевъ.—Выводы комитета: пребываніе ев-

реевъ въ селахъ и деревняхъ приносить пользу; бѣдствіе крестьянъ происходитъ не отъ сосѣдства евреевъ; вина падаетъ на помѣщиковъ; необходимо окончательно отмѣнить мѣру выселенія (1812 г.). — Отечественная война и благоволеніе имп. Александра I къ еврейскому населенію. — Возобновленіе выселенія и вынужденная пріостановка въ осуществленіи этой мѣры (1824 г.). — Отрицательное отношеніе къ ней со стороны высшихъ государственныхъ дѣятелей, департамента законовъ Государственнаго совѣта и самого Госуд. совѣта. — *Общее убѣжденіе, что вредъ, проистекающій будто отъ евреевъ, не доказанъ и что бѣдствіе крестьянъ вызывается другими обстоятельствами.* — Резолюція имп. Николая I. — Отмѣна выселенія, какъ системы (1835 г.). — Право проживанія въ военныхъ поселеніяхъ покупается цѣною сдачи сыновей въ кантонисты. — Новая попытка массового выселенія.

50—66

Города. — Попытки Ковенскаго и Кіевскаго городскихъ обществъ удалить отъ себя евреевъ на основаніи старинныхъ привилегій. — Отрицательное отношеніе мѣстныхъ властей къ этимъ домогательствамъ. — Игнорированіе имп. Павломъ I и Александромъ I подобныхъ актовъ. — „Черта еврейской осѣдлости“ въ г. Вильнѣ. — Возстановленіе привилегіи Кіева и изгнаніе евреевъ (1828 г.). — Заявленіе ген.-губернатора о вредности этой мѣры для города. — Настойчивость имп. Николая I. — Вынужденное смягченіе запрета. — Неудачная попытка къ удаленію евреевъ изъ Каменца-Подольскаго (1827 г.). — Стѣсненія въ Ковнѣ. — Выступленіе караимовъ противъ евреевъ. — Выселеніе евреевъ изъ Севастополя и Николаева по соображеніямъ „военнаго“ характера (1829 г.). — Отрицательное отношеніе мѣстной власти къ такой мѣрѣ и вызванныя этимъ отсрочки. — Ялта. — Пограничная территория.

66—83

Параллельныя „черты осѣдлости“. — Курляндія и Царство Польское. — Мѣры къ „уменьшенію числа евреевъ“ въ Курляндіи. — Отношеніе Царства Польскаго къ русскимъ евреямъ, какъ къ иностраннымъ. — Специальный сборъ „гелейтъ-цолль“. — Разнообразныя стѣсненія въ Варшавѣ въ отношеніи жительства. — Раздѣленіе улицъ и домовъ на части, запретныя и открытыя для жительства. — Борьба среди христіанъ изъ-за евреевъ. — Введеніе ограниченій въ другихъ городахъ.

84—91

Внѣ черты осѣдлости. — Доступъ для торговыхъ и иныхъ цѣлей. — Корысть христіанскаго купечества. — Возбужденіе вопроса о постоянномъ жительствѣ купцовъ и гильдіи. — Благопріятное рѣшеніе департамента законовъ Государственнаго совѣта (1833). — Разногласіе въ Государств. совѣтѣ. — Основной моментъ разногласія: борьба темнаго предразсудка и религіознаго предубѣжденія съ государственнымъ взглядомъ на евреевъ. — Рѣшительное заявленіе адмирала Грейга. — Ссылка имп. Николая I на Петра Великаго и неблагоприятная резолюція. — Мѣстныя ограниченія. — Обходъ законовъ. — Страхъ предъ злоупотребленіемъ „льготами“. — Московское гетто. — Закрытіе Астраханской губ. и Кавказской области для жительства евреевъ. — Иронія судьбы: завое-

ваніе Кавказа дало Россіи, тысячи новыхъ подданныхъ-евреевъ.—Сибирь.—Финляндія. 91—106

Эпоха облегченій. 107—152

Переломъ въ политикѣ по отношенію къ евреямъ.—Реформы имп. Александра II.—Наслѣдіе прошлаго царствованія — „разборъ“ евреевъ на „полезныхъ“ и „безполезныхъ“.—Пересмотръ законовъ съ цѣлью сліянія евреевъ съ прочимъ населеніемъ, — Попытка эмансипаціи евреевъ — новороссійскій генер.-губернаторъ гр. Строгановъ и министръ внутр. дѣлъ С. Ланской.—Принятіе правительствомъ системы постепенной эмансипаціи.—Примѣненіе принципа „разбора“ въ дѣлѣ смягченія ограничительныхъ законовъ. 107—114

Борьба за право повсемѣстнаго жительства. I. — Отношеніе имп. Александра II къ законамъ о жительствѣ.—Противодѣйствіе еврейскаго комитета смягченію этихъ законовъ.—Предоставленіе повсемѣстнаго жительства купцамъ і гильдіи.—Необходимость расширить территорію осѣдлости евреевъ, въ виду ихъ бѣдственнаго состоянія.—Безуспѣшное выступленіе министровъ внутр. дѣлъ и просвѣщенія въ пользу этой мѣры.—Борьба старыхъ завѣтовъ съ новыми лозунгами.—Страхъ предъ „фанатизмомъ“ евреевъ.—Раздѣленіе группы лицъ съ высшимъ образованіемъ на „опасныхъ“ и „безопасныхъ“ для окружающаго населенія.—Характерное сужденіе Госуд. совѣта о лекаряхъ.—Предоставленіе повсемѣстнаго жительства евреямъ съ учеными степенями, но не съ высшимъ образованіемъ. 114—122

I. Предложенія министра финансовъ Рейтерна и внутр. дѣлъ Валугева о дарованіи права повсемѣстнаго жительства торгово-промышленному сословію и ремесленникамъ, въ совокупности граничившія съ отмѣной черты осѣдлости.—Черта осѣдлости понижаетъ нравственный уровень евреевъ.—Мнѣніе мѣстныхъ властей.—Отрицательное отношеніе комитета министровъ къ обоимъ представленіямъ.—Новый благопріятный анкетный матеріалъ по вопросу о чертѣ осѣдлости.—Ходатайство Астраханскаго губернатора.—Законъ 1865 г. о ремесленникахъ и мастерахъ.—Предоставленіе отставнымъ нижнимъ чинамъ права повсемѣстнаго жительства (1867 г.).—Исторія закона 1879 г. о лицахъ съ высшимъ образованіемъ и медицинскихъ профессій. 122—138

Мѣстныя облегченія. — Упраздненіе московскаго гетто. — Отмѣна запретовъ въ Ковнѣ, Житомирѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Трокахъ, — Борьба изъ-за стѣсненій въ Вильнѣ.—Представленіе кіевскихъ властей о смягченіи мѣстныхъ ограниченій, такъ какъ удаленіе евреевъ изъ Кіева нанесло городу ущербъ.—Николаевъ, Севастополь и Ялта.—Эмансипація евреевъ въ Царствѣ Польскомъ и маркизъ Вѣлепольскій.—Свободный переходъ изъ Имперіи въ Царство Польское и обратно.—Пограничная полоса.—Сибирь и Финляндія. 138—147

На рубежѣ.—Борьба за эмансипацію евреевъ.—Комиссія по устройству быта евреевъ.—Записка криминалиста Неклюдова въ пользу гражданскаго равенства еврейскаго населенія и вызванное ею закрытіе комиссіи.—Ограни-

ченіе, введенное въ Области Войска Донско го, обрываетъ „эпоху облегченій“	148—152
Къ старомъ завѣтамъ	153—180
Гр. Игнатъевъ и „Временныя правила“ 1882 г.—Анти-еврейскіе беспорядки 1881 года. — Жертвы погромной катастрофы, евреи устами гр. Игнатъева объявляются ея виновниками. — Широкий планъ репрессій.—Борьба комитета министровъ съ реакціоннымъ движеніемъ.—Записка министра финансовъ Бунге.—Пораженіе гр. Игнатъева.—„Временныя правила“ 1882 г.—Запрещеніе водворяться въ селахъ и деревняхъ.—Пересмотръ законовъ объ евреяхъ	153—161
Торжество реакціи.—Паленская комиссія: ея взгляды на эмансипацію евреевъ; безуспѣшное противодѣйствіе усиленію ограниченій; требованіе отмены „временныхъ правилъ“.—Новыя ограниченія въ жительствѣ: выселеніе изъ Москвы и Ялты; попытка прегражденія доступа въ Сибирь. — Иностранные евреи.—Усиленіе административныхъ репрессій: выселеніе изъ запретныхъ мѣстностей; усугубленіе „временныхъ правилъ“.—Возобновленіе представленій о смягченіи „временныхъ правилъ“. — Палліативныя мѣры въ этомъ вопросѣ	161—173
Последніе годы. — Облегчительные законы 1904 г.: отмена 50-ти-верстной пограничной полосы; расширеніе правъ привилегированныхъ группъ; предоставленіе права на повсемѣстное жительство нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ дѣйствующей арміи на Дальнемъ Востока.—Представленіе совѣта министровъ объ отменѣ ограничительныхъ законовъ, носящихъ мѣстный характеръ, а также „временныхъ правилъ“. — Циркуляръ 1907 г. о невысылкѣ евреевъ, незаконно поселившихся въ запретныхъ мѣстностяхъ.—Отмена циркуляра.—Стремленіе преградить доступъ въ Сибирь. — Выселеніе бухарскихъ евреевъ. — Внесеніе въ Государственную думу законодательнаго предположенія объ отменѣ ограничительныхъ законовъ о жительство евреевъ	173—180
Примѣчанія	181—186

ТАБЛИЦА I.

Численность еврейскаго населенія въ губерніяхъ внѣ черты осѣдлости въ 1858 г.,
1880—81 г. и 1897 г.

(Матеріалы: для 1858 г.—Статист. таблицы Росс. Имперіи изд. Цент. Стат. Комитета, вып. II, Сбп. 1863 г.;
для 1880-81 г.г.—рукописныя данныя; для 1897 г.—первая всеобщая перепись населенія Росс. Имперіи

Губерніи.	1858 г. 1).					1880—1881 г.					1897 г.				
	Въ городск. поселеніяхъ.		Внѣ городск. поселеній.		Всего.	Въ городскихъ поселеніяхъ.		Внѣ городск. поселеній.		Всего.	Въ городскихъ поселеніяхъ.		Внѣ городск. поселеній.		Всего.
	Мужчинъ.	Женщинъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.		Мужчинъ.	Женщинъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.		Мужчинъ.	Женщинъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.	
Архангельская	129	27	—	—	156	58	44	—	—	102 ²⁾	154	96	3	—	253
Астраханская	163	67	—	—	230	260	222	7	5	494	1110	1018	49	29	2207
Владимірская	227	67	—	—	294	265	205	13	5	488	653	427	34	30	1144
Вологодская	159	71	—	—	230	138	104	36	12	290	182	155	23	13	373
Воронежская	87	71	118	3	279	376	330	179	116	1001	753	962	177	85	1977
Вятская	287	21	45	10	363	154	127	119	112	512	237	270	199	176	882
Казанская	153	22	8	—	183	466	297	26	16	805	817	507	34	23	1381
Калужская	426	193	2	3	624	242	197	142	106	687	717	305	236	201	1459
Костромская	204	60	—	—	264	231	226	45	26	528	422	326	46	36	830
Курская	270	193	2	—	465	828	619	237	199	1883	1764	1376	488	438	4066
Московская	340	104	—	—	444	5430	3377	118	75	9000 ³⁾	3623	1927	172	34	5756 ⁵⁾
Нижегородская	534	167	61	13	775	435	363	43	37	878	1227	1138	82	46	2493
Новгородская	369	124	549	266	1308	612	519	414	393	1938	1178	821	1137	596	3732
Олонецкая	299	90	67	34	490	213	175	21	17	426	198	210	22	7	437
Оренбургская	19	—	—	—	19	531	401	12	10	954	921	833	54	36	1844
Орловская	331	70	55	2	458	789	611	337	393	2130	2760	2136	676	541	6113
Пензенская	177	53	38	—	268	182	132	37	27	378	270	142	50	21	483
Пермская	403	73	4	—	480	309	234	45	39	627	819	671	166	105	1761
Петербургская	1050	381	79	57	1567	6045	4077	663	558	11343 ⁴⁾	8140	6982	525	414	16061 ⁶⁾
Псковская	198	46	—	—	244	1192	974	519	494	3179	2470	2204	1425	262	6361
Рязанская	168	34	—	—	202	290	297	84	63	734	1004	378	44	53	1479
Самарская	104	20	4	—	128	258	231	24	15	528	766	657	141	105	1669
Саратовская	17	2	—	—	19	370	270	11	7	658	1429	887	99	112	2527
Симбирская	110	25	16	5	156	133	104	20	16	273	266	168	12	3	449
Смоленская	156	73	—	—	229	1168	1220	627	564	3579	3854	3280	2197	1574	10905
Тамбовская	128	59	3	—	190	362	369	110	85	926	1068	667	163	148	2046
Тверская	319	140	38	26	523	738	742	64	68	1612	748	634	52	25	1460
Тульская	509	144	47	1	701	541	386	57	39	1023	1467	1140	82	72	2760
Харьковская	139	106	2	—	247	2325	1553	547	333	4758	6524	5271	483	372	12650
Ярославская	255	189	—	—	444	373	315	21	20	729	913	557	36	28	1534
Итого въ 30 губ.	7730	2692	1138	420	11980	25314	18721	4578	3850	52463	46454	36145	8918	5585	97091⁷⁾

1) Въ цифры этого года входятъ также и караимы, число коихъ крайне незначительно.

2) Преимущественно въ Архангельскѣ и Пинежѣ.

3) Въ Москвѣ евреевъ въ 1880 г.—5011 мужч. и 3014 жен.

4) Въ Петербургѣ въ 1880 г.—5396 мужч. и 3522 жен.

5) Въ Москвѣ въ 1897 г.—3316 мужч. и 1752 жен.

6) Въ Петербургѣ въ 1897 г.—6273 мужч. и 5764 жен.

7) Въ графахъ 1880—81 г. и 1897 г. указано общее число профессиональнаго населенія; данныя 1897 г. взяты изъ XXII табл. всеобщей переписи—на основаніи указаній о родномъ языкѣ, а потому приведенныя здѣсь цифры меньше тѣхъ, которыя опредѣляются на основаніи вѣроисповѣданія.

ТАБЛИЦА II.

Еврейское население въ губерніяхъ внѣ черты осѣдлости въ 1880—1881 г. и 1897 г. по группамъ: а) ремесленниковъ, б) лицъ свободныхъ профессійи с) купцовъ.

а) Ремесленники.

Губерніи.	1880—1881 г.				1897 г.					
	Въ городск. поселеніяхъ.		Внѣ городск. поселеній.		Въ городск. поселеніяхъ.		Внѣ городск. поселеній.		Всего.	
	Самостоят.	Члены семей.	Самостоят.	Члены семей.	Самостоят.	Члены семей.	Самостоят.	Члены семей.		
Архангельская	4	15	—	—	34	58	2	—	94	
Астраханская	31	46	1	—	322	721	11	13	1067	
Владимірская	73	190	9	7	161	368	23	20	572	
Вологодская	29	93	3	10	57	116	13	15	201	
Воронежская	78	226	58	126	327	681	56	27	1091	
Вятская	33	116	31	100	101	171	71	151	494	
Казанская	97	258	11	16	149	323	9	12	493	
Калужская	47	198	57	132	142	274	113	262	791	
Костромская	46	111	24	44	92	193	26	31	342	
Курская	165	747	36	216	577	1309	155	321	2362	
Московская	2211	2959	18	86	414	773	11	19	1217 ⁴⁾	
Нижегородская	41	236	9	40	312	635	38	39	1024	
Новгородская	101	279	60	246	285	612	214	1056	2167	
Олонѣцкая	39	87	1	—	80	160	7	—	247	
Оренбургская	76	162	4	18	252	487	19	21	779	
Орловская	204	647	108	389	862	1794	217	535	3408	
Пензенская	45	125	11	48	60	111	22	25	218	
Пермская	55	184	17	55	299	506	59	89	953	
Петербургская	1840	2884	74	462	3710	5252	174	329	9465 ⁵⁾	
Псковская	406	1090	186	755	920	2268	70	1395	5153	
Рязанская	91	283	27	91	164	359	19	28	570	
Самарская	68	167	7	23	270	492	22	60	844	
Саратовская	63	169	6	9	320	650	26	50	1046	
Симбирская	20	56	5	23	54	106	2	—	162	
Смоленская	249	1030	198	713	1159	2180	643	1366	5348	
Тамбовская	86	282	32	121	258	463	40	105	866	
Тверская	133	538	24	93	226	464	20	24	734	
Тульская	76	261	14	45	411	966	28	58	1463	
Уфимская	18	90	—	19	93	193	15	19	320	
Харьковская	630	1154	173	633	2416	4402	171	320	7309	
Ярославская	54	147	9	25	196	394	11	30	631	
Итого въ 31 губ.	7109	15135	1213	4545	28002	14723	27481	2807	6420	57431

б) Лица свободныхъ профессій.

Губерніи.	1880—1881 г.				1897 г.					
	Въ городск. поселеніяхъ.		Внѣ городск. поселеній.		Въ городск. поселеніяхъ.		Внѣ городск. поселеній.		Всего.	
	Самостоят.	Члены семей.	Самостоят.	Члены семей.	Самостоят.	Члены семей.	Самостоят.	Члены семей.		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	7	16	—	3	—	5	—	—	—	
—	2	1	—	1	—	—	—	—	—	
—	11	12	—	—	—	—	—	—	—	
—	2	1	—	1	—	—	—	—	—	
—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	5	6	—	2	—	4	—	—	—	
—	151	70	—	1	—	4	—	—	—	
—	5	12	—	2	—	4	—	—	—	
—	8	5	—	4	—	7	—	—	—	
—	1	4	—	2	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	14	8	—	4	—	8	—	—	—	
—	4	5	—	1	—	—	—	—	—	
—	4	24	—	—	—	—	—	—	—	
—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	541	396	—	7	—	18	—	—	—	
—	4	14	—	3	—	3	—	—	—	
—	5	5	—	—	—	—	—	—	—	
—	13	31	—	3	—	4	—	—	—	
—	7	4	—	1	—	—	—	—	—	
—	3	3	—	—	—	—	—	—	—	
—	5	18	—	—	—	—	—	—	—	
—	10	10	—	—	—	—	—	—	—	
—	9	26	—	1	—	5	—	—	—	
—	4	2	—	1	—	—	—	—	—	
—	11	35	—	3	—	9	—	—	—	
—	81	73	—	1	—	9	—	—	—	
—	11	25	—	—	—	—	—	—	—	
Итого	927	816	41	81	1865	1362	1407	179	224	3172

с) Купцы.

Губерніи.	1880—1881 г.				1897 г. ¹¹⁾				
	Въ городск. поселеніяхъ.		Внѣ городск. поселеній.		Въ городск. поселеніяхъ.		Внѣ городск. поселеній.		Всего.
	Самостоят.	Члены семей.	Самостоят.	Члены семей.	Самостоят.	Члены семей.	Самостоят.	Члены семей.	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	1	18	—	2	—	—	—	—	—
—	—	6	—	—	—	—	—	—	—
—	5	26	—	2	—	13	—	—	—
—	1	8	—	4	—	—	—	—	—
—	2	14	—	—	—	—	—	—	—
—	1	7	—	4	—	23	—	—	—
—	—	6	—	—	—	—	—	—	—
—	4	12	—	—	—	—	—	—	—
—	87	1406	—	8	—	—	—	—	—
—	2	21	—	5	—	—	—	—	—
—	4	40	—	25	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	2	57	—	4	—	18	—	—	—
—	6	35	—	—	—	—	—	—	—
—	1	6	—	3	—	—	—	—	—
—	1	5	—	—	—	—	—	—	—
—	171	1056	—	6	—	49	—	—	—
—	4	46	—	—	—	14	—	—	—
—	4	26	—	2	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	3	29	—	1	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	12	209	—	2	—	38	—	—	—
—	2	8	—	5	—	33	—	—	—
—	3	26	—	—	—	—	—	—	—
—	1	8	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	114	435	—	4	—	1	—	—	—
—	1	10	—	7	—	—	—	—	—
Итого	432	3520	38	237	422	4775	491	—	5266

1) См. примѣч. 1 къ таблицѣ I.
2) Въ Москвѣ евреевъ-ремесленниковъ въ 1880 г.—2140 самостоят. и 2677 членовъ семей.
3) Въ Петербургѣ евр.-ремесл. въ 1880 г.—1666 сам. и 2358 членовъ семей.
4) Въ Москвѣ евр.-ремесл. въ 1897 г.—372 сам. и 700 чл. семей (значительное уменьшеніе въ сравненіи съ 1880 г. объясняется выселеніями въ 1891 г.).
5) Въ Петербургѣ евреевъ-ремесл. въ 1897 г.—3178 сам. и 4278 членовъ семей.

6) Въ Москвѣ въ 1880 г.—149 самостоят. и 69 членовъ сем.
7) Въ Петербургѣ въ 1880 г.—689 сам. и 387 чл. сем.
8) Въ Москвѣ въ 1897 г.—164 сам. и 176 чл. сем.
9) Въ Петербургѣ въ 1897 г.—294 сам. и 208 чл. сем. Такое уменьшеніе лицъ свободныхъ профессій въ Петербургѣ въ 1897 г. сравнительно съ 1880 г. объясняется вѣроятно тѣмъ, что перепись 1897 г. по профессіямъ опредѣлялась на основаніи указаній о еврейскомъ языкѣ (см. прим. 7 къ табл. I), который былъ заявленъ далеко не всѣми евреями интеллигентныхъ профессій.

10) Данныя о купцахъ 1897 г. взяты не изъ таблицы XXII переписи—„распределеніе по занятіямъ“, а изъ XIV табл. по сословіямъ, болѣе подходящей, какъ матеріалъ о купцахъ 1 гильдии. Въ эту рубрику купцовъ входятъ самостоятельные и члены семей.
11) Въ Москвѣ въ 1880 г.—87 сам., 1406 членовъ семей.
12) Въ Петербургѣ—166 сам. и 1024 чл. сем.
13) Въ Москвѣ въ 1897 г.—756 (ср. примѣч. 9 к табл. II).
14) Въ Петербургѣ было въ 1897 г.—654 (ср. примѣч. 9 къ табл. II).